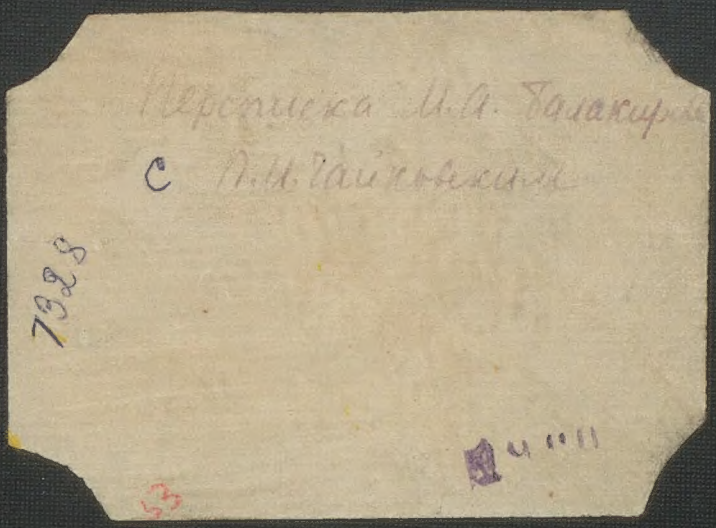

Переписка М.А. Балакирева
с П.И. Чайковским
7328
33

78
П. 27

ПЕРЕПИСКА

М. А. БАЛАКИРЕВА

СЪ

П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
И ПРИМѢЧАНІЯМИ
С. ЛЯПУНОВА.

БИБЛІОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 7328

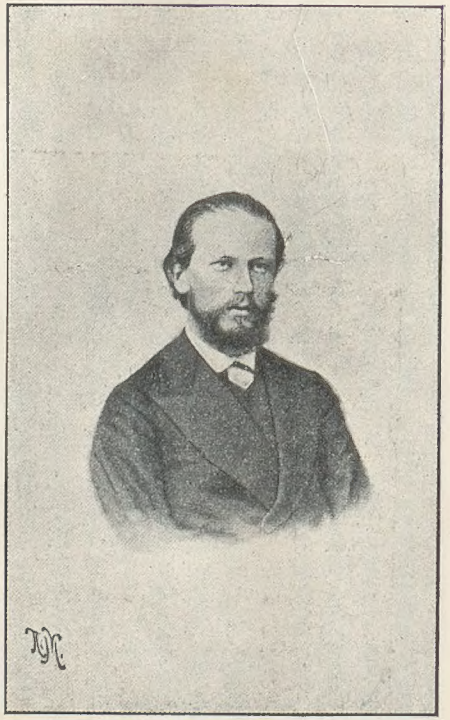
Поставщикъ двора Его Императорскаго Величества
Юлій Генрихъ Циммерманъ
С.-Петербургъ. • Москва. • Рига. • Лейпцигъ.

1980

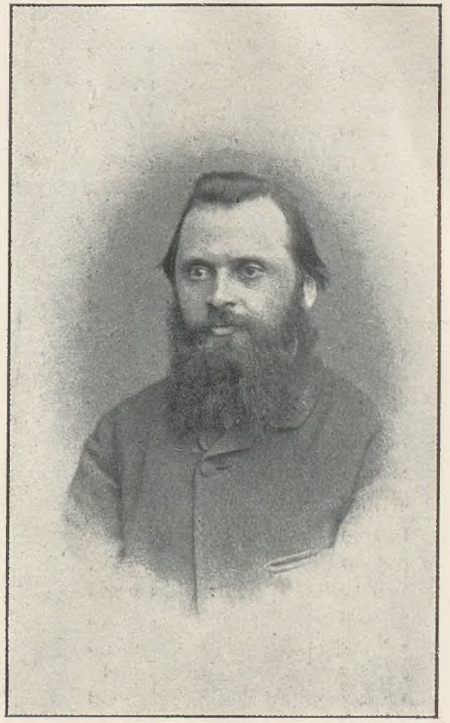
ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Тип им Урицкого Зак 4007

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 7328



П. И. Чайковскій въ 1868 .



М. А. Балакиревъ въ 1867 г.

Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ.

(Неизданныя письма съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова).

Начало личнаго знакомства Милія Алексѣевича Балакирева съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ относится къ первой половинѣ 1868 года. Когда именно и при какихъ обстоятельствахъ оно произошло, изъ переписки названныхъ лицъ не видно; нѣтъ также точныхъ указаній на это въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“, но можно съ большою вѣроятностію предположить, что оно состоялось во время пріѣзда П. И—ча, бывшаго тогда уже профессоромъ Московской Консерваторіи, въ С.-Петербургъ на Пасхальныя каникулы этого года. Письменныя же сношенія его съ М. А. Балакиревымъ начались нѣсколько раньше, и поводомъ къ тому послужилъ вопросъ объ исполненіи „Танцевъ сѣнныхъ дѣвушекъ“ изъ оп. „Воевода“ П. Чайковскаго въ одномъ изъ концертовъ С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, руководителемъ которыхъ въ то время былъ М. А. Балакиревъ.

До 1867 года главнымъ дѣятельнымъ лицомъ и музыкальнымъ авторитетомъ какъ въ Императорскомъ Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ, такъ и въ С.-Петербургской Консерваторіи былъ директоръ ея, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Онъ давалъ направленіе музыкальной жизни общества и какъ первоклассный пьянистъ, и какъ дирижеръ симфоническихъ концертовъ, и наконецъ какъ педагогъ и руководитель основаннаго имъ музыкально-учебнаго заведенія. Его европейская извѣстность придавала необходимый вѣсъ и значеніе всѣмъ его дѣйствіямъ въ избранномъ имъ направленіи, а среди его коллегъ по консерваторіи не было

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. №

никого, кто могъ сколько-нибудь претендовать на равный съ нимъ авторитетъ. Воспитанный на рутинно-нѣмецкой школѣ, онъ не признавалъ ничего, что сколько-нибудь выходило изъ рамокъ этой школы, въ томъ числѣ и самостоятельной русской музыки. Поэтому избранное имъ направленіе не могло не встрѣтить самаго энергичнаго протеста со стороны кружка молодыхъ русскихъ композиторовъ, послѣдователей Глинки, сторонниковъ національной музыки и новѣйшаго прогрессивнаго движенія на западѣ, выразившагося въ сочиненіяхъ Шумана, Листа и Берліоза. Кружокъ этотъ составляли г.г. Кюи, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ и Бородинъ, съ Балакиревымъ во главѣ. Хотя къ нимъ же примкнулъ до нѣкоторой степени и А. С. Даргомыжскій, современникъ Глинки и извѣстный уже авторъ оперы „Русалка“, но все же руководящая роль въ этомъ кружкѣ, получившемъ впослѣдствіи названіе „могучей кучки“, осталась за Балакиревымъ въ силу особыхъ качествъ его музыкальной натуры и личности.

Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ концѣ 1855 года, еще при жизни Глинки, Балакиревъ сразу зарекомендовалъ себя какъ піанистъ и композиторъ. Уже 22 Декабря этого года онъ участвуетъ въ качествѣ піаниста въ концертѣ Карла Шуберта и Кламрота въ Кронштадтѣ. Затѣмъ, въ университетскомъ концертѣ 12 Февраля 1856 г. онъ выступилъ и какъ композиторъ, исполнивъ Allegro изъ своего фортепьяннаго концерта fis-moll. Это было его первое выступленіе въ Петербургѣ. 26 Марта того же года онъ даетъ собственный концертъ въ залѣ Мятлевыхъ. Критика его привѣтствовала и какъ піаниста, и какъ композитора, но для насъ важно не мнѣніе тогдашней критики, а мнѣніе Глинки, съ которымъ Балакиревъ познакомился и которому игралъ свои сочиненія. Глинка возлагалъ на него большія надежды и, уѣзжая въ томъ же году заграницу, предсказалъ ему блестящую будущность. Хотя теоретическое музыкальное образованіе Балакирева было далеко не полно вслѣдствіе отсутствія возможности въ то время изучать музыку въ провинціальномъ городѣ (Нижнемъ-Новгородѣ), но близкая дружба его съ извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ, біографомъ Моцарта, А. Д. Улыбышевымъ, дала ему возможность широко познакомиться съ музыкальной литературой и выработать въ себѣ стойкія убѣжденія и вкусы. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ вполнѣ сложившимся музыкантомъ, съ опредѣленными взглядами на искусство, въ подтвержденіе которыхъ, благодаря своей необыкновенной памяти, всегда имѣлъ возможность привести массу примѣровъ изъ музыкальной литературы. При всѣхъ недочетахъ

своей композиторской техники, онъ владѣлъ и формой, и инструментовкой. Поэтому въ кругу молодыхъ композиторовъ, еще только пробовавшихъ свои силы на этомъ поприщѣ, онъ явился авторитетнымъ руководителемъ.

Основавъ вмѣстѣ съ Г. Я. Ломакинымъ, *) въ противовѣсъ руководимымъ Рубинштейномъ Музыкальному Обществу и Консерваторіи, Безплатную Музыкальную Школу, Балакиревъ сдѣлался руководителемъ ея концертовъ и очень быстро создалъ себѣ репутацію талантливаго дирижера и пропагандиста новѣйшей русской и европейской музыки. Въ началѣ 1867 г. по иниціативѣ Л. И. Шестаковой, сестры Глинки, Балакиревъ приглашается въ Прагу ставить оперу „Русланъ и Людмила“ на тамошней сценѣ, что имъ и исполняется съ большимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ извѣстность его переходитъ за границы не только Петербурга, но и Россіи.

Какъ разъ къ началу 1867 года въ Музыкальномъ Обществѣ и С.-Петербургской Консерваторіи произошли крупныя перемѣны. Предсѣдатель дирекціи С.-Петербургскаго Отдѣленія И. Р. М. О. графъ М. Ю. Вьельгорскій скончался въ Февралѣ 1866 г., и вмѣсто него былъ избранъ А. С. Даргомыжскій. Вслѣдъ затѣмъ директоръ консерваторіи А. Г. Рубинштейнъ отказался 6 Января 1867 г. отъ своей должности и лѣтомъ того же года уѣхалъ заграницу. Такъ какъ онъ совмѣщалъ въ себѣ руководителя консерваторіи и дирижера концертовъ И. Р. М. О., то среди профессорскаго персонала не нашлось лицъ, которыя съ подобающимъ этому положенію авторитетомъ могли бы замѣнить его въ обѣихъ отрасляхъ его дѣятельности. Директоромъ консерваторіи былъ избранъ Н. И. Заремба**), а для дирижированія концертами дирекція рѣшила пригласить Балакирева, въ рукахъ котораго такимъ образомъ соединились два враждовавшія до тѣхъ поръ учрежденія: Безплатная Музыкальная Школа и концерты И. Р. М. О-ва.

Петръ Ильичъ Чайковскій, окончивъ курсъ С.-Петербургской Консерваторіи въ Декабрѣ 1865 года, былъ тотчасъ же приглашенъ Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ ***) въ качествѣ преподавателя теоріи музыки въ открытыхъ имъ при Московскомъ

*) Гавріилъ Якимовичъ Ломакинъ, извѣстный учитель пѣнія и духовно музыкальный композиторъ.

**) Николай Ивановичъ Заремба, профессоръ С.-Петербургской Консерваторіи по классу композиціи со времени ея основанія, а съ 1867 г. по 1871 г.— директоръ ея.

***) Н. Г. Рубинштейнъ, братъ А. Г. Рубинштейна, также знаменитый піанистъ, основатель и первый директоръ Московской Консерваторіи.

Отдѣленіи И. Р. М. О. музыкальныхъ классахъ. Съ расширеніемъ ихъ и переименованіемъ въ консерваторію онъ сдѣлался тамъ профессоромъ теоріи композиціи, въ каковой должности и пробылъ до 1878 года. Уѣхавъ изъ Петербурга немедленно по окончаніи курса консерваторіи, онъ не могъ завязать тамъ прочныхъ музыкальныхъ связей, и, кромѣ А. Н. Сѣрова, у него внѣ консерваторскаго круга совершенно не было музыкальныхъ знакомствъ. Къ М. А. Балакиреву и членамъ его кружка онъ относился недружелюбно, предполагая въ нихъ презрительное къ нему отношеніе и непризнаніе въ немъ композиторскаго таланта. Это враждебное отношеніе, по словамъ М. Чайковскаго *), имѣло основу въ той мнительности, съ которою П. И—чъ вообще относился къ людямъ, подозрѣвая во всякомъ, индиферентно къ нему относящемся человѣкѣ, своего недоброжелателя. Но, кромѣ этой общей причины, его недружелюбное отношеніе къ членамъ такъ называемой „могучей кучки“, хотя онъ еще не былъ знакомъ съ ними лично, имѣло болѣе опредѣленныя основанія. Воспитанный подъ руководствомъ А. Г. Рубинштейна и Н. И. Зарембы, П. И—чъ глубоко воспринялъ всѣ традиціи и принципы окружавшей его музыкальной атмосферы, а потому не могъ съ симпатіей относиться къ лицамъ, объявившимъ войну всѣмъ этимъ преданіямъ и А. Рубинштейну въ особенности. Это его принципіальное нерасположеніе было еще усилено задѣвшей его самолюбіе статьей Ц. А. Кюи объ его экзаменной кантатѣ. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 24 Марта 1866 г., Кюи далъ такой отзывъ о Чайковскомъ: „Консерваторскій композиторъ г. Чайковскій—совсѣмъ слабъ. Правда, что его сочиненіе (кантата) написано въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: по заказу, къ данному сроку, на данную тему и при соблюденіи извѣстныхъ формъ. Но все-таки, если бы у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь прорвало консерваторскія оковы. Чтобы не говорить много о Чайковскомъ, скажу только, что г.г. Рейнталеры и Фолькманы несказанно бы обрадовались его кантатѣ и воскликнули бы съ восторгомъ: „нашего полку прибыло!“ **).

Такимъ образомъ, независимо отъ той мнительности, о которой говорено выше, дѣлается достаточно понятнымъ отношеніе П. И. Чайковскаго къ кругу музыкантовъ, составлявшихъ „могучую кучку“. Когда же, за отказомъ А. Г. Рубинштейна отъ директорства въ консерваторіи и отъѣздомъ его изъ С.-Петер-

*) См. „Жизнь П. И. Чайковскаго“, т. I, стр. 266.

**) См. „Жизнь П. И. Чайковскаго“, т. I, стр. 204.

бурга, руководящая роль въ концертахъ С.-Петербургскаго Отдѣленія И. Р. М. О. перешла къ Балакиреву, сдѣлавшемуся дирижеромъ этихъ концертовъ, а предсѣдательство въ дирекціи С.-Петербургскаго Отдѣленія къ А. С. Даргомыжскому, примкнувшему въ послѣдній періодъ своей жизни къ направленію „могучей кучки“, то нерасположеніе П. И. Чайковскаго къ членамъ ея было перенесено на все С.-Петербургское Отдѣленіе И. Р. М. О. Этимъ объясняется его довольно странный и вызывающій отвѣтъ на словесную просьбу прислать „Танцы“ изъ „Воеводы“ для исполненія въ одномъ изъ концертовъ С.-Петербургскаго Отдѣленія И. Р. М. О. Въ письмѣ къ своему брату А. И. Чайковскому отъ 12 Декабря 1867 года онъ говоритъ: „изъ Петербурга получилъ словесную просьбу ихъ (Танцы) прислать, но послалъ сказать, что отдамъ не иначе, какъ получивъ за подписью всѣхъ директоровъ официальное отношеніе. Заремба черезъ Н. Рубинштейна велѣлъ мнѣ сказать, что я таковое получу“ *). Кромѣ нерасположенія П. И. Чайковскаго къ представителямъ С.-Петербургскаго музыкальнаго міра, этотъ отвѣтъ показываетъ, что личнаго знакомства между нимъ и Балакиревымъ, къ которому собственно должны были быть направлены его „Танцы“, еще не было. Первое письмо его къ М. А. Балакиреву отъ 21 Января 1868 г., написанное еще въ полуофиціальномъ тонѣ, является по всей вѣроятности отвѣтомъ на полученное имъ „официальное отношеніе“. Этимъ письмомъ, вызвавшимъ очень дружелюбный, но вмѣстѣ съ тѣмъ прямой и откровенный отвѣтъ М. А. Балакирева, начинается переписка ихъ, которая съ большими или малыми перерывами длилась почти до смерти П. И. Чайковскаго. Наиболѣе оживленный обмѣнъ писемъ былъ въ самомъ началѣ возникновенія переписки, въ пору наиболѣе горячей дѣятельности Балакирева въ И. Р. М. О-вѣ и (послѣ вынужденнаго ухода оттуда), въ Безплатной Музыкальной Школѣ. Затѣмъ наступилъ продолжительный перерывъ, вызванный временнымъ удаленіемъ М. А. Балакирева, послѣ постигшихъ его неудачъ, отъ музыкальной дѣятельности и отъ сношеній со своими музыкальными друзьями и знакомыми. Этотъ перерывъ продолжался около десяти лѣтъ, и когда переписка П. И—ча съ М. А. Балакиревымъ возобновилась, то характеръ ея замѣтно измѣнился. Въ первую пору кипучей музыкальной дѣятельности Балакирева въ И. Р. М. О. и Безплатной Музыкальной школѣ переписка его съ Чайковскимъ,

*) См. „Жизнь П. И. Чайковскаго„ т. I, стр. 282.

бывшимъ, въ качествѣ профессора Московской Консерваторіи, свидѣтелемъ и участникомъ московской музыкальной жизни, отражала кромѣ ихъ личныхъ отношеній всѣ сколько-нибудь выдающіяся событія ея въ Петербургѣ и Москвѣ. Десятилѣтній перерывъ сношеній не могъ не оказать замѣтнаго вліянія на характеръ послѣдующей переписки, тѣмъ болѣе что и обстановка жизни каждаго изъ названныхъ лицъ совершенно измѣнилась. М. А. Балакиревъ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія занялъ мѣсто управляющаго Придворною Пѣвческою Капеллою и со свойственною ему горячностью предался своимъ служебнымъ обязанностямъ, поглощавшимъ почти все его время. П. И. Чайковскій въ эту пору былъ всецѣло погруженный въ свое творчество композиторъ, не связанный ни служебными, ни педагогическими занятіями. Живя обыкновенно въ деревнѣ, онъ совершенно удалился отъ шумной жизни столицъ, куда пріѣзжалъ только по случаю исполненія его сочиненій. Интересы, въ которые былъ погруженъ въ своей служебной дѣятельности Балакиревъ, не могли быть для него занимательными, точно такъ же, какъ подробности его личной жизни въ деревенской глуши, не касающіяся его композиторскихъ занятій, не могли интересовать Балакирева. Вслѣдствіе этого матеріалъ для ихъ переписки значительно сократился, и она ограничивалась исключительно только спеціальными вопросами, интересовавшими обоихъ.

Въ этотъ періодъ обмѣнъ писемъ между ними далеко не былъ такъ правиленъ, какъ въ началѣ ихъ письменныхъ сношеній. Переписка ихъ стала носить гораздо болѣе интимный, дѣловой и вмѣстѣ съ тѣмъ случайный характеръ, при чемъ личность и творчество Чайковскаго получаетъ въ ней преобладающее значеніе, тогда какъ о дѣятельности Балакирева упоминается какъ бы вскользь, и личность его остается въ тѣни.

Выше было указано на принципіальное несогласіе взглядовъ Чайковскаго на музыкальное искусство и его музыкальныхъ вкусовъ съ направленіемъ С.-Петербургскихъ композиторовъ, составлявшихъ кружокъ Балакирева. Это несогласіе не помѣшало ему однако оцѣнить по достоинству ихъ дарованія еще въ то время, когда личныхъ сношеній у него съ названнымъ кружкомъ не установилось. Первое же знакомство его съ сочиненіями своихъ „предполагаемыхъ“ враговъ показало ему, что, каковы бы ни были ихъ музыкальные идеалы, это во всякомъ случаѣ люди съ очень крупными талантами. Въ сезонъ 1867 — 68 года въ Москвѣ два

раза исполнялась „Сербская фантазія“ Римскаго- Корсакова *). Имѣя возможность хорошо познакомиться съ этимъ сочиненіемъ, Чайковскій чрезвычайно возмутился очень рѣзкимъ и совершенно несправедливымъ отзывомъ о немъ, помѣщеннымъ въ № 8 газеты „Антрактъ“ за подписью г. Незнакомца. Эта статья побудила его взяться за перо, чтобъ вступиться за своего товарища по искусству, хотя и принадлежащаго къ „враждебному“ лагерю, но тѣмъ не менѣе внушившему ему уваженіе къ своему таланту. Отвѣтъ Чайковскаго въ защиту „Сербской фантазіи“, помѣщенный въ № 8 „Современной Лѣтописи“ за 1868 г., былъ первымъ выступленіемъ его на поприщѣ музыкальной критики и произвелъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ, въ томъ „враждебномъ лагерѣ“, къ которому такъ подозрительно и недружелюбно относился до тѣхъ поръ Чайковскій. Завязавшееся вскорѣ личное знакомство съ членами „могучей кучки“ разсѣяло его недружелюбно - подозрительное къ нимъ отношеніе, тѣмъ не менѣе при всей близости, въ которую онъ всталъ по отношенію къ Римскому-Корсакову и въ особенности къ Балакиреву, при всемъ вліяніи послѣдняго на его творчество, онъ все же сохранилъ свое первоначальное направленіе, свои музыкальные взгляды и вкусы. Одно время казалось, что онъ готовъ былъ примкнуть къ направленію Петербургскаго кружка: онъ принималъ темы, данныя ему Балакиревымъ и В. В. Стасовымъ, въ сочиненіи слѣдовалъ указаніямъ Балакирева. Но какъ разъ въ это именно время сношенія съ послѣднимъ внезапно надолго прекратились. Не предрѣшая вопроса, какое направленіе могло бы принять творчество Чайковскаго, если бы вліяніе на него Балакирева и сношенія съ нимъ временно не порвались, можно только сказать, что во всякомъ случаѣ это обстоятельство не могло пройти безслѣдно.

Балакиревъ представлялъ уже крупный авторитетъ для Чайковскаго еще въ то время, когда сношенія ихъ только завязывались, дальнѣйшее же знакомство неизбѣжно выдвинуло всѣ стороны его рѣзко очерченной музыкальной личности, стойкость его убѣжденій, безпощадность критики, непреодолимость доводовъ, когда онъ отстаивалъ то или иное положеніе. Только онъ одинъ могъ заставить Чайковскаго перерабатывать нѣсколько разъ сочиненіе, прежде чѣмъ окончательно его выпустить въ свѣтъ.

*) 16 Декабря 1867 г. въ концертѣ И. Р. М. О. подъ управленіемъ Н. Рубинштейна и въ концертѣ Дирекціи Имп. Театровъ 19 Февраля 1868 года въ пользу голодающихъ.

Принимая все это во вниманіе, можно съ большою вѣроятностью предположить, что если бы сношенія Чайковскаго съ Балакиревымъ не порвались такъ внезапно и на столь продолжительное время, то едва ли онъ далъ бы такой отзывъ о Петербургскихъ композиторахъ, какой читаемъ въ его письмѣ къ Н. Ф. фонъ-Меккъ отъ 24 Декабря 1877 г. *).

Въ этомъ письмѣ онъ такъ охарактеризовалъ членовъ „могучей кучки“: „всѣ новѣйшіе композиторы народъ очень талантливый, но всѣ до мозга костей заражены самымъ ужаснымъ самомнѣніемъ и чисто дилетантскою увѣренностью въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ остальнымъ музыкальнымъ міромъ. Исключеніе изъ нихъ въ послѣднее время составляетъ Римскій-Корсаковъ. Онъ такой же самоучка, какъ и остальные, но въ немъ совершился крутой переворотъ. Это натура очень серьезная, очень честная и добросовѣстная. Очень молодымъ человѣкомъ онъ попалъ въ общество лицъ, которыя, во-первыхъ, увѣрили его, что онъ геній, а во-вторыхъ, сказали ему, что учиться не нужно, что школа убиваетъ вдохновеніе, сушитъ творчество и т. д. Сначала онъ этому повѣрилъ. Первыя его сочиненія свидѣтельствуютъ объ очень крупномъ талантѣ, лишенномъ всякаго теоретическаго развитія. Въ кружкѣ, къ которому онъ принадлежалъ, всѣ были влюблены въ себя и другъ въ друга. Каждый изъ нихъ старался подражать той или другой вещи, вышедшей изъ кружка и признанной ими замѣчательной. Вслѣдствіе этого весь кружокъ впалъ скоро въ однообразіе пріемовъ, въ безличность и манерность. Корсаковъ, единственный изъ нихъ, которому лѣтъ 5 тому назадъ пришла въ голову мысль, что проповѣдуемыя кружкомъ идеи въ сущности ни на чемъ не основаны, что ихъ презрѣніе къ школѣ, къ классической музыкѣ, ненависть авторитетовъ и образцовъ—есть не что иное, какъ невѣжество. У меня хранится одно письмо его этой эпохи; оно меня глубоко тронуло и потрясло. — Онъ пришелъ въ великое отчаяніе, когда увидѣлъ, что столько лѣтъ прошло безъ всякой пользы и что онъ шелъ по тропинкѣ, которая никуда не ведетъ. Онъ спрашивалъ тогда, что ему дѣлать? Само собой, нужно было учиться. И онъ сталъ учиться, но съ такимъ рвеніемъ, что вскорѣ школьная техника сдѣлалась для него необходимой атмосферой. Въ одно лѣто онъ написалъ безчисленное множество контрапунктовъ, 64 фуги изъ которыхъ прислалъ мнѣ 10 на просмотръ. Фуги оказались въ своемъ родѣ безупречными, но я тогда уже замѣтилъ, что реакція произвела въ немъ слишкомъ рѣзкій переворотъ. Отъ презрѣнія къ школѣ онъ разомъ повернулъ къ культу музыкальной техники. Вскорѣ послѣ того вышла его симфонія **) и квартетъ. Оба сочиненія наполнены тьмой фокусовъ, но, какъ вы совершенно вѣрно замѣчаете, проникнуты характеромъ сухого педантизма. Очевидно, онъ выдерживаетъ теперь кризисъ, и чѣмъ этотъ кризисъ кончится трудно предсказать. Или изъ него выйдетъ большой мастеръ, или онъ погрязнетъ въ контрапунктическихъ кунштюкахъ.

Кюи — талантливый дилеттантъ. Музыка его лишена самобытности, но элегантна, изящна; она слишкомъ кокетлива, прилизана, такъ сказать, и потому нравится сначала, но быстро пріѣдается. Это происходитъ отъ того, что Кюи по своей спеціальности не музыкантъ, а профессоръ фортификаціи, очень занятой и имѣющій

*) См. „Жизнь П. И. Чайковскаго“ т. II, стр. 72.

**) Т. е. очевидно была сочинена, но еще не издана, такъ какъ симфонія Римскаго-Корсакова C-dur № 3 была издана фирмой М. Н. Бѣляева значительно позднѣе, а первая и вторая были написаны значительно раньше.

массу лекцій чуть ли не во всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. По его собственному признанію мнѣ, онъ иначе не можетъ сочинять, какъ подыгрывая и подыскивая на фп. мелодійки, снабженныя аккордиками. Напавъ на какую-нибудь хорошенькую идейку, онъ возится съ ней, отдѣлываетъ ее, украшаетъ и всячески подмазываетъ, и все это очень долго, такъ что онъ, напримѣръ, свою оперу „Ратклифъ“ писалъ десять лѣтъ. Но, повторяю, талантъ въ немъ все-таки есть, по крайней мѣрѣ—вкусъ и чутье.

Бородинъ—пятидесятилѣтній профессоръ химіи въ Медицинской Академіи. Это опять таки талантъ и даже сильный, но погибшій вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, вслѣдствіе слѣпого фатума, приведшаго его къ каѳедрѣ химіи, вмѣсто музыкальной живой дѣятельности. У него меньше вкуса, чѣмъ у Кюи и техника до того слабая, что ни одной строки онъ не можетъ написать безъ чужой помощи.

Мусоргскаго вы совершенно вѣрно называете „отпѣтымъ“. По таланту онъ, можетъ быть, выше всѣхъ предыдущихъ, но это натура узкая, лишенная потребности самосовершенствованія, слишкомъ увѣровавшая въ нелѣпыя теоріи кружка своего и въ свою „геніальность“. Кромѣ того, это какая-то низменная натура, любящая грубость, неотесанность, шероховатость. Онъ — прямая противоположность приличнаго, даже изящнаго Кюи. Этотъ кокетничаетъ, наоборотъ, своей безграмотностью, гордится своимъ невѣжествомъ, валяетъ какъ попало, слѣпо вѣруя въ непогрѣшимость своего генія. А бываютъ у него вспышки въ самомъ дѣлѣ талантливыя и при томъ не лишенныя самобытности.

Балакиревъ — самая крупная личность кружка. Но онъ замолкъ, сдѣлавши очень немного. У этого громадный талантъ, погибшій вслѣдствіе какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ изъ него „святошу“, послѣ того, какъ онъ кичился полнымъ невѣріемъ. Онъ теперь не выходитъ изъ церкви, говѣетъ, кланяется мощамъ—и больше ничего. Несмотря на свою громадную даровитость, онъ сдѣлалъ много зла. Напримѣръ, онъ погубилъ молодые годы Корсакова, внушивъ ему, что учиться не надо *). Вообще онъ изобрѣтатель теорій этого страннаго кружка, соединяющаго въ себѣ столько нетронутыхъ, не туда направленныхъ, или преждевременно разрушившихся силъ“.

Это письмо приведено здѣсь почти цѣликомъ для того, чтобы показать, насколько велико было внутреннее разномысліе П. И. Чайковскаго съ кружкомъ петербургскихъ композиторовъ, несмотря на внѣшнее сближеніе и дружескую переписку съ М. А. Балакиревымъ. Въ этомъ отзывѣ сказалась вся сила той школьной рутины, которая была глубоко воспринята Чайковскимъ на лекціяхъ Зарембы и А. Рубинштейна, и которая черезъ 12 лѣтъ, несмотря на личное знакомство и даже какъ будто дружескія отношенія, не дала ему возможности правильно оцѣнить разбираемыхъ имъ композиторовъ. Здѣсь даже проглядываютъ какъ будто еще остатки той враждебности, съ которой онъ относился

*) Въ 1869 году Чайковскій помѣстилъ въ № 16 „Современной лѣтописи“ статью въ защиту Балакирева, въ которой въ числѣ его заслугъ между прочимъ говоритъ: „онъ развилъ и образовалъ нѣсколько весьма талантливыхъ русскихъ музыкантовъ, изъ коихъ, какъ самый крупный талантъ, назовемъ Н. А. Римскаго-Корсакова“.

къ Балакиревскому кружку до личнаго съ нимъ знакомства, а съ другой стороны, въ своемъ стремленіи уничтожить значеніе петербургскихъ композиторовъ, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, Чайковскій упрекаетъ петербургскій кружокъ въ *однообразіи пріемовъ, въ безличности и манерности*. Хотя говорится это совершенно голословно, такъ какъ г-жа фонъ-Меккъ вполнѣ довѣряла мнѣнію Чайковскаго и не требовала подтвержденія примѣрами, но если бы ему таковые предложено было привести, то едва ли бы онъ въ состояніи былъ это сдѣлать. Однообразіе пріемовъ, безличіе — это и есть неизбѣжная принадлежность именно школьной рутины, когда она является не средствомъ, а цѣлью. Трудно найти обвиненіе менѣе основательное для композиторовъ Балакиревскаго кружка, и, произнеся его, Чайковскій противорѣчитъ себѣ, когда говоритъ, что Мусоргскій есть „прямая противоположность приличнаго, даже изящнаго Кюи“ *). Въ сущности же этотъ упрекъ, если могъ быть сдѣланъ, то только по отношенію къ Римскому-Корсакову въ пору его увлеченія музыкально-технической стороной, по поводу котораго самъ Чайковскій выражаетъ опасеніе, какъ бы онъ не погрязъ въ контрапунктическихъ куншткахъ. Въ эту пору творчество Римскаго-Корсакова дѣйствительно грѣшитъ и однообразіемъ пріемовъ, и нѣкоторой безличностью, но вѣдь подъ вліяніемъ школьной рутины въ сочиненіяхъ Чайковскаго тоже, къ сожалѣнію, нерѣдко попадаются подобные недостатки.

Также Чайковскій подчеркиваетъ, что всѣ они *самоучки*, какъ будто вся важность заключается въ томъ, чтобы у *кого*-

---

*) Если странно говорить объ однообразіи двухъ противоположностей, то не менѣе странно не видать именно разницы пріемовъ разбираемыхъ Чайковскимъ композиторовъ: „отпѣтый“ Мусоргскій, въ своемъ стремленіи къ реализму перешедшій почти исключительно къ декламаціонному стилю, и симфонистъ по преимуществу Бородинъ, котораго тянетъ къ кантиленѣ; изящный Кюи, совершенно лишенный какихъ-либо національныхъ красокъ, и, въ противоположность ему, ярко русскій и восточный характеръ въ сочиненіяхъ остальныхъ четверыхъ. Наконецъ характерныя „клеванія“ Бородина, какъ назвалъ Мусоргскій его пріемъ басовыхъ ходовъ скачками на большіе интервалы, пріемъ, который не встрѣчается ни у одного изъ прочихъ петербургскихъ композиторовъ, но оказалъ замѣтное вліяніе на самого Чайковскаго въ разработкѣ финала его 2-ой симфоніи на малороссійскую тему „Журавель“. Тамъ же, замѣтимъ кстати, встрѣчается также и вліяніе Даргомыжскаго въ частомъ употребленіи увеличеннаго трезвучія и въ качающихся синкопахъ въ басу. Вліяніе послѣдняго сказалось еще разъ, значительно позднѣе, въ финалѣ 2-ой сюиты, что Чайковскій самъ призналъ, назвавъ эту часть „Danse baroque (Style Dargomijsky)“.

н и б у д ь учиться, а не ч е м у научиться. Чрезъ нѣсколько строкъ однако онъ признаетъ, что Римскій-Корсаковъ достигъ замѣчательнаго техническаго искусства, и въ такомъ случаѣ не все ли равно, какъ онъ этого достигъ. По отношенію къ Кюи это замѣчаніе не совсѣмъ справедливо, такъ какъ онъ обучался у Монюшки. Правда, онъ не прошелъ курса консерваторіи, можетъ быть по той причинѣ, что таковыхъ тогда еще не было; но можно задать и другой вопросъ, чье преподаваніе имѣло болѣе ручательствъ за свою цѣлесообразность: Монюшки, который былъ все же композиторъ, или Зарембы, не умѣвшаго написать ученику простого примѣра? *) Если въ сочиненіяхъ Кюи встрѣчались техническіе недочеты, какъ результатъ недостаточности его музыкальнаго образованія или неумѣнья преподавателя его научить техникѣ, то, наоборотъ, мастерство Чайковскаго никоимъ образомъ нельзя приписать искусству Зарембы передать ему таковое. Оно несомнѣнно является плодомъ его собственнаго дарованія и усидчивости въ работѣ.

Совершенно непонятно, какимъ образомъ Чайковскій, будучи столько времени въ оживленной перепискѣ и личныхъ сношеніяхъ съ Балакиревымъ, приписываетъ ему изобрѣтеніе не существовавшихъ теорій о томъ, что учиться не нужно и т. п. Что школьный педантизмъ и рутинерство убиваютъ вдохновеніе и сушатъ творчество, это настолько старая истина, что изобрѣтать ее вновь не было никакой необходимости, а, кажется, всѣ „теоріи“ этого „страннаго“, по мнѣнію Чайковскаго, кружка только къ этому и сводились. Въ стремленіи попрекнуть Балакирева даже за его поворотъ къ религіозности, чувствуется какъ-будто скрытое къ нему нерасположеніе, похожее на оставшееся раздраженіе противъ него послѣ того, какъ всякія сношенія съ нимъ прекратились. Изъ разговоровъ и переписки съ нимъ Чайковскій долженъ былъ бы вынести убѣжденіе, что онъ не только не отвергалъ необходимости ученія, но былъ въ этомъ отношеніи несравненно требовательнѣе, чѣмъ тогдашнія консерваторіи. Но безпощадная критика, доходящая до мелочей, и рѣзкая прямота, съ которою Балакиревъ высказывалъ свое мнѣніе, несомнѣнно сыграли здѣсь ту же роль, какую они потомъ сыграли въ отношеніяхъ его съ другими лицами.

Какъ разъ въ томъ же году, когда было написано приведенное здѣсь письмо Чайковскаго къ Н. Ф. фонъ-Меккъ,

---

*) См. „Жизнь П. И. Чайковскаго“ т. I, стр. 162, воспоминанія Г. А. Лароша.

состоялось знакомство А. П. Бородина съ Листомъ. Въ письмахъ къ женѣ Бородинъ сообщаетъ во всѣхъ подробностяхъ свои встрѣчи и разговоры съ этимъ величайшимъ композиторомъ и пьянистомъ XIX вѣка. Интересно отмѣтить, что въ то время, когда Чайковскій произнесъ такой безпощадный приговоръ надъ петербургскими композиторами, Бородинъ выслушивалъ отъ Листа восхищеніе сочиненіями Корсакова и Балакирева (Исламей), а на его замѣчаніе, что въ симфоніи своей, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ, онъ намѣренъ сдѣлать кое-какія исправленія, Листъ отвѣчалъ: „не слушайте, пожалуйста, тѣхъ, кто васъ удерживаетъ отъ вашего направленія; повѣрьте: вы на настоящей дорогѣ, у васъ такъ много художественнаго чутья, что вамъ нечего бояться быть оригинальнымъ; помните, что совершенно такіе совѣты давались въ свое время и Бетховенамъ, и Моцартамъ, и пр., и они никогда не сдѣлались бы великими мастерами, если бы вздумали слѣдовать такимъ совѣтамъ“ *).

Въ заключеніе по поводу разбираемаго отзыва Чайковскаго о композиторахъ петербургскаго кружка и его къ нимъ отношеніяхъ слѣдуетъ сказать, что онъ не замѣтилъ самаго существеннаго, самаго главнаго, что составляло ихъ особенность, ихъ достоинство и заслугу, и до нѣкоторой степени ихъ объединяло настолько, что пожалуй можно было, если не упрекнуть ихъ въ однообразіи, то по крайней мѣрѣ отличить, какъ композиторовъ одной школы. Эта незамѣченная Чайковскимъ черта ихъ состояла въ томъ, что, за исключеніемъ Кюи, всѣ они были глубоко народны, и это настолько ярко выражалось у нихъ, что съ точки зрѣнія Зарембъ, Фаминцыныхъ и т. п. поверхностныхъ рутинеровъ могло дать поводъ обвинить ихъ въ однообразіи пріемовъ. Хотя Чайковскій самъ былъ композиторъ вполнѣ космополитическій, лишенный какихъ-либо національныхъ красокъ, и когда бралъ русскія темы для своихъ сочиненій, то, по выраженію Балакирева, „обращалъ ихъ въ лютеранскую вѣру“, т. е. разрабатывалъ на нѣмецкій ладъ, но все же представляется страннымъ, что такой крупный и высокодаровитый художникъ не оцѣнилъ отличительной особенности своихъ товарищей по искусству, а примкнулъ къ ходячему мнѣнію о нихъ, изобрѣтенному разными бездарными неудачниками.

---

*) Письмо А. П. Бородина къ женѣ изъ Іены отъ 3 Іюля 1877 г. См. А. П. Бородинъ, его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. Изд. Суворина. 1889 г.

Въ предлагаемой читателямъ перепискѣ М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ бо́льшая часть писемъ печатается въ первый разъ. Нѣкоторыя письма (очень немного) Балакирева были помѣщены въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“, что указывается въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а кромѣ того часть переписки, касающаяся сочиненія Чайковскимъ симфоніи „Манфредъ“ была помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1912 г.

С. Л.

Москва, 21 Января 1868 г.

Милостивый Государь!
Милій Алексѣевичъ!

Согласно нашему уговору посылаю вамъ партитуру моихъ „Танцевъ“; если можно исполнить ихъ въ какомъ нибудь концертѣ подъ вашимъ управленіемъ, то буду вамъ крайне обязанъ. Если же нельзя, то потрудитесь ихъ при случаѣ возвратить, да кстати пришлите, если это возможно, словечко поощренія. Отъ васъ мнѣ въ высшей степени пріятно было бы получить таковое.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи
преданнаго вамъ
П. Чайковскаго.

Питеръ. 21 Февраля 1868 г.

Любезнѣйшій Петръ Ильичъ!

Извините, что я такъ поздно благодарю васъ за присылку вашихъ „Танцевъ“. Прежде я ничего не писалъ вамъ, потому что хотѣлось что-нибудь написать рѣшительное, а до сего времени я просто не зналъ, можно ли будетъ ихъ исполнить публично. У насъ уже прекратились концерты Муз. Общества. Предполагали добавочный концертъ, но онъ не состоялся. На-дняхъ рѣшено, что „Танцы“ ваши будутъ исполнены въ Театр. Симфоническихъ Концертахъ, по крайней мѣрѣ Кологривовъ *) мнѣ сказалъ, что это вѣрно.

Что же касается до слова поощренія, то такой образъ дѣйствія въ отношеніи къ вамъ я считаю не только неумѣстнымъ, но и

*) Василій Алексѣевичъ Кологривовъ, членъ дирекціи С.-Петербургскаго Отдѣленія, одинъ изъ учредителей И. Р. М. О. Прим. С. Л.

недобросовѣстнымъ. Поощренія примѣнимы только къ малымъ дѣтямъ искусства, а по вашей партитурѣ я вижу въ васъ и по оркестровкѣ, и по фактурѣ совсѣмъ готоваго художника, къ которому приложима только строгая критика, а не поощреніе.

При личномъ свиданіи я очень радъ буду вамъ высказать свое мнѣніе и не дѣлаю этого въ письмѣ потому, что отъ этого письмо превратилось бы въ цѣлую статью, а подъ моимъ нелитературнымъ перомъ все-таки осталось бы мертвымъ — недосказаннымъ. Несравненно лучше будетъ, когда мы въ Москвѣ будемъ на фортепьяно проигрывать пьесу и слѣдить тактъ за тактомъ. Живой споръ незамѣнимъ критикою.

Вы мнѣ сдѣлаете много удовольствія, если пришлете мнѣ переведенный вами учебникъ оркестровки.

Весь вашъ

М. Балакиревъ.

Невскій проспектъ, домъ Бенардаки, кв. 63.

Москва. 25 Февраля 1868 г.

Добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ лежитъ больной и потому извиняется, что не можетъ самъ отвѣчать вамъ. Въ концертѣ Безплатной Школы онъ съ большимъ удовольствіемъ приметъ участіе, если только его собственный концертъ состоится хотя бы однимъ днемъ раньше вашего. Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что ему невыгодно явиться передъ публикой до своего концерта, и простите ему, что участіе въ вашемъ вечерѣ онъ ставитъ въ зависимость отъ денежной стороны дѣла.

Потрудитесь узнать отъ фортепьяннаго мастера Беккера, которому поручено устройство Рубинштейновскихъ концертовъ, когда назначенъ первый изъ нихъ.

Играть у васъ онъ желалъ бы „Венгерскую Рапсодію“ Листа.

Искренно благодарю васъ за хлопоты о моихъ „Танцахъ“, но отъ всей души жалѣю, что они не будутъ, какъ я того желалъ, играны подъ вашимъ управленіемъ.

Руководство къ инструментовкѣ послано къ Бернарду для передачи вамъ.

Искренно преданный вамъ.

П. Чайковскій.

С.-Петербургъ, *конецъ Февраля 1868 г.* *)

Любезнѣйшій Петръ Ильичъ!

Получилъ письмецо ваше и спѣшу обстоятельно на все отвѣтить: Беккеръ сейчасъ сообщилъ мнѣ, что концерты Рубинштейна назначены по четвергамъ 14-го и 21-го Марта, и такъ какъ концертъ Безплатной Школы будетъ 18-го, то слѣд. препятствія съ денежной стороны не существуетъ къ моему удовольствію. Вы пишете, что онъ намѣренъ играть Рапсодію Листа, но такъ какъ у меня будетъ полный оркестръ, то не лучше ли ему сыграть что-либо съ оркестромъ? Можетъ-быть, онъ называетъ рапсодіей „Венгерскую Фантазію“ Листа для фортепьяно съ оркестромъ. Что касается до меня, то, конечно, я согласенъ на все то, что онъ ни захочетъ играть, но лучше было бы, еслибы онъ не отказалъ сыграть Es-dur'ный концертъ Листа. „Венгерская Фантазія“ уже часто играна въ Питерѣ и даже въ нынѣшній сезонъ, а концерты Листа уже давно не играны. Еще разъ повторяю, что я одинаково благодаренъ буду ему за все, что онъ ни сыграетъ. Буду васъ просить поскорѣе отвѣтить, такъ какъ мнѣ бы хотѣлось выпустить уже извѣщеніе о концертѣ Безплатной Школы. Беккеръ проситъ также сообщить ему, „нуженъ ли оркестръ для его концертовъ и въ какомъ составѣ?“ Все это нужно заранѣе устроить, иначе музыканты могутъ быть ангажированы, такъ какъ у насъ происходятъ по нѣсколько концертовъ въ день. Здѣсь распространился слухъ, что Николай Григорьевичъ захворалъ отъ усиленныхъ заботъ по устройству концерта своему почетному члену, извѣстному всей Россіи „не келейными заслугами“. **)

Если это правда, то на В. лежитъ нравственная обязанность превратиться въ сидѣлку и подавать больному черезъ часъ по столовой ложкѣ какую-нибудь микстуру въ формѣ своихъ „воспоминаній“ и т. п. Передайте больному мой поклонъ и пожмите ему руку. Я ему очень благодаренъ за его милую готовность къ участію въ концертѣ школы.

Душевно преданный вамъ

М. Балакиревъ.

Спасибо за курсъ оркестровки, я его уже получилъ. „Танцы“ ваши уже у Лядова ***). Адресуйте вашъ отвѣтъ на мое имя въ

*) Въ подлинникѣ письмѣ числа и года не выставлено. *Прим. С. Л.*

**) А. Н. Сѣровъ, авторъ оперъ „Юдиѳь“, „Рогнѣда“ и „Вражья сила“. *Прим. С. Л.*

***) Константинъ Николаевичъ Лядовъ, отецъ композитора А. К. Лядова, въ то время капельмейстеръ Русской Оперы. *Прим. С. Л.*

домъ Бенардаки, Невскій проспектъ, кварт. 63. Въ консерваторіи я бываю не всякій день.

Москва, 3 Марта 1868 г.

Рубинштейнъ выздоровѣлъ и пустился во всѣ тяжкія, т. е. по нѣсколько разъ въ день играетъ на всевозможныхъ концертахъ.

Слѣдующія двѣ недѣли онъ посвящаетъ разъѣздамъ по губернскимъ городамъ, а на шестой прибудетъ въ Петербургъ. Время у него до того занято, что онъ положительно не успѣетъ просмотрѣть и повторить концертъ Листа, а потому проситъ васъ удержать на программѣ „Венгерскую Фантазію“.

Авторъ „Рогнѣды“ находится здѣсь и ведетъ себя престраннымъ образомъ: въ квартеты и концерты Музыкальнаго Общества является каждый разъ, сидитъ на почетномъ мѣстѣ, зѣваетъ, поощрительно хлопаетъ, но ни съ кѣмъ и знаться не хочетъ, впрочемъ къ нашему большому удовольствію. Онъ даже, привлеченный княземъ Одоевскимъ *), пришелъ однажды въ консерваторію на репетицію концерта, но не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Рубинштейна, по болѣзни не выходившаго изъ своей комнаты.

Ваша увертюра **) стояла на программѣ нашего девятаго концерта, но такъ какъ вы прислали только партитуру, а не партіи, то, по неимѣнію времени для переписки, мы были лишены удовольствія ее слышать. Какъ жалко, что вы не прислали ее нѣсколько раньше.

Сѣровъ на будущей недѣлѣ даетъ въ театрѣ свой концертъ; онъ рискуетъ имѣть пустую залу и плохое исполненіе, такъ какъ музыканты, измученные разными концертами, даваемыми дирекціею, рѣшительно бунтуютъ и играютъ отвратительно.

На дняхъ высылаю вамъ и прошу принять четырехручную аранжировку моихъ „Танцевъ“; потрудитесь передать таковую же Римскому-Корсакову, котораго я не знаю, но люблю отъ всей души.

Преданный вамъ

П. Чайковскій.

---

*) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, извѣстный любитель музыки. *Прим. С. Л.*

**) Какая именно увертюра, изъ афишъ того времени не видно. *Прим. С. Л.*

БИБЛІОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРІИ
Инвент. №

С.-Петербургъ, 6 Марта 1868 г.

Любезнѣйшій Петръ Ильичъ!

Сейчасъ получилъ письмо ваше и тороплюсь отвѣчать, чтобы застать еще поѣздъ.

Сегодня вышла афишка концерта Рубинштейна на 21-е Марта, слѣд. концертъ, предположенный 14-го Марта, какъ меня увѣрилъ Беккеръ, вѣроятно не состоится. Что же касается до концерта школы (18-е Марта), то мнѣ измѣнить день невозможно, и я нахожусь въ недоумѣніи, ставить-ли на афишу Рубинштейна или нѣтъ. Я очень хорошо знаю, что онъ не желаетъ выходить въ публику на 1-й разъ не въ своемъ концертѣ, а такъ какъ концертъ его 14-го Марта, должно быть, отмѣненъ, то ему въ 1-й разъ пришлось-бы выйти въ концертѣ школы. Очень прошу васъ телеграфировать мнѣ. Если Рубинштейна нѣтъ въ Москвѣ, то и къ нему телеграфируйте. Всѣ издержки будутъ школой уплачены. Меня же крайне обяжете, если немедленно сообщите, такъ какъ афишка должна выйти на этой недѣлѣ *).

Весь вашъ

М. Балакиревъ.

С.-Петербургъ, *конецъ Марта или начало Апрѣля 1868 г.* **)

Любезнѣйшій Петръ Ильичъ!

Пишу къ вамъ наскоро, пользуясь случаемъ.

Моя хорошая знакомая, Елизавета Михайловна Мясоѣдова, взялась доставить вамъ мое письмо со вложеніемъ долга Безплатной Музыкальной Школы.—Она очень милая барыня—умненькая и очень музыкальная. Она переселяется въ Москву, и ей было бы пріятно познакомиться съ вами и со всѣмъ музыкальнымъ Іерихонскимъ ***) міромъ.—Надѣюсь, что вы меня не будете бранить за это знакомство, потому что барыня, какъ я уже сказалъ, очень музыкальная.

Всѣ наши вамъ кланяются и Римскій-Корсаковъ такожде.

---

*) Концертъ Безплатной Музыкальной Школы 18 Марта 1868 года состоялся безъ участія Н. Рубинштейна. Исполнены были: 1-я Симфонія (B-dur) Шумана и Реквіемъ Моцарта. *Прим. С. Л.*

**) Въ подлинномъ письмѣ числа и года не выставлено. *Прим. С. Л.*

***) Пріятель М. А. Балакирева, Н. А. Бороздинъ, любившій давать прозвища, назвалъ Москву Іерихономъ, и это имя сохранилось за ней въ настоящей перепискѣ. *Прим. С. Л.*

Передайте мой поклонъ всѣмъ вашимъ, т. е. Рубинштейну, Ларошу и Дюбюку *).

Съ нетерпѣніемъ ждемъ переложенія вашихъ „Танцевъ“.— Пожалуйста поскорѣе высылайте. Не откладывайте по Іерихонскому обычаю. Весь вашъ

М. Балакиревъ.

Адресъ Мясоѣдовой:

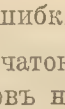
Д. Кокорева, меблированныя комнаты (въ бульварномъ корпусѣ), № 272.

Сейчасъ пришелъ Р. - Корсаковъ и проситъ написать вамъ отъ него особый, сугубый поклонъ.

Чухландія, 19 Апрѣля 1868 г.

Спасибо вамъ, добрѣйшій Петръ Ильичъ, за вашу посылку, которая наконецъ получена мною отъ Бернарда сегодня. Письмо же ваше я уже давно получилъ. Завтра Корсинька **) придетъ ко мнѣ ночевать, и я ему передамъ его экземпляръ, и мы вмѣстѣ поиграемъ.

Очень жаль, что вашъ Іерихонскій Газенфусъ ***) не хочетъ издавать „Сербскую Фантазію“; впрочемъ, я надѣюсь, что и безъ него обойдемся. На его же условія согласиться невозможно. Я бы могъ вамъ цифрами доказать, что онъ вретъ и не хочетъ платить только жидовской ради корысти, да чортъ съ нимъ.

„Танцы“ ваши напечатаны весьма недурно, но зато, вѣроятно, пропасть ошибокъ. Я еще не просмотрѣлъ ихъ, а такъ только перевертывалъ наугадъ и сразу попалъ на 18 стр., гдѣ на 2-й строкѣ напечатанъ вмѣсто , а на 3-ей строкѣ (largamente) басовый ключъ вмѣсто  . Ошибки эти варварскія, потому что хуже всякихъ нотныхъ опечатокъ будутъ сбивать съ толку и безъ того безтолковыхъ аматеровъ нашихъ. Еще сдѣлаю вамъ нѣкое возраженіе по поводу вашего заглавнаго листка: почему вы пишете себя П. *И.* Чайковскій? Вѣдь въ такой формѣ только къ вамъ могутъ писать. Обыкновенно принято величать другихъ по имени

*) Германъ Августовичъ Ларошъ и Александръ Ивановичъ Дюбюкъ—профессора Московской консерваторіи. Дюбюкъ—извѣстный пьянистъ и учитель музыки, у котораго Балакиревъ въ дѣтскомъ возрастѣ бралъ уроки. *Прим. С. Л.*

**) Н. А. Римскій-Корсаковъ. *Прим. С. Л.*

***) Шуточное прозвище, которое Балакиревъ часто давалъ иностранцамъ. *Прим. С. Л.*

и по отчеству, а кто же самъ себя такъ величаетъ. Посмотрите хоть въ литературу: тамъ подъ статьями и газетами вы увидите: М. Катковъ, И. Аксаковъ, В. Стасовъ, а не М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ, В. В. Стасовъ. Это, конечно, мелочь, но въ васъ она мнѣ непріятно колетъ глаза, потому что такое самовеличанье здѣсь, въ Питерѣ, сдѣлалось вывѣской какого-то колбасничества. Такъ, пріѣдетъ какой - нибудь Газенфусъ изъ Нюренберга, гдѣ занимался . . . . . , а здѣсь даетъ музыкальные вечера и прегромко пишетъ себя на афишѣ:

„Иванъ Ивановичъ Излеръ".

. . . . . .

Любя васъ, я не могу равнодушно сносить то, что и вы ставите себя подъ эту категорію. . . . . .

Скажу вамъ еще, что у Васъ литографіи не умѣютъ писать русскую букву *ѣ* (въ словѣ „сѣнныхъ дѣвушекъ"). Что же касается до французскаго перевода, то онъ не достигаетъ цѣли: во 1-хъ, вашу фамилію ни одинъ французъ не произнесетъ; во 2-хъ вашъ переводъ „Воевода"—Voyevode—ничего не объясняетъ (вѣрнѣе *) le Colonel или еще лучше le General), а въ 3-хъ, повѣрьте мнѣ, что какъ бы вы себя ни переводили—играть васъ французы не будутъ. Если же бы случилась такая бѣда, что вы имъ бы понравились, то повѣрьте, что русскій заголовокъ препоной не будетъ къ распространенію піэсы.

Затѣмъ злоба моя излита вся, и я дѣлаюсь мягкосердъ, аки агнецъ. Простите, голубчикъ, за рѣзкія строки; что дѣлать, коли я не могу быть равнодушнымъ въ дѣлахъ, не выключая мелочей, касающихся тѣхъ людей, которые мнѣ симпатичны. Сообщите мнѣ, была ли у васъ моя хорошая знакомая Мясоѣдова? Я ей далъ письмо къ вамъ. Она очень милая госпожа, и милая музыкантша. Сегодня у меня былъ Кологривовъ. Его концертъ все какъ-то разлаживается къ моему удовольствію, и, кажется, результаты будутъ тѣ, которые мнѣ такъ были желанны, т. е. программа измѣнится и обогатится инструментальными вещами; тогда ваши „Танцы", навѣрное, будутъ исполнены.

Всѣ наши вамъ кланяются. Корсинька хотѣлъ самъ къ вамъ писать.

Не забывайте насъ и иногда черкните нѣсколько строкъ.

Душевно любящій васъ

М. Балакиревъ.

Рубинштейну и Ларошу передайте мой поклонъ.

*) Я, какъ видите, дѣлаюсь очень злымъ. (*Прим. М. Балакирева*).

Москва, 30 Декабря 1868 г.

Добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Я позволилъ себѣ распечатать ваше письмо къ Рубинштейну *), такъ какъ сей молодой человѣкъ уѣхалъ давать концертъ въ Воронежъ, а я боялся, что вы, быть можетъ требуете немедленнаго отвѣта.

Оказывается, впрочемъ, что нѣтъ нужды ему телеграфировать, такъ какъ онъ вернется завтра утромъ (31-го числа) и успѣетъ увѣдомить васъ насчетъ своихъ предположеній. Предугадываю впрочемъ, что онъ 4-го едва ли найдетъ возможнымъ пріѣхать, такъ какъ чуть ли и у насъ не назначенъ на этотъ день концертъ.

Благодарю васъ за память обо мнѣ и за вниманіе, оказываемое вами моему маранью. Я очень радъ, что вы оное маранье помѣстили въ серединѣ программы **).

Не найдете ли вы возможнымъ написать мнѣ два словечка относительно слѣдующаго обстоятельства. Юргенсонъ заказалъ мнѣ четырехъ-ручную арранжировку пятидесяти русскихъ пѣсенъ. Двадцать пять изъ нихъ уже мной сдѣланы; онѣ почерпнуты изъ сборника Вильбуа; само собою разумѣется, что вильбуаскія гармонизаціи я похерилъ и сдѣлалъ свои, при чемъ даже рѣшился кое гдѣ измѣнить самыя мелодіи, соображаясь при этомъ съ общимъ характеромъ народной пѣсни. Теперь я хотѣлъ бы взять двадцать пять пѣсенъ изъ вашего сборника и боюсь въ этомъ случаѣ причинить вамъ какое либо неудовольствіе.

Дайте мнѣ знать: 1) хотите ли вы, чтобы я буквально придерживался вашей гармонизаціи и арранжировалъ бы только ее въ четыре руки ***); 2) или вы напротивъ этого вовсе не хотите; 3) или и въ томъ и въ другомъ случаѣ вы были бы мной недовольны и вообще не желаете, чтобы я бралъ ваши пѣсни. Словомъ я ничего не начну дѣлать прежде, чѣмъ вы мнѣ не напишите.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы поздравить васъ съ новымъ годомъ; желаю вамъ всего того, чего вы сами себѣ желаете. Послѣ сей весьма казенной формальности мнѣ дѣлается

*) На что, впрочемъ, я имѣлъ его разрѣшеніе. (*Прим. П. Чайковскаго*).

**) Рѣчь идетъ о концертѣ И. Р. М. О. 25 Января 1869 г. съ участіемъ и подъ управленіемъ Н. Рубинштейна въ которомъ должны были исполняться „Танцы“ П. Чайковскаго. *Прим. С. Л.*

***) Въ такомъ случаѣ, конечно, на заглавномъ листѣ будетъ оговорено, что гармонизація ваша и мною у васъ заимствована. (*Прим. П. Чайковскаго*).

весьма стыдно, но переписывать некогда, и я стремлюсь въ классъ, гдѣ долженъ буду просидѣть сегодня шесть часовъ сряду.

Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу не забывать

П. Чайковскаго.

Прошу васъ облобызать отъ меня Корсакова. („Садко“ *) будетъ у насъ исполняться въ слѣдующемъ концертѣ).

Питеръ, 15 Января 1869 г.

Любезнѣйшій Петръ Ильичъ!

Извините, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на письма и не поблагодарилъ васъ за извѣстія объ Рубинштейнѣ, которыя были намъ такъ нужны.

Со смертію Даргомыжскаго **) было много возни, и теперь мы понемногу приходимъ въ порядокъ. — Что касается до моихъ пѣсенъ, которыя вы хотите переложить въ 4 руки, то дѣлайте, какъ вамъ болѣе будетъ по вкусу. Гдѣ захотите оставить мою гармонію, тамъ и оставьте. Гдѣ пожелаете сдѣлать свою — тамъ сдѣлайте, только отнюдь не выставляйте, что пѣсни взяты изъ моего сборника, иначе я боюсь, что Іогансенъ ***) сдѣлаетъ вамъ процессъ, такъ какъ я ему продалъ право собственности изданія моего сборника.

Римскій-Корсаковъ благодаритъ васъ за поклонъ и очень вамъ кляняется. Онъ теперь пишетъ оперу „Псковитянку“ и написалъ уже много превосходныхъ нумеровъ. Пріѣдете въ Питеръ, такъ услышите.

Попросите Рубинштейна переслать сюда „Садко“. Теперь я пришлю ему симфонію Бородина и хоръ изъ „Псковитянки“, только сожалѣю, что не могу этого сдѣлать сейчасъ, такъ какъ ноты въ консерваторіи всѣ въ безпорядкѣ по случаю перемѣщенія въ новое зданіе. Хотя я писалъ къ Рубинштейну, но это забылъ ему написать.

---

*) Симф. поэма „Садко“ Н. Римскаго-Корсакова. *Прим. С. Л.*

**) Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій, бывшій въ то время предсѣдателемъ дирекціи С.-Петербургскаго Отдѣленія И. Р. М. О., скончался 5 Января 1869 г. *Прим. С. Л.*

***) Петербургскій музыкальный торговецъ и издатель, у котораго былъ изданъ сборникъ русскихъ пѣсенъ М. Балакирева. *Прим. С. Л.*

Вся наша компанія шлетъ вамъ поклонъ и ликуетъ по случаю блестящаго неожиданнаго успѣха симфоніи Бородина *).

Передайте мой поклонъ Дюбюку и Ларошу.

Душевно преданный вамъ
М. Балакиревъ.

Правда ли, что вы женитесь на пѣвицѣ Арто? **)—Я сомнѣваюсь, такъ какъ сію новость привезла изъ Москвы нѣкая дама (?)

Вѣроятно, конецъ, Февраля 1869 г. ***)

Добрѣйшій Милій Алексѣевичъ.

Посылаю вамъ мою Фантазію ****). Если вы найдете возможнымъ сыграть ее въ какомъ-нибудь концертѣ (разумѣется не иначе, какъ подъ вашимъ управленіемъ), то доставите мнѣ большое удовольствіе. Эту вещь я хотѣлъ бы посвятить вамъ, но для того мнѣ нужно сначала знать, что она вамъ не безусловно не нравится. Тороплюсь ужасно; виноватъ, что пишу мало.

Кланяйтесь крѣпко Н. А. Корсакову.
П. Чайковскій.

С.-Петербугъ, 11 Марта 1869 г.

Добрѣйшій Петръ Ильичъ!

Все я собирался поблагодарить васъ за ваше милое посвященіе и все откладывалъ до болѣе короткаго знакомства съ вашей партитурой. Сначала „Фатумъ“ унесенъ былъ Римскимъ-Корсаковымъ,

*) Въ концертѣ И. Р. М. О. 4-го Января 1869 года 1-я симфонія А. Бородина была исполнена въ 1-й разъ подъ управленіемъ М. Балакирева. По разсказу Балакирева (См. А. П. Бородинъ, его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. Изд. А. Суворина. 1889 г.), первая часть принята была холодно, Scherzo прошло бойко и вызвало взрывъ рукоплесканій. Авторъ былъ вызванъ. Публика потребовала повторенія. Остальныя части также возбудили горячее сочувствіе публики, и послѣ финала авторъ былъ вызванъ нѣсколько разъ. А. С. Даргомыжскій, не могшій по болѣзни присутствовать въ концертѣ, до поздняго вечера ждалъ, что кто-нибудь пріѣдетъ изъ концерта разсказать ему, какъ прошла и была принята симфонія А. Бородина. Но М. А. Балакиревъ и его друзья рѣшили не безпокоить больного въ поздній часъ, отложивъ посѣщеніе его до утра. Къ нему заѣхалъ только пріятель его, К. Н. Вельяминовъ, который не могъ ему разсказать обо всемъ подробно. На другой день рано утромъ А. С. Даргомыжскій скончался. *Прим. С. Л.*

**) Пѣвица Дезире Арто была одно время невѣстой П. И. Чайковскаго, но въ Январѣ 1869 г. въ Варшавѣ вышла замужъ за баритона Падилла, даже не извѣстивъ объ этомъ своего бывшаго жениха. *Прим. С. Л.*

***) Въ подлинникѣ года и числа не выставлено. *Прим. С. Л.*

****) „Фатумъ“. *Прим. С. Л.*

теперь отъ Бородина я не могу добиться его, такъ что объ этомъ произведеніи я имѣю понятіе самое смутное. Въ этомъ я вижу дѣйствіе тоже фатума своего рода. Во всякомъ случаѣ, понравится мнѣ или нѣтъ, я исполню его въ слѣдующемъ 9-мъ концертѣ, программу коего пришлю вамъ.

Передайте Рубинштейну мой поклонъ, а также и то, что если симфонію Бородина невозможно исполнить всю, то лучше исполненіе ея отложить до будущаго сезона. Теперь же попросите его возвратить ее, такъ какъ я ее еще разъ имѣю случай исполнить.—Еще къ вамъ просьба: Рубинштейнъ говорилъ, что г.г. Дооръ и Коссманъ *) желали бы пріѣхать въ Питеръ для участія въ одномъ изъ нашихъ концертовъ.—Я очень радъ былъ бы, если бы они согласились участвовать въ 9-мъ концертѣ, который будетъ въ понедѣльникъ, 17-го Марта. Репетиціи: въ субботу, 15-го, и воскресенье, 16-го. Для Доора я имѣю въ виду Бетховенскій концертъ (Es-dur). Пожалуйста въ возможно скоромъ времени увѣдомьте меня о томъ, будутъ они или нѣтъ. Что касается до матеріальной стороны этого дѣла, то я ничего не могу уладить безъ Кологривова, который уѣхалъ въ Воронежскую губернію и къ общему нашему удивленію до сихъ поръ не возвращается.—Прежде не могъ объ этомъ писать, потому что ничего еще не зналъ я о залѣ. Теперь мы даемъ концерты уже не въ дворянскомъ залѣ, а въ домѣ Елисѣева у Полицейскаго моста, и едва перебиваемся отъ концерта до концерта. Вчера во время концерта мы только узнали, что намъ можно будетъ устроить еще концертъ 17-го Марта. Пожалуйста поскорѣе увѣдомьте меня объ этомъ.

Душевно преданный вамъ
М. Балакиревъ.

Еще разъ благодарю васъ за ваше посвященіе, которое мнѣ дорого, какъ вещественный знакъ невещественной симпатіи вашей. Постараюсь вамъ отплатить тѣмъ же.

Не будете ли здѣсь на Страстной и на Пасхѣ? Мнѣ хочется лично вамъ выбранить нѣкоторыя изъ вашихъ переложеній пѣсенъ.

Невскій проспектъ, д. Бенардаки, кв. 63.

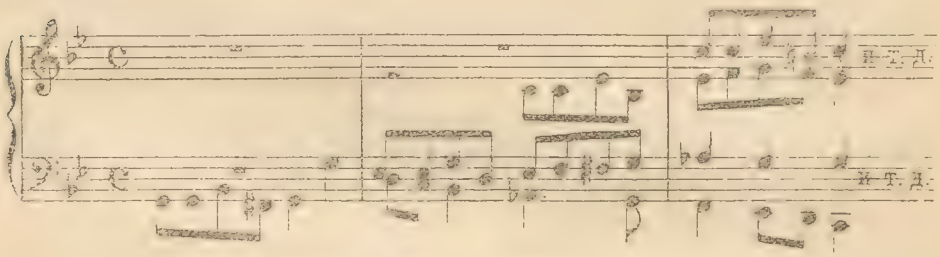
Москва, 13 Марта 1869 г.

Весьма и весьма радуюсь какъ тому, что вы принимаете мое посвященіе, такъ и тому, что „Фатумъ“ будетъ исполненъ. Когда вы мнѣ возвратите его, я велю снять копію, сдѣлать надпись и

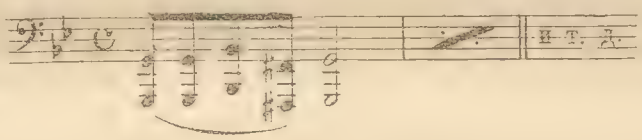
*) Л. Дооръ и Б. Коссманъ— профессора Московской Консерваторіи, первый по кл. фортепьяно, второй по кл. віолончели. *Прим. С. Л.*

пришлю вамъ, а васъ попрошу въ свободную минуточку черкнуть мнѣ слова два о томъ, имѣетъ ли эта вещь какіе-нибудь достоинства.

Касательно исполненія его вотъ еще одна просьба: въ началѣ, послѣ перваго ff тамъ есть ходъ имитацій въ деревянныхъ инструментахъ:



Этотъ ходъ, некрасивый по музыкѣ и по инструментовкѣ, мы въ Москвѣ пропускали и прямо начинали послѣ ff педаль въ контрбасахъ и віолончеляхъ:



Не потрудитесь ли и вы сдѣлать точно такъ же? Итакъ, еще и еще благодарю васъ за дорогое для меня вниманіе ваше.

Братъ мой писалъ мнѣ, что въ послѣднемъ концертѣ шелъ „Антаръ“ *) Корсакова, и что онъ имѣлъ большой успѣхъ. Искренно радуюсь этому и попрошу васъ передать автору мои поздравленія. Отчего онъ такъ долго не присылаетъ „Садко“? Юргенсонъ начинаетъ бояться, что „Садко“, пожалуй, попадетъ въ море его соотечественника Іогансена **).

Дооръ не рѣшается ѣхать къ 17-му въ Петербургъ, отговариваясь тѣмъ, что онъ не можетъ сыграть давно уже не игранный имъ концертъ Бетховена безъ приготовленія, а Коссманъ участвуетъ въ Воскресенье, 16-го, въ квартетномъ утрѣ.

---

*) „Антаръ“—2-я симфонія Н. Римскаго-Корсакова исполнялась въ 1-й разъ въ концертѣ И. Р. М. О. 10 Марта 1869 г. подъ управленіемъ М. А. Балакирева. *Прим. С. Л.*

**) Рѣчь идетъ объ изданіи симфонической поэмы „Садко“ Н. А. Римскаго-Корсакова московскимъ издателемъ П. Юргенсономъ. Нѣкоторыя сочиненія Римскаго-Корсакова были изданы въ то время Петербургскимъ издателемъ Іогансеномъ. *Прим. С. Л.*

На Святой у насъ здѣсь будетъ Concert-monstre въ память Берліоза; будетъ исполненъ его „Реквіемъ“; отчасти это обстоятельство, а отчасти и плохое состояніе финансовъ заставляетъ меня остаться въ Москвѣ. Но не пріѣдете ли вы послушать „Реквіемъ“, это было бы весьма пріятно для меня; кстати вы бы поругали меня за пѣсни, а мнѣ очень интересно знать, за какія именно.

Теперь примусь за ваши пѣсни и нещадно буду васъ обкрадывать.

Прощайте, голубчикъ. Поклонитесь отъ меня Корсакову.

П. Чайковскій.

Симфонію Бородина вамъ вышлютъ. Очень жаль, что не придется ее слышать, для послѣдняго концерта у насъ готовятъ 9-ю симфонію.

Питеръ, 18 Марта 1869 г. *).

Дорогой Петръ Ильичъ!

Вчера я исполнилъ **) вашъ „Фатумъ“ и спѣшу вамъ отдать отчетъ во всемъ, начиная съ исполненія и кончая моимъ мнѣніемъ объ сочиненіи. Начну съ программы: изъ приложенной афиши вы узрите, что я выпустилъ 2 стиха въ эпиграфѣ ***). Я разсудилъ, что въ этомъ случаѣ важно то, что говорится, а не кто говоритъ, и принимая во вниманіе (говоря слогомъ Тимашева), что стихи по своей фактурѣ весьма жалки (что за риѳмы слэзъ—исчэзъ, или слёзъ—исчёзъ)—содержаніе ихъ весьма дешеваго свойства байронизмъ, и, къ довершенію всего, все сіе рекъ сѣдой Мельхиседекъ! Не знаю, будете ли вы съ этимъ согласны, но я это сдѣлалъ, чтобы избавить васъ отъ могущихъ быть нападокъ, и чтобы жалкіе стихи Батюшкова, не казались еще жалчѣе. Не понимаю, какъ вы могли выбрать такіе стишищи. Ужъ если вы хотѣли взять эпиграфъ, выражающій отчаянное разочарованіе въ жизни, то что бы вамъ обратиться если не къ Байрону, то къ Лермонтову.

---

*) Это письмо не было отправлено по назначенію и найдено въ бумагахъ М. А. Балакирева, послѣ его смерти. *Прим. С. Л.*

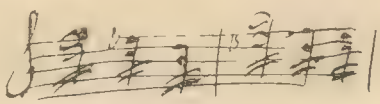
**) Въ концертѣ И. Р. М. О. 17 Марта 1869 г. *Прим. С. Л.*

***) Фантазія П. Чайковскаго „Фатумъ“ имѣла въ качествѣ эпиграфа слѣд. стихи Батюшкова:

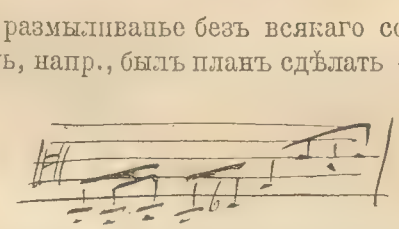
Ты знаешь, что изрекъ
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, терпѣлъ, рыдалъ, исчезъ... *Прим. С. Л.*

Теперь скажу вамъ объ исполненіи: 10 тактовъ, назначенные вами, были пропущены. Затѣмъ было исполнено все. Когда All° (C-moll) является во 2-й разъ, то въ концѣ я дѣлалъ accelerando до самаго Molto Moderato. Слѣдующее за нимъ Andante (C-dur), съ мелодіей въ Англійскомъ рожкѣ, по темпу почти сливалось съ Moderato. Въ концѣ Andante, гдѣ начинаются аккорды въ духовыхъ съ арфой, я замедлялъ, и послѣдній аккордъ съ 𝄐 былъ очень медленъ.—Вотъ вамъ весь отчетъ, и я васъ очень прошу написать мнѣ, что я сдѣлалъ не такъ. Мнѣ это нужно для провѣрки самого себя.

Теперь перейду къ самой композиціи. Я слишкомъ люблю вашу честную, симпатичную личность, чтобы стѣсняться съ вами въ выраженіи своихъ мнѣній, и потому прямо скажу вамъ, что Ларошъ въ своей критикѣ былъ слишкомъ снисходителенъ къ вамъ. Я не считаю даже это за сочиненіе, а только за программу сочиненія. Вы только одно сочинили—это тему Andante As-dur, но это только что прилично. Мелодія довольно ординарная, блѣдная въ родѣ тѣхъ, которыя пишутъ гг. Раффы, Брамсы, Гады и др., хотя не лишена нѣкоторой красоты, но ничего с в о е г о, теплаго, задушевнаго вы не сказали, а только повторили то, что давно уже сказано и всуе пріемлется нѣмецкимъ музыкальнымъ звѣринцемъ. Кюи въ одномъ изъ фельетоновъ своихъ сказалъ, что вѣроятно явится американецъ, который изобрѣтетъ машину, сочиняющую итальянскія оперы, а я полагаю, что вслѣдъ затѣмъ будетъ изобрѣтена машина и для сочиненія новыхъ нѣмецкихъ симфоній въ родѣ Макса Бруха, Раффа, Рейнеке и др. Не видать, чтобы сочиненіе было вами выношено, выношено, прочувствовано. Тамъ только программа. Всѣ ваши:



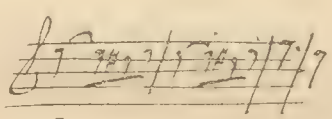
ничто иное, какъ размышленье безъ всякаго содержанія.—Поэтому я вижу, что тутъ, напр., былъ планъ сдѣлать c r e s c. Ваша тема:



не есть тема, а, такъ себѣ, что-то вмѣсто темы, которая еще не

высидѣлась въ головѣ. Гармонія подъ часъ корява до каррикатурности, какъ, напр., въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрипки (въ Es-dur) съ треугольникомъ (зачѣмъ тутъ треугольникъ? что это за пляска!).

Затѣмъ скажу вамъ, что самая программа фантазіи, т. е. скелетъ ея, не хорошъ, потому и сочиненіе вышло разорванное, сшитое бѣлыми нитками. Однимъ словомъ, насколько въ вашихъ „Танцахъ“ вы хорошо совладали съ формой, настолько тутъ форма не далась вамъ, и вышло какое-то лоскутное одѣяло съ прорѣхами. Ларошъ совѣтуетъ вамъ учиться по классическимъ образцамъ. Этого я вамъ не посовѣтую. Классическіе образцы и безъ того слишкомъ хорошо извѣстны вамъ, а также извѣстно вамъ и то, что владѣніе формой и разнообразіе формъ съ той поры ушло много впередъ. Тамъ вы могли бы усмотрѣть только то, о чемъ вы слыхали еще въ то время, когда Заремба читалъ вамъ теорію формы Rondo въ связи съ грѣхопаденіемъ Адама и Евы. Лучше обратитесь къ Листу, у котораго, напримѣръ, хоть въ Прелюдахъ вы увидите именно подходящую для вашего „Фатума“ форму, но за то какъ все чудесно мотивировано, тамъ не чувствуешь ни разорванности, ни размышленья. Правда, есть намалеванная дешевая декорація, лишенная всякаго содержанія—это начало бури, но зато это весьма не долго продолжается, и, начиная съ $^{12}/_{8}$ (a -moll), опять музыка входитъ въ свои права. Изъ темъ своихъ онъ выжимаетъ почти весь сокъ. Къ сожалѣнію, итальянская тема:



крайне плоха и отзывается какой-то Семирамидой. Посмотрите, какая тамъ связь внутренная, органическая между всѣми частями. То же самое можете увидѣть, напр., въ „Ночь въ Мадридѣ“. Упоминаю о сей послѣдней потому, что къ моему удовольствію Глинка у васъ въ большомъ ходу, и въ самомъ „Фатумѣ“ я видѣлъ, что хоръ „Погибнетъ“ произвелъ на васъ сильное впечатлѣніе, отъ котораго вы не можете отдѣлаться.—Однако я уже черезчуръ много исписалъ бумаги, а чувствую, что еще далеко не все сказалъ, что хотѣлъ бы сказать. Вотъ когда увидимся съ вами, то наговоримся вдоволь. Теперь только прибавлю еще о пріемѣ публики. По окончаніи похлопали, но немного, чему причиной была, полагаю, безобразная трескотня въ концѣ, которая, по мнѣнію Ларош,

изображаетъ шествіе Тамерлана съ его полчищами. Если бы въ самомъ дѣлѣ вы выразили такое шествіе, то это была бы высокая художественная картина, а въ томъ-то и дѣло, что ваша трескотня выражаетъ только трескотню.

Въ заключеніе скажу вамъ, что написалъ вамъ все сіе въ той увѣренности, что вы не измѣните вашего намѣренія посвятить мнѣ вашъ „Фатумъ“, иначе впередъ я никогда ничего не буду писать вамъ, кромѣ европейскихъ учтивостей. Ваше посвященіе мнѣ очень пріятно, какъ знакъ вашей ко мнѣ симпатіи. А вы мнѣ очень симпатичны!

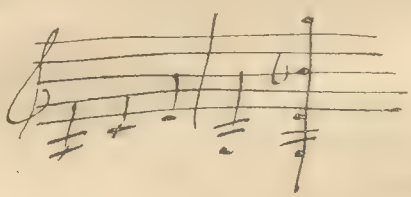
Душевно любящій васъ
М. Балакиревъ.

Римскій-Корсаковъ кланяется вамъ. Онъ переоркестровываетъ „Садко“. Скажите вашему Юргенсону, что онъ можетъ быть покоенъ, хотя Іогансенъ и желаетъ укусить локоть, да ужъ поздно... Рубинштейну и Ларошу мой поклонъ. В. К. Елена Павловна выписала Зейфрица, который дастъ концертъ, вѣроятно, для того, чтобы имѣть предлогъ Ей ангажировать его на будущій годъ.

Не можете ли достать у Лароша его книжку о Глинкѣ?

19 Марта.

Вчера письмо мое не поспѣло на почту, и я этому радъ, потому что имѣю возможность еще черкнуть вамъ нѣсколько строкъ.— Вчера я видѣлся со всей нашей компаніей. Разговоры и споры шли преимущественно о „Фатумѣ“, и Вл. Стасовъ напалъ сильно на меня за выпускъ первыхъ 2-хъ стиховъ въ эпиграфѣ, увѣряя, что вы, навѣрнос, желали сдѣлать самого Мельхиседека, произносящаго роковыя слова:



Я отговаривался негодностью стиховъ, и тѣмъ, что фраза о Мельхиседекѣ могла бы послужить къ плоскимъ остротамъ. Говорилъ и о

томъ, что вслѣдствіе причинъ, извѣстныхъ всѣмъ намъ, я долженъ быть крайне остороженъ съ русскими сочиненіями, но меня все-таки обработали, и я самъ сознаюсь, что я далъ маху, такъ какъ Мельхиседекъ у васъ есть въ музыкѣ, чего я не подумалъ. Кюи очень нравится Andante (As dur), и онъ увѣряетъ, что это совершенно въ родѣ Гуно.—Затѣмъ скажу вамъ еще, что оркестровка ваша всѣмъ очень понравилась, и всѣ довольны были исполненіемъ. „Фатумъ“ прошелъ очень хорошо. На первыхъ 2-хъ репетиціяхъ я не могъ имъ хорошенько заняться, такъ какъ меня одолѣвали солисты (особенно надоѣлъ мнѣ Вальтеръ съ концертомъ Віотти, называемымъ Бородинымъ цыплячьимъ концертомъ), и потому я сдѣлалъ 3-ю репетицію спеціально для оркестровыхъ вещей въ день концерта.—Вотъ вамъ все.—Пожалуйста пишите ко мнѣ.

Душевно любящій васъ
М. Балакиревъ.

31 Марта 1869 г. С.-Петербургъ *).

Любезный Петръ Ильичъ!

Вашъ „Фатумъ“ исполненъ **), и смѣю думать, что исполненъ недурно, по крайней мѣрѣ исполненіемъ остались всѣ довольны. Аплодировали мало, что я приписываю безобразной трескотнѣ въ концѣ.—Сама вещь мнѣ не нравится, она не высижена, писана какъ бы на скорую руку. Вездѣ видны швы и бѣлыя нитки. Форма окончательно не удалась, вышло все разрозненно. Ларошъ приписываетъ это тому, что вы мало сидите на классикахъ.—По моему это произошло совершенно отъ другого: вы мало знакомы съ новой музыкой. Классики васъ не научатъ свободной формѣ. Въ нихъ вы ничего не увидите новаго, вамъ неизвѣстнаго. Все, что тамъ вы узрите, уже давно вамъ извѣстно еще съ той поры, когда вы на школьной скамьѣ благоговѣйно внимали мудрымъ трактатамъ Зарембы о связи формы Rondo съ грѣхопаденіемъ первыхъ человѣковъ.—Въ томъ же концертѣ исполнялись „Les Préludes“ Листа. Посмотрите, какая тамъ чудная форма. Какъ все вытекаетъ естественно одно изъ другого; нѣтъ никакой пестроты. Или посмотрите на „Ночь въ Мадридѣ“ Глинки, какъ тамъ ма-

*) Это письмо было послано вмѣсто предыдущаго. *Прим. С. Л.*

**) Это письмо цѣликомъ, кромѣ P. S., было напечатано въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“. *Прим. С. Л.*

стерски связаны всѣ темы и всѣ отдѣлы увертюры. Этой-то внутренней, органической связи и нѣтъ у васъ въ „Фатумѣ“. Я привелъ въ примѣръ Глинку нарочно потому, что вы, какъ видно, много на немъ сидите, и по „Фатуму“ я видѣлъ, что вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія хора „Погибнетъ“.—Стихи, выбранные вами въ эпиграфъ, ни на что не похожи. Это безобразные стишищи. Ужъ если вы и хотѣли предаться байронизму, то что бы вамъ отыскать подходящій эпиграфъ, если не у Байрона, то хоть у Лермонтова. Думая сколько-нибудь скрасить стихи, я выпустилъ первые два стиха (Мельхиседекъ представлялся мнѣ крайне комичнымъ), но вышло, что я сдѣлалъ глупость. Компанія наша свирѣпо напала на меня и доказывала, что начало „Фатума“ и есть Мельхиседекъ, вѣщающій громовыя слова. Они правы*), и въ этомъ случаѣ вы можете только меня извинить добрымъ желаніемъ по возможности скрасить стишищи съ рифмами: изрекъ—Мельхиседекъ, слезъ—исчезъ.

Пишу вамъ совершенно откровенно, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы не оставите вашего намѣренія посвятить мнѣ вашъ „Фатумъ“. Посвященіе ваше мнѣ дорого, какъ знакъ вашей ко мнѣ симпатіи, а я чувствую большую къ вамъ слабость.

Душевно любящій васъ
М. Балакиревъ.

P. S. По поводу „Фатума“ происходили разныя другія вещи, такъ что я задумывался, дать или не дать его. Объ этомъ разскажу вамъ при свиданіи въ Москвѣ, куда я намѣренъ прибыть, чтобы послушать „Requiem“ Берліоза. — Передайте мой поклонъ Рубинштейну, а также и то, что я намѣренъ прислать ему палочку Берліоза, для дирижированья его „Requiem“; ту самую палочку, которой онъ въ прошлый сезонъ дирижировалъ и у насъ, и въ Москвѣ, и передъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ.—Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы Рубинштейнъ дирижировалъ этой палочкой „Requiem“ Берліоза, и если онъ отъ этого не прочь, то я немедленно все сіе сдѣлаю. Передайте ему с амыдружескіймой поклонъ.—Успокойте Юргенсона насчетъ „Садко“. Хотя Іогансенъ теперь и хочетъ укусить локоть, но это трудно. „Садко“ переписывается,

*) Въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“ подробно разсказана исторія появленія эпиграфа къ „Фатуму“, изъ которой видно, что Чайковскій писалъ это сочиненіе, не только не имѣя въ виду этого эпиграфа, но и не зная о его существованіи. Поэтому предположеніе, что онъ имѣлъ въ виду изобразить самого Мельхиседека, является ошибочнымъ. *Прим. С. Л.*

подчинается и въ скоромъ времени будетъ у васъ. Вся компанія наша вамъ кланяется. Вышлите скорѣе симфонію Бородина. Ее на Пасхѣ будутъ играть. Очень прошу васъ и Николая Григорьевича подружнѣе принять г-на Палечека, артиста Пражской оперы, тамошняго Сусанина и Фарлафа, и сдѣлать для него, что можно.

Москва, 3 Мая 1869 г.

Добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Очень виноватъ передъ вами, что такъ давно не писалъ и своимъ долгимъ молчаньемъ, быть можетъ, далъ вамъ поводъ думать, что я обидѣлся вашимъ письмомъ, гдѣ вы критикуете „Фатумъ“. Съ вашими замѣчаніями объ этой стряпнѣ я въ глубинѣ души согласенъ совершенно, но, признаюсь, былъ бы весьма счастливъ, если бы вы хоть что-нибудь и хотя бы слегка въ ней похвалили; въ вашемъ же письмѣ одни только, хотя и справедливыя, порицанія; пилюля ваша не позлащена ни на волосъ.

Признаюсь я не пришелъ въ восторгъ отъ вашего отзыва, но ни мало не обидѣлся и отдалъ въ душѣ честь искренней прямотѣ, которая составляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ чертъ вашей музыкальной личности.

Посвященія я, разумѣется, не беру назадъ, но надѣюсь когда нибудь написать для васъ что-нибудь получше *).

„Реквіемъ“ Берліоза былъ исполненъ передъ довольно многочисленной публикой и довольно опрятно, хотя далеко не очень хорошо. Хоръ былъ положительно слабъ. Какъ эта вещь хороша! И какъ она легка въ исполненіи; не понимаю, почему ее такъ рѣдко исполняютъ. Она требуетъ большихъ массъ и трудна только въ этомъ смыслѣ; но въ Петербургѣ такъ много пѣвчихъ и военныхъ оркестровъ, что эти трудности ничего не значатъ, и я убѣжденъ, что вы ее когда-нибудь исполните.

Извѣстіе о томъ, что съ вами сдѣлали, возмутило меня и Рубинштейна до послѣдней степени; я даже рѣшился печатно высказаться объ этомъ необыкновенно подломъ поступкѣ, и прошу васъ непремѣнно прочесть въ завтрашнемъ № „Современной Лѣтописи“ мою статейку довольно ругательнаго свойства. Меня особенно радуетъ то, что эта особа пріѣзжаетъ въ Москву въ день выхода

*) Подъ вліяніемъ сознанія справедливости отзыва М. А. Балакирева П. И. сжегъ партитуру „Фатума“, и она могла быть возстановлена, послѣ смерти автора, лишь благодаря сохранившимся оркестровымъ партіямъ, и издана фирмой М. П. Бѣляева въ Лейпцигѣ. *Прим. С. Л.*

газеты съ моей статейкой. Я занимаюсь теперь инструментовкой моей оперы Ундина; одно дѣйствіе уже готово; два остальныхъ буду инструментовать лѣтомъ.

Юргенсонъ поручаетъ мнѣ справиться у васъ, когда будетъ готовъ „Садко".

Кланяйтесь, пожалуйста, крѣпко его автору и остальнымъ членамъ вашего якобинскаго *) кружка.

Крѣпко жму вашу руку и прошу вѣрить въ неизмѣнную любовь

вашего Чайковскаго.

Рубинштейнъ будетъ вамъ писать завтра.

С.-Петербургъ, Май 1869 г. ***)

Милый и дорогой Петръ Ильичъ!

Пишу къ вамъ при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ. Я было собирался ѣхать на Кавказъ, чтобы полѣчиться и запастись здоровьемъ на будущій сезонъ, но дѣло выходитъ иначе. Мнѣ пишутъ, что отецъ мой (онъ живетъ съ моими сестрами въ Клину) очень плохъ, и что по всей вѣроятности мнѣ придется его хоронить и прожить все лѣто въ Клину съ сестрами, которыхъ осенью уже возьму въ Питеръ***). Завтра я выѣзжаю въ Клинъ, но едва ли буду въ Москвѣ: семейныя дѣла мои, какъ видите, не позволятъ никакой отлучки.—Въ настоящее время, кажется, все соединилось, чтобы меня доѣхать.

На-дняхъ у васъ будетъ Кологривовъ проѣздомъ въ Петербургъ. Скажите ему, что я очень желаю съ нимъ видѣться, и чтобы онъ въ день выѣзда изъ Москвы телеграфировалъ мнѣ въ Клинъ, когда онъ выѣзжаетъ. Я пойду на станцію ж. д. чтобы переговорить съ нимъ. Я везу съ собою „Садко" (партитуру и въ

*) Балакиревъ и члены его кружка т. е. Кюи, Мусоргскій, Бородинъ и Римскій-Корсаковъ за ихъ приверженность къ музыкальнымъ реформаторамъ, каковы Листъ и Берліозъ, и за ихъ стремленіе къ обогащенію искусства новыми формами съ точки зрѣнія ортодоксальныхъ музыкантовъ старой школы почитались музыкальными революціонерами, ниспровергающими всѣ основы искусства. Возмущаясь тѣмъ, что сдѣлали съ Балакиревымъ, Чайковскій говоритъ о вынужденномъ его уходѣ изъ И. Р. М. О, концертами котораго онъ управлялъ, вслѣдствіе несочувствія его направленію со стороны лицъ стоявшихъ въ то время въ главѣ общества. *Прим. С. Л.*

**) Въ подлинномъ письмѣ года и числа не выставлено. *Прим. С. Л.*

***) Отецъ М. А. Балакирева, Алексѣй Константиновичъ, служившій въ г. Клину, Московской губ., скончался 3-го Іюня 1869 года.

4 руки) и изъ Клина перешлю къ вамъ въ Москву.—Когда будете уѣзжать изъ Москвы въ Питеръ, то сдѣлайте то же, о чемъ я прошу передать Кологривову. Мнѣ очень хочется повидаться съ вами. По дорогѣ завезите мнѣ переписанную партитуру „Фатума“ и достаньте если можно выпуски Разумовскаго о церковной музыкѣ.

Изъ пѣсенъ, переложенныхъ вами въ 4 руки всѣхъ насъ приводятъ въ восторгъ №№ 5, 16, 20, а въ особенности 23. Это необычайно прелестно. Къ неудачнымъ принадлежатъ: 10, 17, 19 и въ особенности № 9, которая не похожа даже на народную тему, а будучи сдѣлана á la Raff съ тромбонами и визготней скрипокъ—она ни на что не похожа.

Въ надеждѣ повидать васъ хоть на станціи въ Клину обнимаю васъ крѣпко.—М. Балакиревъ.

Мнѣ было бы очень пріятно, если бы я получилъ отъ васъ нѣсколько строкъ въ Клину. Что Рубинштейнъ? Передайте ему мой поклонъ.

Сѣровъ за свою статью въ „Голосѣ“, получилъ отъ В. К. 1000 р. на поѣздку заграницу. Директоромъ онъ не будетъ. Заремба успѣлъ отпарировать.

Москва, 2 Октября 1869 г.

Милый другъ!

Я все ждалъ, чтобы на меня снизошло вдохновеніе; не хотѣлось вамъ писать до тѣхъ поръ, пока не набросаю хоть что нибудь изъ увертюры *). Но представьте себѣ, что я совершенно выдохся, и что ни одна, хоть сколько-нибудь сносная музыкальная идейка не лѣзетъ въ голову. Начинаю бояться, что муза моя отлетѣла куда нибудь далеко, (можетъ быть гоститъ въ Зарембѣ) и ждать ее, можетъ быть придется долго; а потому и рѣшаюсь писать вамъ, предваривъ, что я сдѣлался безмузымъ или, что

*) Увертюра къ др. Шекспира „Ромео Джу[illegible]“, которую задумалъ писать П. И-чъ по предложенію Балакирева. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что таково было происхожденіе этой увертюры, но когда именно было сдѣлано это предложеніе въ письмахъ не указывается. По всей вѣроятности это было сдѣлано лѣтомъ, когда Балакиревъ былъ въ Москвѣ. Въ письмѣ (см. „Жизнь П. И. Чайковскаго“ т. I. стр. 329) къ А. Чайковскому отъ 3 августа 1869 г. П. И-чъ пишетъ: „здѣсь теперь живетъ Балакиревъ и, признаюсь, его присутствіе тяготитъ меня: онъ требуетъ, чтобы я цѣлый день проводилъ съ нимъ, а это мнѣ скучно. Это очень хорошій и очень ко мнѣ расположенный человѣкъ, но, я не знаю отчего, никакъ не могу сойтись съ нимъ душа въ душу. Мнѣ не особенно нравится исключительность его музыкальныхъ мнѣній и рѣзкость тона“. *Прим. С. Л.*

тоже... музыкантомъ въ родѣ Габріели, Лассо и другихъ—единому Господу Богу и пророку его, Ларошу, извѣстныхъ композиторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ гармоническихъ классныхъ примѣровъ я въ теченіе послѣднихъ 2 мѣсяцевъ не написалъ ровно ничего, и даже въ намекахъ ничего въ головѣ не обрисовывается.

Впрочемъ—покончилъ съ 4-хъ ручнымъ переложеніемъ русскихъ пѣсенъ. Долго думалъ я, какъ мнѣ поступить съ тѣми, которыя почерпнуты изъ вашего сборника; сначала мнѣ хотѣлось просто арранжировать ваши гармонизаціи въ 4 руки, и это было-бы разумѣется, всего лучше;—но такъ какъ я лишенъ права поставить на оберткѣ ваше имя, то мнѣ показалось, что это будетъ музыкальное шулерство, и я рѣшился сдѣлать по своему. конечно въ большинствѣ ихъ должна слышаться нѣкоторая искусственность, и я чувствую, что вы за нихъ будете меня бранить, но трудъ былъ ужасный; къ нѣкоторымъ пѣснямъ вашимъ я до того привыкъ, что мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій оторвать отъ нихъ уже приросшую къ нимъ вашу гармонію. Какъ только онѣ выйдутъ пришлю вамъ экземпляръ.

Ваша армяно-грузино-іерихонская фантазія *) получена, и Рубинштейнъ уже ежедневно проигрываетъ ее въ консерваторіи. Если хотите знать, какое она произвела впечатлѣніе, то скажу вамъ, что слышавшіе ее могутъ быть раздѣлены на три разряда. Нѣкоторыхъ она приводитъ въ телячій восторгъ (здѣсь въ особенности слѣдуетъ помянуть объ Альбрехтѣ **); этотъ нѣмецъ входитъ, слушая ее, въ какой-то азартъ); другіе относятся къ вашей пьесѣ, какъ къ какому-то курьезному чудищу (напр., Лаубъ ***), Dupont—итальянскій капельмейстеръ); наконецъ, третьимъ она вовсе не нравится. Справедливость требуетъ сказать, что таковыхъ очень немного.

Мы устроились на новой квартирѣ ****) очень хорошо; мнѣ теперь никто не мѣшаетъ заниматься, и какъ нарочно я ничего не дѣлаю. Прочитывалъ въ послѣднее время кое-какія новыя или неизвѣстныя мнѣ до сихъ поръ вещи, въ томъ числѣ „Фаустъ“—

*) Восточная фантазія для ф. п. М. Балакирева „Исламей“, посвященная москвичу Н. Г. Рубинштейну и потому названная іерихонской. *Прим. С. Л.*

**) Карлъ Карловичъ Альбрехтъ, инспекторъ Московской консерваторіи. *Прим. С. Л.*

***) Ф. Лаубъ—профессоръ по классу скрипки въ Московской консерваторіи. *Прим. С. Л.*

****) Первое время по переѣздѣ въ Москву П. И. Чайковскій жилъ на одной квартирѣ съ Н. Г. Рубинштейномъ. *Прим. С. Л.*

Шумана и разныя нѣмецкія новѣйшія увертюры, только что полученныя Юргенсономъ.

Кстати: вы интересовались симфоніей Гуно; читали вы этотъ милый лепетъ классически настроеннаго дитяти? Я имѣлъ терпѣнье тщательно разобрать ее всю, отъ первой до послѣдней строчки, и, признаюсь, никакъ не ожидалъ встрѣтиться въ ней со старичкомъ Гайдномъ, впрочемъ уже выдохшимся.

У насъ здѣсь всѣ помѣшаны на итальянской оперѣ; сестры Маркизіо (дѣйствительно первостатейныя пѣвицы) производятъ неописуемый фуроръ. Я ихъ слышалъ въ „Сафо“ (самой паскудной изъ всѣхъ существующихъ оперъ) и въ „Семирамидѣ“, гдѣ, несмотря на всю ходульность, фальшь и неимовѣрную скуку, попадаются проблески таланта, и гдѣ деликатность и ловкость нѣкоторыхъ оркестровыхъ пріемовъ доказываетъ, что по природѣ Россини былъ гораздо болѣе художникъ, чѣмъ Меркаданте, Пачини, Кашперовъ и tutti quanti.

Напишите, милый другъ, не долженъ ли я поговорить съ Юргенсономъ о напечатаніи „Исламея“, не обѣщали ли вы его Бесселю *) или Іогансену?

Обнимаю Васъ и Корсиньку, кланяюсь всѣмъ остальнымъ членамъ якобинскаго клуба. Жму честную лапу Находки **) и остаюсь крѣпко васъ любящій

П. Чайковскій.

Перлинъ ***), 4 Октября 1869 г.

Милый и дорогой другъ!

Письмецо ваше я получилъ, и мнѣ прискорбно, что вы до сихъ поръ ничего не дѣлали и сдѣлались quasi..... Мнѣ кажется ****), что это происходитъ оттого, что вы мало сосредочиваетесь, не смотря на уютную фатеру. Не знаю, какъ у васъ происходитъ процессъ сочиненія, а у меня слѣдующимъ образомъ.

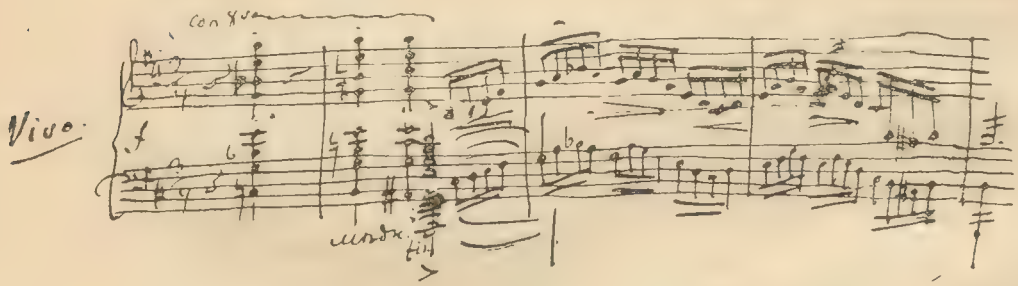
*) Василій Васильевичъ Бессель—петербургскій музыкальный торговецъ и издатель. *Прим. С. Л.*

**) Находка—найденная М. А. Балакиревымъ собака, которую онъ у себя пріютилъ. *Прим. С. Л.*

***) Такое названіе С.-Петербурга не разъ попадается въ письмахъ М. А. Балакирева этого періода и, очевидно, является намекомъ на восторжествовавшее тогда не русское направленіе въ его музыкальной жизни. *Прим. С. Л.*

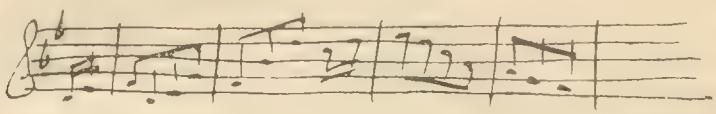
****) Отсюда до словъ „приготовить къ собственному концерту“ это письмо напечатано въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“, остальная часть письма печатается впервые. *Прим. С. Л.*

Привожу примѣръ, для васъ подходящій —разскажу вамъ, какъ, напр., сочинялась у меня увертюра къ Лиру: — сначала, прочитавши драму, я воспламенился желаніемъ сдѣлать увертюру (на что, впрочемъ, навелъ меня В. Стасовъ), и не имѣя еще матерьяловъ, я воспламенялся проектомъ, планировалъ интродукцію—Maestoso и потомъ нѣчто мистическое (предсказаніе Кента). Интродукція затихаетъ, и начинается бурное, гнѣвное All° — это самъ Лиръ, уже развѣнчанный, но еще сильный левъ. Эпизодами должны были служить характеры Реганы и Гонерильи, и наконецъ 2-я тема тихой и нѣжной Корделіи. Далѣе средняя часть (буря, Лиръ и Шутъ въ пустынѣ), затѣмъ повтореніе All°—Регана и Гонерилья окончательно забиваютъ его, и Увертюра оканчивается замираньемъ (Лиръ надъ трупомъ Корделіи), слѣдуетъ повтореніе исполнившагося предсказанія Кента и затѣмъ тихая, торжественная смерть.—Скажу вамъ, что при этомъ у меня не рисовалось сначала никакихъ идей, и потомъ уже идеи стали приходить и укладываться въ сочиненную мною рамку.—Мнѣ кажется, что все сіе будетъ и у васъ, если вы напередъ воспламенитесь планомъ. Тогда вооружитесь мокроступами и палкой, отправляйтесь шествовать по бульварамъ, начиная съ Никитскаго, и проникайтесь вашимъ планомъ, и я убѣжденъ, что, не доходя Срѣтенскаго бульвара, у васъ уже будетъ какая-нибудь тема или какой-нибудь хоть эпизодъ.—Въ настоящую минуту я, думая о васъ и объ увертюрѣ, какъ-то невольно воспламеняюсь, и мнѣ рисуется, что увертюра должна прямо начинаться со свирѣпаго All° съ сабельными ударами въ родѣ:



Я вамъ написалъ, такъ сказать, родъ, въ которомъ я бы сочинилъ начало. Если бы я сочинилъ увертюру, то, воспламеняясь этимъ зародышемъ, я бы висидѣлъ или, лучше сказать, выносилъ бы его во чревѣ своего мозга, и тогда было бы нѣчто живое и возможное въ этомъ родѣ. Если бы настоящія мои строки возымѣли на васъ нѣкое благотворное дѣйствіе, то я былъ бы безко-

нечно радъ. Я имѣю на это нѣкую претензію, такъ какъ ваши строки на меня дѣйствуютъ отмѣнно хорошо. Напримѣръ, вслѣдствіе полученнаго отъ васъ письма я сталъ почему-то веселъ, пошелъ гулять на Невскій, ходилъ въ-припрыжку и даже кое-что сочинилъ для своей Тамары, которую нужно бы мнѣ изготовить къ собственному концерту. Посылаю вамъ при семъ мои якобинскія программы *). Музыкальное Общество будетъ давать въ 1-мъ концертѣ симфонію Гайдна **), такъ какъ давно уже не слыхало такой благодати, какъ, напр.,



Далѣе будутъ симфоніи Гаде, Свендсена и компаніи. Изъ ф а н т а с т и ч е с к и х ъ источниковъ (вы знаете откуда) мнѣ извѣстно, что у Н. Рубинштейна произойдетъ въ бытность его въ Питерѣ генеральное сраженіе съ высокою Минервой, и что, хотя онъ будетъ и самъ нѣсколько побаиваться, однако на своемъ н а с т о и т ъ, и Минерва, хотя будетъ зла до того, что можетъ быть выражено только стихомъ:

„Мапутъ фуріи зміями,
Боги мчатся къ небесамъ“.

однако согласится на все и съ миромъ отпуститъ. Я этому ужасно радъ. По крайности если у насъ дѣло испакощено, то хоть у васъ въ Іерихонѣ будетъ все такъ, какъ быть должно. Сообщу вамъ новость: Демидовъ ***) сошелъ съ ума. Его замѣчали уже нѣсколько дней мрачнымъ и подъ конецъ онъ вздумалъ кого-то изъ мальчиковъ высѣчь и чуть было не исполнилъ своего намѣренія, но какъ-то попалъ онъ въ квартиру къ Зарембѣ, гдѣ помѣшательство обнаружилось уже вполнѣ. Что тамъ происходило — неизвѣстно. Другая новость очень курьезная: Рыбасовъ ****) же-

*) Послѣ вынужденнаго ухода изъ И. Р. М. О. и отказа отъ управленія его концертами дѣятельность М. А. Балакирева сосредоточилась въ основанной имъ съ Г. Я. Ломакинымъ Безплатной Музыкальной Школѣ, директоромъ которой онъ въ то время состоялъ. Въ сезонъ 1869—70 г. онъ объявилъ пять абонементныхъ симфоническихъ концертовъ, программы которыхъ представляли выдающійся интересъ. *Прим. С. Л.*

**) Симфонія Гайдна шла въ 7-ми концертѣ. *Прим. С. Л.*

***) Г. А. Демидовъ былъ инспекторомъ СПб. консерваторіи съ 1866 по 1869 г.г. *Прим. С. Л.*

****) Піанистъ, ученикъ проф. Герке окончившій курсъ консерваторіи одновременно съ П. И. Чайковскимъ въ 1865 году. *Прим. С. Л.*

лалъ сыграть въ конц. Музык. Общества 1-й концертъ Листа, но N. . . . объявилъ ему, что такихъ вещей исполнять нельзя Рыбасовъ очень удивлялся и говорилъ, что эта музыка играется повсюду и всегда игралась и въ Музык. Обществѣ во всѣ времена, на что N. . . . сказалъ: „Я не могу этого допустить, такъ какъ В. К. приказала мнѣ вырвать съ корнемъ прежнее направленіе“. Не правда ли, что это курьезно? Очень забавныя новости я сообщилъ въ письмѣ къ Рубинштейну, которое я ему послалъ вслѣдъ за „Исламеемъ“, и не знаю, получилъ ли онъ его. Я адресовалъ: Знаменка, домъ Макарова, противъ военнаго училища. Кажется такъ? Теперь настоящее письмо адресую въ консерваторію, чтобы вѣрнѣе дошло. Если то письмо пропало, то это очень жаль. Вы, говоря объ „Исламеѣ“, не сообщили мнѣ самаго главнаго, а именно: къ какой категоріи относитесь вы, Кашкинъ *) и самъ Рубинштейъ? **) Что касается до печатанія этой безнравственной пьесы, то я никому ее не обѣщалъ и очень радъ буду, если Юргенсонъ возьметъ ее. Условія мои: печатать съ русскими терминами и съ русскимъ заглавнымъ листомъ. Гравировать въ Лейпцигѣ, такъ какъ въ Іерихонѣ граверы не сумѣютъ многаго сдѣлать, что тутъ нужно. Юргенсонъ въ правѣ продавать изданіе и заграницей, покуда я не передамъ кому-либо тамъ права. (Собственно говоря, я никому не желаю передавать права заграницей, развѣ что мнѣ вздумается пьесу передѣлать, и если передѣлку готовъ будетъ напечать Юргенсонъ, то я заграницу не пошлю и права никому тамъ не передамъ). Вмѣстѣ съ симъ представлю ему другой экземпляръ (облегченный) *), который онъ можетъ печатать

---

*) Николай Дмитріевичъ Кашкинъ, музыкальный критикъ, преподаватель Московской консерваторіи. *Прим. С. Л.*

**) Въ письмахъ къ Балакиреву Чайковскій не сообщаетъ ни мнѣній Н. Кашкина и Н. Рубинштейна объ „Исламеѣ“, ни своего собственнаго. Въ его перепискѣ съ В. В. Стасовымъ находимъ позднѣйшій его отзывъ объ этомъ сочиненіи, какъ о „превосходной, но самой неблагодарной фортепьянной пьесѣ“ („Русск. Мысль“, Мартъ 1909 г. Переписка В. Стасова съ П. Чайковскимъ съ прим. В. Каренина, письмо Чайковскаго отъ 29 января 1879 г.). Что касается Н. Рубинштейна, то можно предположить, что эта пьеса ему очень нравилась, и онъ не находилъ ее неблагодарной, такъ какъ знакомилъ съ нею пьянистовъ, еще незнакомыхъ съ этимъ сочиненіемъ. Когда, послѣ Петербургскихъ концертовъ, Карлъ Таузигъ пріѣхалъ въ Москву Н. Рубинштейнъ спросилъ его, познакомилъ ли его Балакиревъ со своимъ „Исламеемъ“, и, узнавши, что нѣтъ, сыгралъ ему эту пьесу, которая привела Таузига въ такой восторгъ, что онъ заказалъ сдѣлать копію съ неизданнаго еще тогда этого сочиненія и увезъ ее съ собою заграницу. Несомнѣнно, онъ и познакомилъ съ этой пьесой Листа, который такъ ее любилъ. *Прим. С. Л.*

съ какимъ угодно текстомъ, хоть съ латышскимъ или эстонскимъ. За все сіе прошу 50 р. — Если Юргенсонъ не пожелаетъ, то отдамъ Бесселю, который ужасно клянчитъ и выпрашиваетъ чего-либо фортепьяннаго. Собственно говоря мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы на заглавномъ листѣ красовался Іерихонъ, а не Перлинъ. Находка васъ нѣжно лижетъ, а я васъ крѣпко накрѣпко обнимаю.

Душевно любящій васъ М. Балакиревъ.

Получила ли честная ваша компанія мои партитуры: я послалъ вамъ, Рубинштейну и Кашкину. Напишите мнѣ побольше о Кашкинѣ, я его очень полюбилъ. При семъ прилагаю программу „Садки“. Исправьте ее сами и отдайте Юргенсону. Я бы исправилъ да многаго понять не могу.

Москва, Октябрь 1869 г. **)

Посылаю вамъ, голубчикъ, все, что есть. Интродукція „Руслана“ здѣсь исполнялась съ пропусками, а голоса брали изъ театра. Віолончельнаго концерта также нѣтъ; но, кажется, онъ имѣется у Коссмана, къ которому я сейчасъ за нимъ посылаю, и если вы вмѣстѣ съ симъ его получите, то значитъ Коссманъ согласился его вамъ дать ***).

Пишу вамъ эти строки наскоро, иду въ классъ, а потому обнимаю васъ и остаюсь

вашъ П. Чайковскій.

Ваше милое письмо я получилъ, и благотворное вліяніе его уже дѣйствуетъ.

Москва, 28 Октября 1869 г.

Мой милый другъ!

Надѣюсь, что вашъ концертъ ****) прошелъ благополучно и съ нетерпѣньемъ жду отъ васъ извѣстій о немъ. Въ воскресенье, во время концерта, я о васъ думалъ и мысленно ставилъ себя въ ваше положеніе: живо представляю себѣ, какъ вы должны были волноваться.

*) Такого изданія не было, и въ бумагахъ М. А. Балакирева подобнаго варіанта не найдено. *Прим. С. Л.*

**) Въ подлинникѣ года и числа не выставлено. *Прим. С. Л.*

***) Очевидно концертъ для віолончели Р. Шумана, поставленный въ программу концерта Безплатной Музыкальной Школы 2-го Ноября 1869 года. *Прим. С. Л.*

****) Концертъ безплатной музыкальной школы 26 Октября 1869 г. подъ управленіемъ М. А. Балакирева. *Прим. С. Л.*

Увертюра моя подвигается довольно быстро; уже большая часть въ проектѣ сочинена и, если ничто мнѣ не помѣшаетъ, надѣюсь, что мѣсяца черезъ $1^1/_2$ она будетъ готова. Когда она вылѣзетъ изъ моей утробы, вы увидите, что какова она ни есть, а не малая доля изъ того, что вы мнѣ совѣтовали сдѣлать, исполнена согласно вашимъ указаніямъ. Во первыхъ, планировка в а ш а: интродукція, изображающая патера, драка—Allegro, и любовь—вторая тема. А во вторыхъ, модуляціи в а ш и: интродукція въ E-dur, Allegro въ h-moll, и вторая тема въ Des-dur. Рѣшительно не въ состояніи сказать вамъ,—что въ ней порядочнаго и что похуже; я не разъ говорилъ вамъ, что не умѣю объективно отнестись къ своимъ дѣтищамъ; пишу такъ, какъ умѣю; мнѣ всегда трудно бываетъ остановиться на какой-нибудь музыкальной мысли изъ тѣхъ, которыя лѣзутъ въ голову; но ужъ если я разъ одну изъ нихъ выбралъ, то скоро привыкаю къ ней, къ ея хорошимъ и дурнымъ сторонамъ, такъ что передѣлывать и пересочинять мнѣ стоитъ неимовѣрнаго труда. Я уподобляюсь въ отношеніи дѣтищъ моей фантазіи той маменькѣ, которая, не будучи въ состояніи переродить свою неудачную дочь, везетъ ее на балъ такою, какъ она есть, стараясь найти прелести даже въ ея горбѣ и бородавкахъ. Все это я говорю для того, чтобы вамъ было понятно, почему я не намѣреваюсь прислать вамъ увертюру въ проектѣ, а хочу показать ее вамъ уже совершенно готовою. Ругайте ее тогда, какъ хотите; я все приму къ свѣденію и въ слѣдующемъ сочиненіи постараюсь сдѣлать лучше. Если же вы раскритикуете ее теперь, когда уже все существенное сочинено, но еще не вылѣзло на свѣтъ Божій,—то я паду духомъ и ничего не сдѣлаю. Не заключите изъ этого, что я увѣренъ въ томъ, что увертюра вамъ не понравится; напротивъ, я лелѣю себя надеждой хоть немножко вамъ угодить, но, вѣдь Богъ знаетъ, я уже не разъ замѣчалъ, что вещи, которыя я считалъ порядочными, вамъ не нравились, и наоборотъ.

Говорилъ я съ Лаубомъ насчетъ славянскаго концерта *); дѣло въ томъ, что онъ скоро уѣзжаетъ давать концерты въ Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ, и поэтому ему навѣрно нужно знать, когда будетъ данъ славянскій концертъ, а такъ какъ вы времени не опредѣляете, то онъ никакого положительнаго отвѣта дать не мо-

*) Очевидно концертъ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Комитета, данный Безплатною Музыкальною Школою 15 Января 1870 г. подъ управленіемъ М. А. Балакирева. *Прим. С. Л.*

жетъ. На-дняхъ мы съ Макаровымъ *) принимали участіе въ блинномъ объяденіи, устроенномъ Рубинштейномъ въ Московскомъ трактирѣ, и пили втроемъ за ваше здоровье и успѣхи.

Много смѣялся надъ программой концертовъ нѣмецкаго музыкальнаго общества, присланной вами. Въ особенности забавны русскія сочиненія, долженствующія быть исполненными. Отчего бы имъ не сыграть изъ сочиненій Глинки „Торжественнаго Полонеза“ на коронацію или одну изъ кадрилей?

Кстати, о нѣмцахъ. Вашъ ярый поклонникъ Альбрехтъ собирается издать сборникъ хоровыхъ пьесъ, написанныхъ по цыфирной методѣ. Для этой цѣли онъ составилъ циркулярное письмо, долженствующее быть разосланнымъ ко всѣмъ русскимъ композиторамъ; для того, чтобы разослать письма, ему необходимо знать имена и отчества. Я ему помогъ составить списокъ, — но рѣшительно не помню, какъ зовутъ по отчеству Мусоргскаго и Бородина, и обѣщался справиться у васъ. Итакъ, увѣдомьте о томъ, какъ ихъ зовутъ. Въ письмахъ этихъ Альбрехтъ будетъ просить всѣхъ васъ написать два или три маленькихъ трехголосныхъ хорика. Пожалуйста, голубчикъ, не откажите милому нашему нѣмцу и пожертвуйте какой-нибудь часикъ времени.

Крѣпко обнимаю васъ, мой милый другъ, и жду извѣстій.

П. Чайковскій.

Разбираю каждый день оперу Кюи **) и наслаждаюсь. Я не ожидалъ, что опера эта такъ замѣчательно хороша.

Кланяйтесь покрѣпче Корсакову.

Перлинъ, 1869 г., 12 Ноября.

Простите, милый другъ, что я не отвѣчалъ вамъ до сихъ поръ. Хлопоты мои достигли такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что я рѣшительно не имѣлъ времени написать 2-хъ строкъ. Скажу вамъ, что я не безъ основанія боялся даже воспаленія мозга. Теперь мнѣ уже много легче, самое трудное уже прошло— и прошло хорошо. Сборъ у меня не ахти—расходы окуплены, а больше ничего. За то въ Муз. Обществѣ очень плохо: на 1-й концертъ форсированнымъ образомъ дирекція достала еще членовъ, и теперь число ихъ доходитъ до 210—только, и потому,

*) Пріятель М. А. Балакирева, предсѣдатель Московской Казенной Палаты. *Прим. С. Л.*

**) „Вильямъ Ратклифъ“. *Прим. С. Л.*

чтобы покровительницѣ не сидѣть въ пустомъ залѣ она разослала 400 даровыхъ билетовъ (пока на концертъ Зейфрица) и заплатила 3000 фр. Арто, которая доставила публику разовую на 600 р. (дирекція сдѣлала входъ въ залъ за 2 р. и на хоры 50 к.; какъ они надули тѣхъ несчастныхъ 210 членовъ, которые заплатили по 15 р., имѣя въ виду разовую цѣну 5 р.!)

Скажу вамъ еще, что объ моихъ концертахъ весьма хорошо говорятъ въ городѣ, между тѣмъ, какъ интересъ концертовъ Муз. Общества вертится исключительно на пѣвицахъ, и они изъ симфоническихъ концертовъ превратились чортъ знаетъ во что. Во 2-мъ концертѣ у нихъ поетъ Лавровская:

„J'ai perdu mon Euridice,
Rien égale à mon malheur".

Для 3-го концерта ангажирована коровница Меньщикова *) за 200 р., которая умѣетъ пѣть только романсъ: „Говорятъ, что я кокетка".

Отмѣнно радуюсь **), что дѣтище ваше формируется,—животикъ вашъ выростаетъ, и дай Богъ благополучно вамъ разрѣшиться.

Мнѣ ужасно интересно знать, какъ и что будетъ у васъ въ увертюрѣ, и я умоляю васъ прислать мнѣ то, что есть, при чемъ обязуюсь ни слова вамъ не писать объ этомъ ни хорошаго, ни дурного, покуда вещь не будетъ готова.

Уговорите Рубинштейна не играть вашъ „Романсъ", а вмѣсто него сыграть „Scherzo à la russe". Это будетъ несравненно лучше. Объ этомъ „Scherzo" была маленькая статейка въ „Петерб. Вѣд.", и, если онъ его сыграетъ, то хорошо выставитъ васъ передъ интелигентной публикой. Тогда порядокъ его піэсъ былъ бы такой: 1) Scherzo à la russe. 2) Berceuse—Ласковскаго. 3) Исламей. Въ Воскресенье, 16-го, идетъ 3-й концертъ; слѣдующій, 4-й, долженъ быть или 23-го или 30-го—еще неизвѣстно, такъ какъ все сіе зависитъ отъ зала. Такъ какъ время спѣшно, то поскорѣе переговорите съ Рубинштейномъ насчетъ піэсъ и увѣдомьте меня, чтобы я могъ уже прямо на программѣ выставить, какія мелкія піэсы онъ исполняетъ. Насчетъ дня 4-го концерта я не замедлю его увѣдомить, какъ только что-нибудь рѣшится.

*) Пѣвица русской оперы въ С.-Петербургѣ. Въ 3-мъ концертѣ И. Р. М. О. участвовала вмѣсто нея другая пѣвица русской оперы, г-жа Раабъ. *Прим. С. Л.*

**) Отсюда до словъ „покуда вещь не будетъ готова" часть этого письма напечатана въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго", все же остальное письмо печатается впервые *Прим. С. Л.*

Душевно радъ былъ бы помочь Альбрехту, только не знаю какъ? Развѣ что—вотъ что: когда-то очень давно я напакостилъ для Безплатной Школы Männerchor. Надобно его отыскать и отдать Альбрехту, другого ничего не придумаю; что же касается до нашей компаніи, то ни у кого männerchor'овъ не имѣется, и едва ли кто-либо захочетъ предаваться такому грѣху, quasi-содомскому.

Сообщаю вамъ имена и адресы: *Мусоргскій, Модестъ Петровичъ*, въ Михайловскомъ Инженерномъ замкѣ, въ квартирѣ А. П. Опочинина; *Бородинъ, Александръ Порфирьевичъ*, Выборгская ст., въ Медико-хирургической академіи, въ зданіи химической лабораторіи. *Кюи, Цезарь Антоновичъ*, Шпалерная, близъ Гагаринской, домъ Синебрюховой (а не Желтопузовой, какъ думаютъ нѣкоторые); *Римскій—Корсаковъ, Николай Андреевичъ*, Васильевскій островъ, въ Морской корпусъ, въ квартирѣ директора.

Затѣмъ крѣпко обнимаю васъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта вашего и эскиза вашей увертюры.

Крѣпко обнимаю васъ

М. Балакиревъ.

Узнайте, беретъ ли Юргенсонъ „Исламея“ или нѣтъ, Іогансенъ ужасно пристаетъ ко мнѣ, и я не знаю, отдать ли ему.

Москва, 17 Ноября 1869 г.

Милый другъ! Очень былъ радъ получить наконецъ отъ в а с ъ извѣстія о вашихъ концертахъ, такъ какъ здѣсь слухи о нихъ ходили самые противорѣчащіе. Признаюсь (хоть и то хорошо, что расходы покрыты), я ожидалъ отъ вашего хваленаго города, что онъ отнесется къ вамъ съ большею горячностью. Не могу удержаться, чтобы не вообразить того, какъ бы поступила Москва, если бъ, напр., съ Н. Рубинштейномъ было поступлено такъ, какъ съ вами. Да, въ его концертахъ, устроенныхъ въ пику кому бы то ни было, яблоку некуда было бы упасть. А вѣдь вы должны быть для Петербурга то, что Рубинштейнъ для Москвы; т. е. вы оба работаете и тратите жизнь и силы на дѣло общее, а не свое. Воображаю себѣ, сколько бы у меня испортилось крови, если-бы я жилъ теперь въ вашемъ отвратительномъ болотѣ. Нѣтъ! съ каждымъ днемъ убѣждаюсь я, что жить спокойно можно только въ Москвѣ; ужъ одно то, что наша первопрестольная не оскверняется паршивой газеткой Фаминцына *)!

*) „Музыкальный Сезонъ“, издаваемый Іогансеномъ подъ редакціей Фаминцына. *Прим. С. Л.*

Вы смѣялись надъ нашей публикой за то, что она, ничего не смысля, ѣздитъ въ концерты Музыкальнаго Общества. А знаете ли, что, не смотря на 4 представленія Итальянской оперы въ недѣлю, у насъ ужъ теперь 900 членовъ, а къ концу сезона будетъ 1200? Ахъ, Господи, что за счастье жить въ Москвѣ!

Или вотъ вамъ еще петербургская штука. Въ прошломъ Апрѣлѣ Гедеоновъ *) черезъ своего секретаря писалъ мнѣ, чтобъ я представилъ партитуру оперы къ 1-му Сентября. Я ее отправилъ къ Ѳедорову въ началѣ Августа, прося увѣдомить о полученіи и о томъ, пойдетъ ли опера и, если пойдетъ, то когда именно. Прошелъ Августъ, Сентябрь и половина Октября безъ всякаго отвѣта; въ половинѣ Октября пишу къ Гедеонову умилительное и почтительное письмо, прося исполнить обѣщаніе или извѣстить положительно, что опера нейдетъ. Опять отвѣта никакого. На дняхъ одинъ господинъ говоритъ мнѣ, что онъ изъ вѣрныхъ источниковъ знаетъ, что ужъ оперу мою начали разучивать. Пишу къ Сѣтову, и сегодня наконецъ получаю извѣстіе отъ него, что въ Петербургской дирекціи даже никто и не зналъ, что моя опера лежитъ тамъ съ первыхъ чиселъ Августа!

Повторяю: человѣкъ можетъ быть истинно счастливъ лишь живя въ богохранимомъ градѣ, гдѣ царь-колоколъ лежитъ и т. д.

Вы, вѣроятно, немножко удивитесь, узнавъ, что увертюра моя не только готова, но уже переписывается, чтобы быть исполненной въ одномъ изъ слѣдующихъ концертовъ. Вамъ я пришлю ее только въ такомъ случаѣ, когда, услышавъ ее здѣсь, я найду въ ней хоть какія-нибудь достоинства. Теперь, когда она готова, но еще не исполнена, я менѣе, чѣмъ когда-либо знаю, чего она стоитъ; знаю только, что она во всякомъ случаѣ не настолько дурна, чтобъ я опасался осрамиться ею здѣсь въ Москвѣ (въ чудной, невозмутимо спокойной, лишенной разныхъ Фаминцыныхъ и Сѣровыхъ—Москвѣ!).

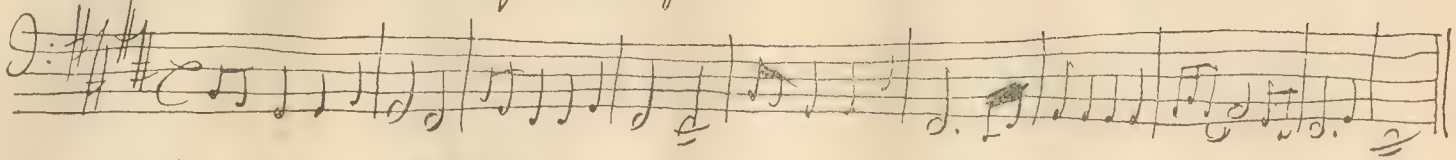
Посылаю вамъ въ концѣ письма главныя темы—и больше ничего покамѣстъ, а погомъ пришлю переписанную для васъ партитуру съ посвященіемъ разумѣется вамъ. Рубинштейнъ проситъ передать вамъ, что онъ не согласенъ играть мое Scherzo, такъ какъ онъ его совершенно позабылъ, а вновь учить некогда. Онъ держится прежней программы, т. е. 1) Ласковскій, 2) Morceau favori du président de la казенная палата **) и 3) Geliebtes stück von Herrn Albrecht ***).

*) Директоръ Театровъ. *Прим. С. Л.*

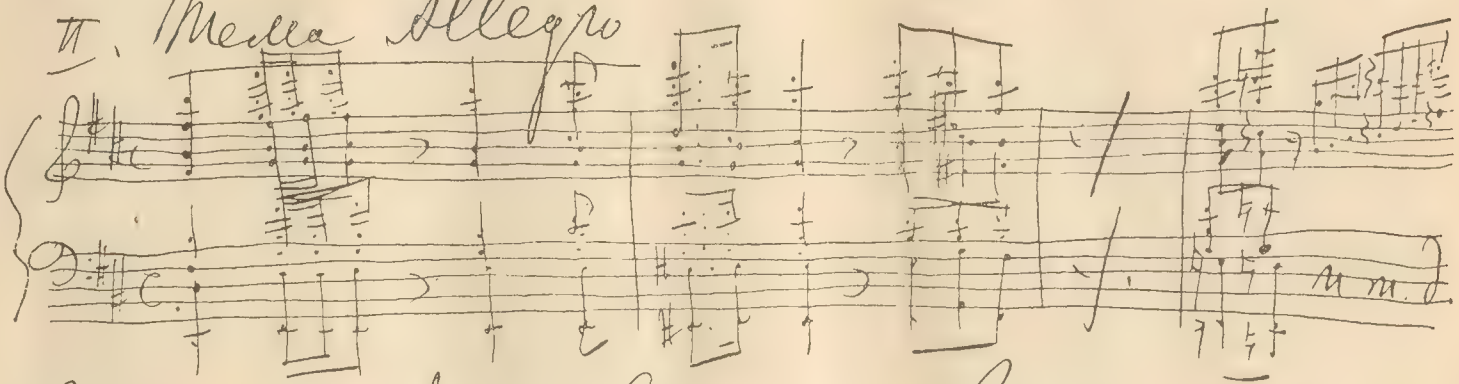
**) Т. е. Макарова, и именно „Романсъ“ ор. 5 для ф, п. Чайковскаго. *Прим. С. Л.*

***) Т. е. „Исламей“, восточная фантазія Балакирева. *Прим. С. Л.*

I. Тема Интуодукции



II. Тема Allegro

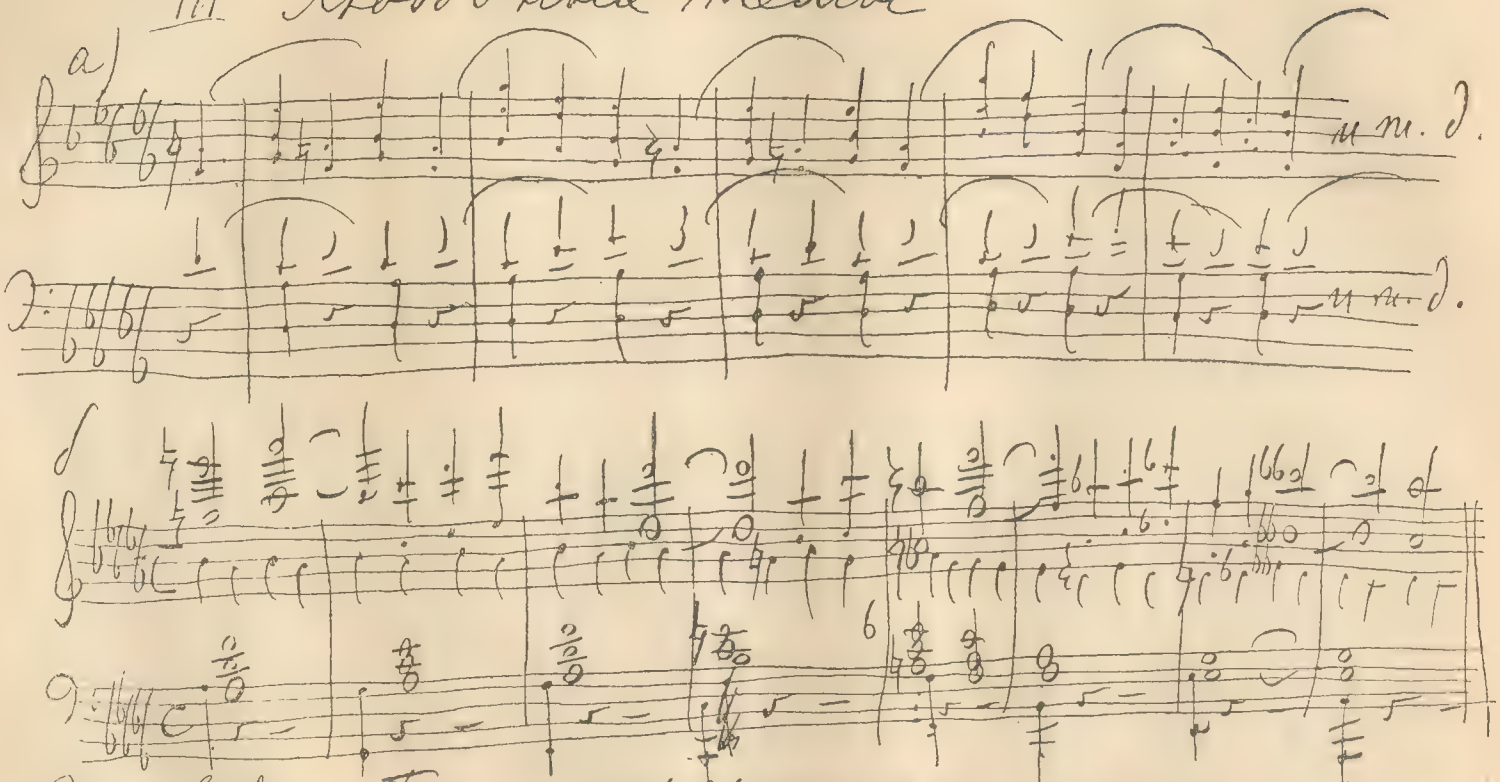


Затѣмъ идетъ бѣготня въ стилѣ того маленькаго образчика, что помните Вы мнѣ прислали?

III Любовные темы

а)

и т. д.



и т. д.

б)

Если увидите Бесселя, намекните ему, что мнѣ очень нужны деньги, и я бы очень радъ былъ получить за работу!

Касательно дѣла Альбрехта я очень удивляюсь, что вы съ нѣкоторой горделивостью даже не признаете возможнымъ, чтобы члены вашей компаніи сочинили для него по маленькому хорику. Я полагаю, что нѣтъ ничего унизительнаго для Бородина или Мусоргскаго набросать на 3 или 4 голоса пѣсенку; ни Шуманъ, ни Бетховенъ этимъ не гнушались. Если-жъ къ тому же они этимъ могутъ оказать большую услугу честному и милѣйшему собрату по искусству, то отказъ съ ихъ стороны будетъ не болѣе, какъ фанфаронство. Впрочемъ, я думаю, что К о р с а к о в ъ такъ милъ и добръ (остальныхъ я меньше знаю) и къ тому же такъ высоко даровитъ, что подобная мелочно-самолюбивая выходка и въ умъ ему не придетъ, и вы напрасно взялись заранѣе предугадывать, какъ онъ отнесется къ предложенію Альбрехта. Про васъ же и говорить нечего; я знаю, что при вашихъ занятіяхъ вамъ некогда заниматься пустяками, но сочиненный для Безплатной Школы Männerchor вы навѣрно отдадите нашему нѣмцу и вашему восторженному поклоннику. Какъ бы то ни было, а за присылку именъ и адресовъ крѣпко васъ благодарю.

Былъ здѣсь проѣздомъ Антонъ Рубинштейнъ; 5-го Декабря онъ играетъ у насъ въ концертѣ и даетъ, кромѣ того, свой концертъ. Мои русскія пѣсни на этой недѣлѣ будутъ готовы, и я немедленно пошлю вамъ и милому Николаю Андреевичу по экземпляру.

Юргенсонъ очень удивленъ, что вы спрашиваете, беретъ ли онъ „Исламея“? Онъ дѣло это считалъ покончennымъ и только удивлялся, что вы такъ долго не шлете ему подлинника.

Крѣпко обнимаю васъ и прошу кланяться хорошенько Николаю Андреевичу и остальнымъ членамъ горделивой компаніи.

П. Чайковскій.

Перлинъ, den $\frac{13\text{ten}}{1}$ December 1869 г.

Дорогой другъ!

Обновляю *) исцѣлившуюся руку **) писаньемъ къ вамъ, милый Іерихонецъ, и скажу вамъ, что я зѣло возрадовался, получивши ваши наброски изъ новой увертюры. Такъ какъ она у

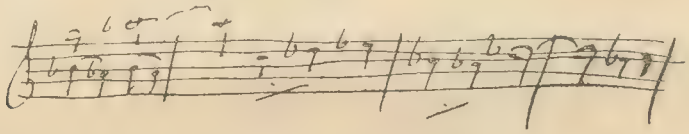
*) Сначала до словъ „развращенному нѣмцу, Альбрехту“ и затѣмъ отъ словъ „одно только скажу вамъ“ до „я томлюсь любопытствомъ узнать увертюру скорѣй“ письмо это помѣщено въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“ остальная часть печатается впервые. *Прим. С. Л.*

**) Послѣ того какъ Находка его искусала. *Прим. С. Л.*

васъ уже готова и даже скоро будетъ исполняться, то я считаю возможнымъ сказать вамъ откровенно *) свое мнѣніе о присланныхъ вами темахъ:—1-я тема мнѣ совсѣмъ не по вкусу. Можетъ быть въ разработкѣ она достигаетъ значительной красоты, но написанная гольемъ, какъ вы мнѣ прислали, она не представляетъ ни красоты, ни силы и даже не рисуетъ надлежащимъ образомъ характеръ патера Лоренцо. Тутъ должно быть нѣчто въ родѣ хораловъ Листа („Der Nächtliche Zug fis-dur", „Hunnenschlacht" и „Св. Елизавета") съ древне-католическимъ характеромъ, подходящимъ къ православію, а между тѣмъ ваша тема (E-dur) носитъ совсѣмъ другой характеръ—характеръ квартетныхъ темъ Гайдна, генія мѣщанской музыки, возбуждающаго сильную жажду къ пиву. Тутъ ничего ни древняго, ни католическаго, а скорѣе мнѣ рисуется Гоголевскій камрадъ Кунцъ, хотѣвшій себѣ отрѣзать носъ, во избѣжаніе расходовъ на нюхательный табакъ. Впрочемъ, можетъ быть, въ разработкѣ тема ваша получаетъ совсѣмъ другой характеръ, и тогда я откажусь отъ своихъ словъ.

Что касается до выписанной вами H-moll'ной темы, то это не тема, а очень красивое вступленіе въ тему, и послѣ C-dur'ной бѣготни непремѣнно долженъ быть сильный, энергическій, мелодическій рисунокъ. Полагаю, что оно такъ и есть, только вы по іерихонству своему полѣнились мнѣ выписать дальше.

1-й Des-dur очень красивъ, хотя нѣсколько гниловатъ, а 2-й Des-dur просто прелестенъ. Я его часто играю, и мнѣ очень хочется васъ расцѣловать за него. Тутъ и нѣга, и сладость любви, и вообще многое, что должно быть очень по душѣ развращенному нѣмцу Альбрехту. Когда я играю:



то мнѣ представляется, что вы лежите голенькій въ банѣ, и что сама Артиха Падилла третъ вамъ животикъ горячей пѣной душистаго мыла. Одно только скажу вамъ противъ этой темы: въ ней мало внутренней, душевной любви, а только физическое страстное томленье, даже съ чуть-чуть итальянскимъ оттѣнкомъ. Между тѣмъ какъ Ромео и Джульета совсѣмъ не персидскіе лю-

*) Сіе слово не должно быть понимаемо въ смыслѣ Зарембы. (*Прим. М. Балакирева*).

Библиотека

бовники, а европейцы. Не знаю, поймете ли вы, что я хочу вамъ выразить; я всегда чувствую недостатокъ въ себѣ дара слова, когда пускаюсь въ музыкальныя разсужденія, и потому постараюсь до нѣкоторой степени пояснить вамъ примѣромъ. Называю вамъ первую попавшуюся подъ руку тему, въ которой по моему мнѣнію, выражено чувство любви болѣе внутренно: 2-я тема (As-dur) увертюры Шумана „Мессинская невѣста".—Тема имѣетъ свои недостатки, болѣзненна, подъ конецъ немного сентиментальна, но коренное чувство, которымъ она преисполнена—вѣрно. Въ заключеніе скажу вамъ, что нетерпѣливо желаю получить партитуру съ тѣмъ, чтобы имѣть наконецъ полное понятіе объ этой талантливой увертюрѣ, которая, полагаю, есть лучшее ваше произведеніе, посвященіе котораго мнѣ—крайне пріятно для меня. Это первое произведеніе ваше, которое въ суммѣ красотъ своихъ притягиваетъ къ себѣ до того, что можно рѣшительно постоять за эту вещь, какъ за вещь хорошую. Это не чета напившемуся съ горя Мельхиседеку и откалывающему въ халатѣ Дюбюка *) на Арбатской площади безобразнаго трепака.—Присылайте скорѣе переписанную партитуру, я томлюсь любопытствомъ узнать увертюру скорѣе, тѣмъ болѣе, что едва ли попаду въ Іерихонъ ближе половины Января. У меня въ настоящее время хлопотъ очень много.

. . . . . .

Концерты не даютъ барышей, а между тѣмъ школѣ нужно жить цѣлый годъ, и я придумываю дерзкій планъ, не знаю только, удастся ли?—я хочу поставить Реквіемъ Моцарта (не въ счетъ абонемента), и чтобы Итальянцы пѣли соло. Пожалуйста, только не говорите объ этомъ никому: я боюсь, что эта вѣсть дойдетъ до здѣшняго Музыкальнаго Общества, и они мнѣ что-нибудь подпакостятъ. Дѣла ихъ отвратительно дурны. Они теперь ругаютъ Направника **) и приписываютъ свое fiasco его программамъ. Что касается хода моихъ концертовъ, то Рубинштейнъ вамъ, вѣроятно, разсказалъ все. Скажу вамъ объ немъ, что онъ болѣе и болѣе мнѣ дѣлается по душѣ, не только какъ артистъ, но и какъ человѣкъ

*) М. А. Балакиревъ любилъ въ шутку иллюстрировать музыкальныя сочиненія картинами и сравненіями, и увѣрялъ, что c-moll'ная тема Allegro въ „Фатумѣ" изображаетъ Дюбюка, пляшущаго въ халатѣ трепака на Арбатской площади въ Москвѣ, при чемъ находилъ, что въ музыкѣ изображено, какъ уличные мальчишки при этомъ дразнятъ его и показываютъ посы, а онъ деретъ ихъ за вихры. *Прим. С. Л.*

**) Послѣ ухода М. А. Балакирева дирижеромъ концертовъ И. Р. М. О. былъ приглашенъ капельмейстеръ Русской Оперы Э. Ф. Направникъ. *Прим. С. Л.*

вполнѣ хорошій.—Моя Іерихонская фантазія получила съ его пріѣзда названіе персидскаго порошка, такъ какъ она производитъ параличъ мозга у всѣхъ музыкальныхъ клоповъ въ родѣ Венявскаго и др. *).

Сюда пріѣхалъ Кологривовъ (предтеча) и потомъ наконецъ и Антонъ Рубинштейнъ (мессія).—Онъ у меня не былъ, и я, конечно, къ нему не пойду. Оркестромъ дирижируетъ у него Направникъ.—Іосифъ Ляс-Рубинштейнъ **) взбунтовался и не хочетъ играть въ концертахъ Муз. Общества, такъ какъ уже оба настоящіе Рубинштейна играли въ публикѣ. Изъ фантастическихъ источниковъ мнѣ извѣстно, что между Направникомъ и Гиллеромъ ***) будетъ еще какой-то прохвостъ дирижировать въ Муз. Обществѣ, и что это случится нечаянно и неожиданно. Увидимъ, насколько можно вѣрить фантастическимъ свѣдѣніямъ.—Что касается до Гиллера, то онъ уже вчера пріѣхалъ.

Пишите ко мнѣ побольше, милый другъ, да поскорѣе присылайте вашу увертюру. Крѣпко пожмите руку Рубинштейну и передайте ему поклонъ отъ всей нашей компаніи.

Мой поклонъ Кашкину. Напишите мнѣ объ немъ.

Крѣпко обнимаю васъ

М. Балакиревъ.

Москва, 18 Декабря 1869 г.

Мой милый другъ!

Вы и приблизительнаго понятія не можете себѣ составить о томъ, до чего я былъ радъ получить ваше милое письмо; я такъ боялся вашего строгаго, но правдиваго приговора, что съ ужасомъ думалъ о смѣлости, съ которой взялся писать музыку на Шекспира, раскаивался въ этомъ, и порой на меня находило желаніе бросить всю вещь въ огонь; но съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ваше письмо, все это прошло, и я несказанно радъ, что

*) На репетиціи концерта Безплатной Музыкальной Школы 30-го Ноября 1869 года, въ которомъ принималъ участіе Н. Г. Рубинштейнъ, онъ, желая блеснуть техникой, сыгралъ фантазію Балакирева „Исламей". Въ залѣ присутствовали профессора консерваторіи Лешетицкій и Венявскій, изъ которыхъ первый, не стѣсняясь, громко хохоталъ, а второй сказалъ, что надо быть сумасшедшимъ, чтобы это сочинить, и ничего не понимать, чтобъ рѣшиться это играть. По отзыву автора, Н. Рубинштейнъ игралъ превосходно. *Прим. С. Л.*

**) Піанистъ, приглашенный Дирекціей И. Р. М. О. для участія въ концертахъ, однофамилецъ А. и Н. Рубинштейновъ. *Прим. С. Л.*

***) Фердинандъ Гиллеръ, композиторъ, піанистъ и дирижеръ, приглашенный Дирекціей И. Р. М. О. для дирижированія нѣсколькими концертами этого сезона. *Прим. С. Л.*

уже и теперь, когда еще вамъ не извѣстны подробности, вы одобрительно относитесь къ посвящаемому вамъ произведенію.

Радуюсь также, что вы благополучно отдѣлались отъ послѣдствій Находкиной ярости. Можно ли было ожидать, что этотъ добродѣтельный звѣрь такъ напакоститъ своему благодѣтелю? Я иначе не могу себѣ объяснить этотъ странный поступокъ, какъ интригой и подкупомъ. Честная Находка, быть можетъ, не могла устоять противъ медоточивыхъ рѣчей Зарембы или Фаминцына; кто знаетъ, ей, можетъ быть, обѣщано было мѣсто профессора Петербургской Консерваторіи и лестное знакомство съ . . . . . Разумѣется, ее обманули, и она раскаивается.

Здѣсь съ нетерпѣньемъ васъ ожидаютъ и многіе весьма вами интересуются; сегодня въ одной газетѣ утверждается даже, что вы дадите нѣсколько концертовъ.

Дѣла Музыкальнаго Общества идутъ хорошо; на-дняхъ давалась Месса Россини, привлекшая огромную массу публики. 21-го числа будетъ повтореніе. Эта Месса никуда не годится; бѣдность изобрѣтенія и скудость фантазіи необыкновенная; исполненіе было хорошее. Мысль ваша—дать Реквіемъ Моцарта—очень хорошая, но какихъ трудовъ будетъ вамъ стоить добыть итальянцевъ? Знаете ли, что Мерелли получаетъ изъ сбора съ нашихъ двухъ концертовъ—60 процентовъ? Едва ли и у васъ согласятся пѣть даромъ.

Антонъ Рубинштейнъ далъ здѣсь очень хорошій концертъ, на которомъ игралъ такъ много, что подъ конецъ усталъ и выпустилъ двѣ піэсы изъ программы, или предположилъ, что публика устала. Игралъ онъ идеально хорошо. Его Фантазія (которую вы, вѣроятно, уже слышали) скучновата, но есть два-три хорошихъ мѣста; и между прочимъ одинъ необыкновенно курьезный гармоническій ходъ. Онъ мнѣ говорилъ про колоссальный планъ, устроить въ Петербургѣ, года черезъ два, музыкальный фестиваль изъ однихъ русскихъ сочиненій; между прочимъ онъ сильно разсчитываетъ на ваше содѣйствіе, и я очень удивляюсь, что онъ у васъ не былъ, такъ какъ къ плану этому онъ относится очень серьезно.

Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я отъ Рубинштейна, что у Корсакова продолжаютъ болѣть глаза; я боюсь, что это будетъ имѣть на него деморализующее вліяніе. Напишите мнѣ, пожалуйста, серьезна ли его болѣзнь и есть ли надежда, что она пройдетъ безслѣдно?

Увертюру свою я отдалъ переписать; скоро она будетъ готова и прислана вамъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю свиданія съ вами въ Москвѣ; надѣюсь, что вы не отложите надолго этого намѣренія; а я въ Питерѣ едва ли буду ранѣе лѣта.

Прощайте, голубчикъ, кланяйтесь всѣмъ вашимъ, Корсакову въ особенности.

П. Чайковскій.

Кашкинъ и Клименко *) крѣпко вамъ кланяются.

Былъ ли у васъ Ивановъ **), технологъ?

Москва, 20 Декабря 1869 г.

Пишу вамъ нѣсколько строкъ по порученію Н. Рубинштейна Онъ желаетъ навѣрно знать, когда вы будете? Назначьте одно изъ слѣдующихъ чиселъ: 2-е, 9-е, 16-е, 22-е т. е. по пятницамъ. Играть въ вашемъ концертѣ онъ никакъ не можетъ, такъ какъ Лаубъ обидѣлся бы ужасно. Хоры готовы. Отвѣтъ ему нуженъ, какъ можно скорѣе.

Прощайте, голубчикъ; увертюра моя переписывается.

П. Чайковскій.

С.-Петербургъ, Декабрь 1869 г.

Милый другъ!

Спѣшу отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ объ моемъ пріѣздѣ въ Іерихонъ. Буду, по всей вѣроятности, до новаго года. На-дняхъ узнаю навѣрное и телеграфирую Рубинштейну.—Ужасно сожалѣю, что онъ не играетъ въ моемъ концертѣ. Чѣмъ тутъ обидится Лаубъ—просто не понимаю; ужъ не тѣмъ, что лишится случая помахать лишній разъ палочкой.

Предложите Рубинштейну, будетъ-ли онъ согласенъ на слѣдующую программу:

1) Симфонія (B-dur)—Шумана.
2) Сербская фантазія—Р. Корсакова.
3) Хоры—Даргомыжскаго.
4) Увертюра на чешскія темы—Балакирева.

Если ему что-либо не нравится, то все можно измѣнить по его желанію.

---

*) И. А. Клименко, любитель музыки, московскій пріятель Чайковскаго. *Прим. С. Л.*

**) Впослѣдствіи музыкальный критикъ газеты „Новое Время“. *Прим. С. Л.*

Хорошо было бы, если бъ ваша Артиха Падилла согласилась спѣть Романсъ Маріи (въ началѣ 3-го акта) изъ Ратклиффа ($^{12}/_{8}$ Ges-dur). Если-бъ это можно было устроить, то я былъ бы ужасно доволенъ. Что касается до моего плана на счетъ Requiem'a, то онъ не удался тѣмъ, что Патти согласилась пѣть только не Реквіемъ; и то хорошо, слѣдовательно будетъ деньга.—Антонъ Рубинштейнъ у меня былъ. Вчера на Концертѣ онъ восхитительно игралъ Сонату Бетховена (C-dur) и Шопеновскія піэсы. 1-й Концертъ его (съ Фантазіей) не понравился никому, и на 2-мъ было много меньше народу. Вообще онъ не произвелъ нынѣшній разъ того энтузіазма, который былъ въ прошломъ году.

Познакомился я съ Гиллеромъ. Кстати скажу вамъ, что онъ уже началъ хворать, и потому третьяго дня дирижировалъ еще Направникъ.

Крѣпко обнимаю васъ.

М. Балакиревъ.

Корсинькѣ лучше, и онъ начинаетъ уже понемногу писать.

Москва, Декабрь 1869 г.

Милый другъ!

Ник. Рубинштейнъ проситъ извѣстить васъ, что по независящимъ отъ него обстоятельствамъ концерта нельзя будетъ дать ранѣе 9-го числа; итакъ, выберите или этотъ день, или же 16-е число. Онъ будетъ играть въ вашемъ концертѣ, но дирижировать будетъ, по всей вѣроятности, Лаубъ; впрочемъ, объ этомъ обстоятельнѣе поговорите, когда пріѣдете.

Объ Арто нечего и думать; но если хотите, романсъ Маріи можетъ спѣть Александрова*).

Поздравляю васъ съ праздниками.

П. Чайковскій.

Москва, вѣроятно послѣднія числа Декабря 1869 г. **).

Милый другъ!

Во первыхъ поздравляю васъ съ новымъ годомъ, а во-вторыхъ по просьбѣ Рубинштейна увѣдомляю васъ, что концертъ уже объявленъ на 9-е число, а потому онъ проситъ васъ поскорѣе увѣдомить, когда васъ ожидать. „Сербскую фантазію“ и Увертюру на чешскія темы привезите съ собой,—ихъ у насъ нѣтъ.

Обнимаю васъ. П. Чайковскій.

---

*) Пѣвица Александра Доримедонтовна Соколова, дочь священника Михайловскаго дворца, по мужу Кочетова, по сценѣ Александрова, была профессоромъ Московской Консерваторіи по классу пѣнія. *Прим. С. Л.*

**) Въ подлинникѣ года и числа не выставлено. *Прим. С. Л.*

Москва, 23 Февраля 1870 г.

Давно уже о васъ нѣтъ никакихъ извѣстій, мой милый другъ, и мы начинаемъ немного безпокоиться насчетъ вашего благополучія.

Прежде всего, весьма интересно узнать, будете-ли вы у насъ, въ Москвѣ, или ваши дѣла заставляютъ васъ отложить эту поѣздку до будущаго сезона; это было-бы очень досадно; однако-же на всякій случай скажу вамъ, что у насъ осталось еще 3 концерта, которые должны быть даны на 2, 3, и 4 недѣлѣ. Рубинштейнъ проситъ вамъ передать, что онъ не находитъ никакой возможности побывать постомъ въ Петербургѣ, о чемъ очень желаетъ, чтобы вы сообщили Меньшиковой, которая просила его участвовать въ ея концертѣ.

Увертюру мою я послалъ вамъ уже давно и надѣюсь, что вы ее получили. Она пойдетъ наконецъ, въ слѣдующемъ концертѣ, и о томъ, какова она оказалась по инструментовкѣ, я вамъ отпишу очень подробно. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали *) ничего особенно интереснаго въ нашемъ музыкальномъ міркѣ не произошло; развѣ только то, что послѣдній концертъ (гдѣ шла „Елизавета“) **) до того утомилъ Рубинштейна, что онъ упалъ въ обморокъ и ужасно всѣхъ перепугалъ: впрочемъ болѣзнь его продолжалась не долѣе 3-хъ дней.

Я понемножку начинаю приниматься за 3-ю оперу на сюжетъ заимствованный изъ трагедіи Лажечникова: „Опричники“.

Про свое здоровье (которое, какъ вамъ не безъизвѣстно, очень слабо) скажу вамъ, что я сталъ невыносимо хандрить вслѣдствіе сильнаго разстройства нервъ. Отчего это происходитъ, не знаю,—но меня гнететъ невыразимая тоска; хотѣлось бы уѣхать куда-нибудь и запрятаться въ непроходимую глушь.

---

*) Концертъ подъ управленіемъ Балакирева въ Москвѣ не могъ состояться 9-го Января 1870 года, какъ былъ первоначально назначенъ, и былъ отложенъ до 16-го Января, а такъ какъ 15-го Января былъ въ С.-Петербургѣ назначенъ концертъ Безплатной Музыкальной Школы въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Комитета, которымъ Балакиревъ долженъ былъ дирижировать, то онъ не могъ оставаться въ Москвѣ, и концертъ 16-го Января прошелъ тамъ безъ него. Въ письмѣ П. И. Чайковскаго къ брату М. Чайковскому отъ 13-го Января 1870 г. (см. „Жизнь П. И. Чайковскаго т. I, стр. 337) говорится: „у насъ здѣсь гостили Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ. Мы, разумѣется, видѣлись каждый день. Балакиревъ все больше и больше начинаетъ меня обожать. Корсаковъ посвятилъ мнѣ очень хорошенькій романсъ, проданный Юргенсону („Гдѣ ты, тамъ мысль моя летаетъ“ С. Л.). Имъ обоимъ понравилась моя увертюра, которая и мнѣ тоже нравится“. *Прим. С. Л.*

**) „Св. Елизавета“, ораторія Ф. Листа. *Прим. С. Л.*

Юргенсонъ съ превеликимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашу корректуру; не знаю, какъ вамъ, а мнѣ показалось, что напечатано отлично.

Кланяйтесь отъ меня Корсинькѣ, Бородину и всѣмъ якоинцамъ.

П. Чайковскій.

Пишите, пожалуйста.

Петербургъ, 16 Марта 1870 г. *).
Дорогія Des-dur'ныя щечки!

Увертюра ваша получена мною давно и только болѣзнь помѣшала мнѣ отвѣтить вамъ тотчасъ же и разсказать, въ какомъ восхищеніи отъ вашего Des-dur'а всѣ, не исключая В. Стасова, который говоритъ: „васъ было пятеро, а теперь стало шесть". Начало и конецъ, сирѣчь альфа и омега, увертюры сильно порицаются, но я говорю, что это не подлежитъ критикѣ, такъ какъ должно быть передѣлано.

По пріѣздѣ изъ Москвы я принялся за обычныя свои хлопоты, въ особенности за Патти, все дѣло было улажено, какъ вдругъ Патти захворала, и я остался на бобахъ. Это на меня такъ сильно подѣйствовало, что я захворалъ.

Нервы до того разстроились, что я не только ничего головой не могъ работать, но даже не могъ писать писемъ.

Perlin. Hauptstadt . . . . . 9 Мая 1870.

Милый другъ!

Не стану извиняться въ долгомъ молчаніи. Вы конечно понимаете и увѣрены въ томъ, что, если я не писалъ къ вамъ, то было не до писанья. Нужно вамъ сказать, что концертъ съ Патти въ пользу школы не удался, потому что сія макарона изволила протухнуть не во время—сирѣчь захворать.

Это на меня подѣйствовало ужасно, и я самъ захворалъ.

Теперь я устраиваю общедоступный концертъ въ пользу школы во время выставки **). Рискую страшно и только надѣюсь на чествуемаго сегодня Миколу угодника.

Въ числѣ разныхъ піэсъ, назначенныхъ мною, въ концертѣ должны пойти и ваши „Танцы" (Tänze) изъ Воеводы, и потому

*) Это неоконченное письмо не было отправлено по назначенію и найдено въ бумагахъ М. А. Балакирева послѣ его смерти. *Прим. С. Л.*

**) Художественно-промышленная выставка въ Соляномъ городкѣ, устроенная Гартманомъ. *Прим. С. Л.*

прошу васъ распорядиться, чтобы съ Понедѣльника же копіистъ вашъ началъ расписывать дополнительныя партіи квартета, конечно на мой счетъ.

Составъ оркестра такой:

24 первыхъ скрипокъ	. . . . .	12 п.
24 вторыхъ „	. . . . .	12 „
16 альтовъ	. . . . .	8 „
12 віолончелей	. . . . .	6 „
12 контрабасовъ	. . . . .	6 „

и по 2 на каждую духовую партію.

Посмотрите, на сколько пульпитровъ имѣются у васъ партіи въ Музык. Обществѣ и нужное количество прикажите расписать.

Концертъ будетъ 24-го въ Воскресенье, репетиціи будутъ: 21-го и 23-го. Слѣдовательно надобно дѣло дѣлать поскорѣе.

Духовые добавлять не надо. Двое могутъ играть съ одной партіи.

Теперь вамъ скажу въ заключеніе, что присланная вами партитура Ромео постоянно разъигрывается при нашихъ сходбищахъ, и многое приводитъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Стасовъ (Влад.) въ необычайномъ восторгѣ и говоритъ, что теперь нашего полку прибавилось. На имѣющіяся прорѣхи смотрятъ снисходительно, имѣя въ виду, что увертюра еще передѣлается.

Кончивши концертъ *)—(самый ужасный изъ всѣхъ моихъ tours de force),—немедленно ѣду въ Іерихонъ, гдѣ тотчасъ же облобызаю ваши пухло-des-dur'ныя щечки. Кстати у васъ же христосуются до Вознесенья.

Днесь Іерихонъ разъигрываетъ свою полифоническую симфонію; (не знаю, по вкусу ли она Ляpошу?) Благолѣпный звонъ

---

*) Въ бумагахъ М. А. Балакирева сохранился проэктъ программы этого концерта. Онъ предполагался въ Михайловскомъ Манежѣ съ участіемъ хоровъ Безплатной Музыкальной Школы, Императорскихъ Театровъ, Измайловскаго, Финляндскаго и Павловскаго полковъ и оркестровъ Императорскихъ Театровъ и л.-гв. Сапернаго баталіона. Всѣхъ участвующихъ около 1000 человѣкъ. Программу составляли: 1) Увертюра „Леонора“ № 3 Бетховена, 2) Хоръ дѣтей и народа изъ оп. „Пророкъ“ Мейербера, 3) „Комаринская“ Глинки, 4) Встрѣча царя Ивана Грознаго изъ оп. „Псковитянка“ (хоръ) Римскаго-Корсакова, 5) Марокскій маршъ Мейера-Берліоза, 6) Увертюра на чешскія темы Балакирева, 7) Хоръ „Iudex crederis“ изъ „Te Deum“ Берліоза, 8) Танцы изъ оп. „Воевода“ Чайковскаго, 9) Хоръ волшебныхъ дѣвъ изъ оп. „Рогдана“ Даргомыжскаго и 10) Антрактъ 5-го дѣйствія и заключительный хоръ „Славься“ изъ оп. „Жизнь за Царя“ Глинки. Цѣна мѣстамъ отъ 5 р. до 25 к. *Прим. С. Л.*

оглашасть всѣ стогны и торжища, начиная съ Болвановки и кончая Живодеркой. Звонятъ и „Курьи ножки“, звонитъ и Микола болванскій, и всѣхъ ихъ покрываетъ густой ревъ Ивана Великаго....

Когда Рубинштейнъ поѣдетъ въ Кенигсбергъ, то скажите ему, чтобы не проѣзжалъ мимо и хоть бы далъ знать о своемъ пріѣздѣ. Мнѣ нужно его видѣть.

Непремѣнно увѣдомьте о полученіи сего письма, а то я буду думать, что письмо пропало, и партіи не распишутся.

Крѣпко обнимаю васъ.

М. Балакиревъ.

Москва, Май 1870 г.

Милый другъ!

Не пишу вамъ много, ибо 17 или 18 числа буду проѣздомъ въ Питерѣ; я ѣду на часть лѣта въ заграницу.

Порученіе ваше будетъ исполнено въ точности; очень, очень благодарю васъ за то, что вспомнили обо мнѣ; а ужъ что я желаю вамъ полнаго успѣха, въ этомъ вы не сомнѣваетесь.

Будьте здоровы и покойны; концертъ, я увѣренъ удастся *).

Итакъ до свиданья, голубчикъ. П. Чайковскій.

Телеграмма. 15-го Мая 1870 года.

Спб., Невскій проспектъ, д. Бенардки. № 64. Балакиреву.

Выѣзжаю Воскресенье привезу все, что требуете, и палочку Берліоза. **)

Чайковскій.

---

*) Дальнѣйшихъ упоминаній объ этомъ концертѣ въ перепискѣ нѣтъ. Въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“ находимъ письмо П. И-ча къ Н. Рубинштейну изъ Петербурга отъ 18 Мая 1870 г., гдѣ онъ сообщаетъ о затрудненіяхъ Балакирева: „встрѣтилось неожиданное препятствіе: разнесся слухъ, что потолокъ (въ манежѣ, гдѣ былъ назначенъ концертъ) ненадеженъ, и Треповъ (тогдашній градоначальникъ въ С.-Петербургѣ) не допускаетъ концерта, если потолокъ не будетъ приведенъ въ надлежащій порядокъ“. Далѣе П. И-чъ сообщаетъ, что вмѣсто общедоступнаго въ манежѣ, Балакиревъ думаетъ дать простой концертъ, проситъ Рубинштейна участвовать въ немъ и о согласіи телеграфировать. Но вѣроятно и это не состоялось, такъ какъ Рубинштейнъ долженъ былъ ѣхать въ Кенигсбергъ.

Прим. С. Л.

**) Телеграмма эта составляетъ дополненіе предыдущаго письма, и палочка Берліоза, т. е. та палочка, которую онъ со своею надписью подарилъ Балакиреву передъ отъѣздомъ изъ Россіи, очевидно возвращалась (см. раньше письмо Балакирева отъ 31 марта 1869 г.) изъ Москвы для общедоступнаго концерта 24 мая, который не состоялся. 24 Іюня 1870 г. Балакиревъ писалъ В. В. Стасову: „послѣднія неудачи съ общедоступнымъ концертомъ и происшедшая отъ того денежная крайность надломили меня до того, что я совсѣмъ падалъ духомъ“. *Прим. С. Л.*

Kurhaus A. C. Fischer-Dick, Bad Soden.

Соденъ $\frac{13}{1}$ Іюня 1870 г.

Милый другъ!

Я напуталъ въ исполненіи вашего порученія. Оказалось, что, такъ какъ вещи мои были адресованы прямо въ Парижъ, то я не могъ остаться ни единаго дня въ Берлинѣ. Думалъ въ антрактѣ между пріѣздомъ и отъѣздомъ найти возможность забѣжать къ Таузигу, но и этого не могъ сдѣлать, такъ какъ антрактъ былъ весьма кратокъ, и я едва имѣлъ время переѣхать съ одного вокзала на другой. Пишу отсюда къ Таузигу съ объясненіемъ, почему я не могъ передать лично ваше письмо. *).

Я только-что пріѣхалъ въ мѣстечко Соденъ. Здѣсь очень грустно: много больныхъ, и мѣстность мрачная. Впрочемъ, буду много заниматься и отдыхать отъ зимнихъ утомленій и нравственныхъ потрясеній.

Черезъ нѣсколько времени напишу вамъ обстоятельнѣе, а покамѣстъ крѣпко васъ обнимаю.

П. Чайковскій.

Адресъ: Soden (Nassau) neben Frankfurt am Maïn.

Не берите у Альбрехта партитуры моего хора **): я хочу среднюю часть совершенно передѣлать.

Москва, 6 Сентября 1870 г.

Не заставъ васъ въ Питерѣ, дорогой и милый другъ, я лелѣялъ себя надеждой повидаться съ вами въ Москвѣ и очень огорчился, узнавъ, что вы послѣдній городъ миновали. Путешествіе мое затянулось неожиданно вслѣдствіе отчасти войны, а отчасти того обстоятельства, что докторъ посовѣтовалъ мнѣ для успокоенія нервъ прожить 6 недѣль въ Интерлакенѣ. Вотъ отчего я не могъ, какъ думалъ, въ Іюлѣ вернуться въ Москву.

Въ музыкальномъ отношеніи путешествіе мое не принесло мнѣ никакихъ новыхъ ощущеній; самое интересное изо-всего, что я слышалъ—это фестиваль въ Мангеймѣ по случаю годовщины

*) Карлъ Таузигъ незадолго передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ далъ три концерта, 4, 11 и 18 марта 1870 г. Въ первомъ изъ нихъ участвовалъ Балакиревъ въ качествѣ дирижера, исполнивъ ув. „Морская тишь“ Мендельсона и аккомпанируя Таузигу 5-й концертъ Бетховена. Въ чемъ состояло письмо Балакирева къ нему, установить не удалось, такъ какъ не найдено ни черновика его, ни отвѣта Таузига. *Прим С. Л.*

**) Очевидно, „Хоръ насѣкомыхъ“, о которомъ упоминается въ послѣдующихъ письмахъ. *Прим. С. Л.*

Бетховена (за недѣлю до войны). Въ первый разъ услышалъ я на этомъ праздникѣ Миссу solemnis въ превосходномъ исполненіи (дирижировалъ Лахнеръ).

За то я много наслаждался природой въ Швейцаріи, много ходилъ пѣшкомъ по горамъ вслѣдствіе чего нѣсколько похудѣлъ. Почти ничего не дѣлалъ, но согласно данному обѣщанію передѣлалъ увертюру *), хотя по неимѣнію въ Швейцаріи партитурной бумаги (безъ шутокъ) не могъ оркестровать передѣланныя мѣста. Я занимаюсь этимъ теперь и черезъ дня три буду готовъ; затѣмъ отдамъ переписать какъ партитуру, такъ и партіи, а недѣли черезъ три увертюра будетъ у васъ.

Не знаю, будете ли вы довольны, но я рѣшительно не въ состояніи сдѣлать лучше. Конецъ мнѣ кажется теперь сталъ приличенъ; интродукція новая; средняя часть почти новая, а вторичное прохожденіе второй темы (въ D dur) совершенно переоркестровано.

Рубинштейнъ проситъ передать вамъ, что онъ напишетъ вамъ на-дняхъ.

Пожалуйста, когда будутъ готовы ваши афиши, пришлите мнѣ одну.

Обнимаю васъ и прошу кланяться Корсинькѣ и всей компаніи.

П. Чайковскій.

Москва, 25 Сентября 1870 г.

Милый мой другъ!

Партитура моя, переписанная начисто будетъ вамъ въ скоромъ времени прислана. Затѣмъ я отдамъ ее росписать на партіи, а вы потрудитесь мнѣ дать знать, къ какому времени это должно быть готово. Нашъ копіистъ очень занятъ, и если нужно къ спѣху, то отдамъ переписать въ театральную контору. Если будетъ возможность, мнѣ страхъ-бы хотѣлось съѣздить въ Питеръ дня на 3 и пригнать мой пріѣздъ ко времени исполненія увертюры. Нельзя-ли прислать мнѣ, какъ вы въ прошломъ году сдѣлали, афиши съ программой всѣхъ пяти концертовъ.

Лобызаю васъ отъ всего сердца!

П. Чайковскій.

Отвѣчайте поскорѣе.

---

*) Хотя П. И. Чайковскій не любилъ передѣлывать свои оконченныя сочиненія, но въ настоящемъ случаѣ, очевидно, послѣдовалъ совѣту М. А. Балакирева измѣнить интродукцію и сдѣлать сообразно съ этимъ передѣлки въ разработкѣ и въ концѣ. Въ новой редакціи онъ замѣнилъ E—dur'ную тему интродукціи другою, въ fis-moll, которую и ввелъ въ разработкѣ увертюры. *Прим. С. Л.*

С.-Петербургъ, 19 Октября 1870 г.
Дорогой другъ!

Что значитъ, что до сихъ поръ вы не только письма не пишете, но даже и не присылаете „Ромео“? Если вы такъ заняты, то, не пиша ни строки, просто пришлите мнѣ „Ромео“ партитуру. Голоса я самъ распишу. Всѣ мы нетерпѣливо ждемъ давно уже вашей партитуры и сгораемъ нетерпѣніемъ узнать ее въ новомъ перекрещенномъ видѣ. Въ особенности жаждутъ ее Корсинька и Надежда Пургольдъ *).

Скорѣе присылайте. Еще программа моя не выпущена въ силу нѣкоторыхъ затрудненій, которыя, надѣюсь, скоро уладятся.

Здѣсь я видался съ Антономъ Рубинштейномъ, съ которымъ мы начинаемъ не только говорить, но и вступать въ споръ. Онъ добрый малый и симпатичный, но все-таки я о немъ прежняго мнѣнія.

Если вы не окончательно облѣнились, то сообщите, въ силу какихъ причинъ случилась вдругъ такая перемѣна ко мнѣ со стороны вашего Николая Рубинштейна? Онъ меня просто поразилъ своимъ отказомъ участвовать въ моихъ концертахъ **). Неужели это высокая покровительница — преславная Евтерпа, достойно воспѣтая Мусоргскимъ?

Крѣпко обнимаю васъ.

М. Балакиревъ.

Москва, конецъ Октября или начало Ноября 1870 г. ***).

Вы должно быть не получили, мой милый другъ, письма, писаннаго мною недѣли двѣ тому назадъ, на которое отвѣта я не получилъ, хотя и ждалъ нетерпѣливо.

Что увертюру до сихъ поръ вамъ не посылаю, это меня очень мучаетъ, но я не виноватъ: Цейнеръ (нашъ копіистъ) все наду-

*) Надежда Николаевна Пургольдъ, впослѣдствіи жена Н. А. Римскаго-Корсакова. *Прим. С. Л.*

**) Увѣдомляя, что обстоятельства не позволяютъ ему пріѣхать въ Петербургъ для участія въ одномъ изъ концертовъ Безплатной Школы, Н. Г. Рубинштейнъ писалъ Балакиреву: „повѣрьте, что только самыя обдуманныя соображенія могли меня заставить такъ поступить. Зная ваше личное расположеніе ко мнѣ, я надѣюсь, что вы не будете сердиться на меня и сами не пожелаете для общей пользы, чтобы я черезъ неосторожность компрометтировалъ бы положеніе Московской консерваторіи... Братъ мой живетъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ; я надѣюсь, что онъ вамъ не откажетъ замѣнить меня, чѣмъ выиграютъ сами концерты и публика“. *Прим. С. Л.*

***) Въ подлинномъ письмѣ года и числа не выставлено. *Прим. С. Л.*

валъ меня; онъ очень занятъ расписываніемъ на голоса разныхъ вещей для Музыкальнаго Общества. Но онъ далъ мнѣ честное слово принести ее завтра; само собою разумѣется, что какъ только будетъ готово — пришлю. Во всякомъ случаѣ это должно быть очень скоро.

Боюсь, что будете недовольны, но пожалуйста исполняйте во всякомъ случаѣ.

Вы желали, чтобы интродукція была вродѣ Листовскаго религіознаго мѣста изъ „Фауста“. Этого не вышло: я хотѣлъ въ интродукціи выразить одинокую, стремящуюся мысленно къ небу душу; удалось-ли—не знаю.

Конецъ, быть можетъ, и не вполнѣ отвѣчаетъ вашимъ требованіямъ, но во всякомъ случаѣ лучше прежняго. Дай-то Богъ, чтобы вы были довольны!

Пишу къ вамъ наскоро, между двумя лекціями.

Съ Антономъ еще не видался. Съ Николаемъ поговорю подробно и отпишу на-дняхъ. Я самъ ничего не понимаю *).

Будьте здоровы и передайте нѣжное привѣтствіе всѣмъ вообще, а Корсинькѣ въ особенности.

П. Чайковскій.

Москва, 10 Января 1871 г.

Мой милый другъ!

Какъ то вы поживаете и помните ли еще о моемъ существованіи. Имѣю честь доложить вамъ, что по прежнему произрастаю въ Москвѣ подъ тѣнью Ивана Великаго, пожираю поросенка съ кашей у Гурина, пью по 9 разъ въ день чай, учитываюсь „Московскими Вѣдомостями“ и веду себя однимъ словомъ какъ подобаетъ порядочному москвичу.

По музыкальной части могу вамъ сообщить, слѣдующія болѣе или менѣе интересныя извѣстія.

---

*) Вѣроятно послѣ разговора съ П. И. Чайковскимъ и свиданія А. Г. Рубинштейна съ Балакиревымъ (о чемъ упоминается въ предыдущемъ письмѣ), Н. Г. Рубинштейнъ писалъ еще разъ Балакиреву: „Братъ меня весьма удивилъ, сказавши, что вы еще не имѣли вѣрныхъ извѣстій о моемъ отказѣ участвовать въ вашихъ концертахъ, тогда какъ я уже болѣе 3 недѣль вамъ писалъ о томъ. Пожалуйста не сердитесь на меня; я надѣюсь, что въ скоромъ времени найду случай доказать вамъ, что настоящій отказъ имѣетъ основаніе не въ личномъ моемъ взглядѣ на дѣло, а въ оффиціальныхъ обстоятельствахъ, отъ меня не зависящихъ; предполагаю, что вы понимаете, о чемъ идетъ рѣчь и останетесь со мною всегда въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ мы до сихъ поръ были“. *Прим. С. Л.*

1) Концерты наши по прежнему привлекаютъ большую массу публики, но, говоря по правдѣ, не отличаются особенно интересными программами. „Садко“ имѣлъ большой успѣхъ *); мой хоръ насѣкомыхъ—никакого **); исполненъ послѣдній былъ скверно, хотя оркестръ игралъ отлично. Въ послѣднемъ концертѣ шелъ „Донъ-Кихотъ“ ***). Я нахожу эту вещь очень интересной и ловко сдѣланной, хотя по эпизодичности своей она нѣсколько смахиваетъ на балетную, пантомимную музыку. Оркестрована лучше обыкновеннаго и мѣстами очень эффектно. Конецъ (кажется претендующій быть пародіей на Листа)—растянутъ. Любовная тема довольно банальна; тема, рисующая самое странствованіе рыцаря—мнѣ нравится. Эпизодъ съ вѣтряными мельницами—превосходенъ. Въ концѣ концовъ полагаю, что это одно изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе тщательно отдѣланныхъ сочиненій Рубинштейна. Въ будущемъ концертѣ пойдетъ „1000 лѣтъ“ ****), чему я отъ души радуюсь.

2) У насъ появился здѣсь вывезенный Рубинштейномъ изъ Германіи очень талантливый юноша-піанистъ Іозефи. Къ сожалѣнію онъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ . . . . . въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. Теперь онъ въ Питерѣ, гдѣ, разумѣется, выдаетъ себя за жертву Рубинштейновскаго деспотизма. Кстати видѣлись-ли вы съ нимъ?

3) . . . . . но впрочемъ рѣшительно интереснаго ничего не произошло, развѣ только, что пѣвецъ Славянскій *****) въ здѣшнемъ городѣ принимается въ сурьезъ и дѣлаетъ концерты съ неслыханными сборами и восторгами.

Отчего не слышу ничего о вашихъ концертахъ? Будутъ-ли они и когда? Мнѣ такъ хочется слышать мою увертюру подъ вашимъ управленіемъ, что я во что-бы то ни стало пріѣду—хотя-бы на одинъ день; разумѣется поѣздка эта останется тайной между

---

*) Въ концертѣ Московск. отд. И. Р. М. О. 11 Декабря 1870 г. *Прим. С. Л.*

**) Въ концертѣ Моск. отд. И. Р. М. О. 18 Декабря 1870 г. Въ программѣ онъ названъ „Хоръ Эльфовъ“. *Прим. С. Л.*

***) Муз. картина А. Рубинштейна, исп. въ концертѣ Москов. отд. И. Р. М. О. 8 Января 1871 г. *Прим. С. Л.*

****) Симфоническая поэма М. Балакирева, передѣланная и переименованная впослѣдствіи въ „Русь“. Была исполнена въ Москвѣ въ 1-й разъ въ концертѣ И. Р. М. О. 15 Января 1871 года. *Прим. С. Л.*

*****) Извѣстный пѣвецъ Агреневъ-Славянскій, разъѣзжавшій со своимъ хоромъ и исполнявшій русскія пѣсни. *Прим. С. Л.*

вами и мной, ибо оно въ сущности смѣшно: тащиться для своей вещи за 600 верстъ!

Пожалуйста, голубчикъ, отпишите, если найдете свободный часокъ. Лобызаю васъ по случаю новаго года и есмь преданный вамъ

П. Чайковскій.

Корсакову кланяюсь отъ души.

С.-Петербургъ, 22 Января 1871 г.

Милый другъ.

Извините, что до сихъ поръ я не отвѣчалъ вамъ на милое ваше письмецо. Увертюра ваша покуда перекладывается въ 4 руки извѣстною вамъ Надеждой Николаевной Пургольдъ, которая сдѣлаетъ отличный арранжементъ. Жаль только, что въ ея работѣ ей помѣшала болѣзнь, а потомъ и смерть ея матери, вслѣдствіе чего партитура долго лежала у нея въ бездѣйствіи. Теперь она уже работаетъ. Интродукцію нѣсколько сдѣлалъ я самъ.—Концерты мои будутъ не иначе, какъ въ посту, *) такъ какъ я только теперь могъ найти помѣщеніе для школы, а до Января я былъ въ невозможности производить классы и спѣвки. Конечно, увертюра ваша будетъ исполнена. Интродукціей **) я очень доволенъ, но конецъ мнѣ совсѣмъ не нравится, писать подробно объ этомъ невозможно. Самое лучшее, если-бъ вы пріѣхали сюда, тогда лучше было-бы переговорить на свободѣ. Въ средней части у васъ сдѣлано кое-что новое—и х о р о ш о сдѣлано, въ особенности чередующіеся аккорды на педали вверху, à la Русланъ немножко. Въ концѣ-же много рутины и все изложеніе по окончаніи 2-й темы (D-dur) какъ бы вытянуто изъ головы.

Самый конецъ недуренъ, но къ чему эти внезапные удары аккордовъ самыхъ послѣднихъ тактовъ. Это противно смыслу драмы, равно какъ и не изящно.

Надежда Николаевна зачеркнула эти такты своими прелестными ручками и въ арранжементѣ хочетъ кончить *pp*. Не знаю, будете-ли вы на это согласны? ***). Я все думалъ, не пріѣдете-ли

---

*) Въ этомъ сезонѣ концерты Безплатной Музыкальной Школы не состоялись. *Прим. С. Л.*

**) Отсюда до словъ: „не знаю, будете-ли вы на это согласны“ часть письма помѣщена въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“. *Прим. С. Л.*

***) Аккорды эти сохранились и въ послѣдней передѣлкѣ увертюры въ 1881 году. *Прим. С. Л.*

вы на праздники. Извѣстная вамъ Сивилла *) предсказываетъ вамъ что-то нехорошее, если вы не побываете здѣсь.

Кланяйтесь Николаю Рубинштейну и Кашкину.

Крѣпко васъ обнимаю.

Вашъ М. Балакиревъ.

Москва, 15 Мая 1871 г.

Милый другъ!

Если дѣйствительно существуетъ публикація о скоромъ выходѣ въ свѣтъ клавираусцуга моей увертюры, то значитъ Bote и Bock уже его имѣютъ, т. е. поручили его сдѣлать какому-нибудь нѣмцу; но я сомнѣваюсь, чтобъ эта публикація существовала. Какъ бы то ни было, а за переложеніе г-жи Пургольдъ я весьма благодаренъ и вполнѣ убѣжденъ, что оно отлично. Прошу васъ немедленно переслать мнѣ его для отсылки заграницу. Поправлять я его разумѣется не стану и напишу Bock'у, чтобы выставилъ имя г-жи Пургольдъ.

По поводу моей увертюры скажу вамъ, что я въ величайшемъ горѣ. Дѣло въ томъ, что Рубинштейнъ отвезъ копію съ моей партитуры, на которой заглавія вовсе не было, а такъ какъ я объ этомъ обстоятельствѣ ничего не зналъ, и вообще напечатаніе моей увертюры совершилось помимо моего непосредственнаго участія, то заглавіе составлено самимъ издателемъ, и посвященіе вамъ не выставлено. Я знаю, что вы отъ этого ничего не теряете,—но вы можете усмотрѣть въ этомъ проявленіи моей разсѣянности и безалаберности—недостатокъ вниманія къ вамъ, а это было-бы мнѣ тѣмъ болѣе непріятно, что моя увертюра есть столь же мое дѣтище, сколько и ваше. Вы дали мнѣ мысль, и вашему поощренію она обязана своимъ существованіемъ. Во всякомъ случаѣ, какъ только получу, вышлю вамъ экземпляръ. При напечатаніи клавираусцуга г-жи Пургольдъ разумѣется ошибка моя будетъ нѣсколько исправлена.

Будьте здоровы, голубчикъ, и при свиданіи съ г-жей Пургольдъ поблагодарите ее за меня.

Постарайтесь выслать переложеніе до 25 числа, ибо иначе оно меня не застанетъ; если-же этого сдѣлать нельзя, то посылайте на имя Юргенсона, которому будетъ объяснено, въ чемъ дѣло.

Преданный вамъ

П. Чайковскій.

*) Кто именно, остается невыясненнымъ. *Прим. Л. С.*

С.-Петербургъ, 19 Мая 1871 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Во 1-хъ успокойтесь насчетъ меня: я конечно весьма сожалѣю, что имя мое не попало на заглавный листъ вашей увертюры, но нисколько не сердить на васъ будучи увѣренъ, что это произошло помимо васъ.

Что касается до присылки арранжировки къ 25-му Мая, то едва-ли это возможно, такъ какъ я самъ долженъ буду просмотрѣть ее (вы пишете, что не будете просматривать) и кромѣ того нужно переписать, чтобы за отсылкой къ вамъ у насъ все-таки оставался экземпляръ, а потому очень прошу васъ распорядиться поаккуратнѣе, чтобы въ отсутствіе ваше арранжировка увертюры была отправлена, куда слѣдуетъ, или, что еще лучше, пришлите мнѣ письмо, съ которымъ я могъ бы препроводить ее къ Боте и Боку въ Берлинъ, а еще лучше, если Юргенсонъ напечатаетъ ее.

Мнѣ жаль *), что вы, или лучше—Рубинштейнъ, поторопились печатаніемъ увертюры. Хотя интродукція новая много лучше, однако у меня было сильное желанье, чтобы вы еще кое что передѣлали въ увертюрѣ, и не махали на нее рукой въ надеждѣ на другія—будущія—сочиненія. Впрочемъ надѣюсь, что Юргенсонъ не откажется напечатать вновь и партитуру передѣланной и окончательно исправленной увертюры **). Еще ужаснѣе, если Рубинштейнъ отдалъ для напечатанія первоначальный экземпляръ партитуры съ интродукціей въ E-dur. Тогда ужъ лучше остановить выпускъ въ свѣтъ, если только это не поздно.

Отвѣтьте мнѣ на мои сомнѣнія а также увѣдомьте, куда вы выѣзжаете 25-го, и будете-ли здѣсь въ Питерѣ?—и о томъ, какъ мнѣ поступать съ арранжировкой?

Жду вашего отвѣта.

Весь вашъ

М. Балакиревъ.

---

*) Отсюда до словъ: „окончательно исправленной увертюры“ часть письма помѣщена въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“. *Прим. С. Л.*

*) Какъ увидимъ далѣе, это случилось спустя десять лѣтъ. *Прим. С. Л.*

Москва, 29 Мая 1871 г.

Добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Сегодня уѣзжаю на все лѣто въ Кіевскую губернію къ сестрѣ; въ Петербургѣ врядъ-ли скоро буду, и очень грущу, что такъ долго васъ не видалъ и не увижу.

Рубинштейнъ прошлымъ лѣтомъ проѣздомъ черезъ Берлинъ отдалъ Боте и Боку мою увертюру въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. съ интродукціей въ E-dur. Въ началѣ осени я уже получилъ корректуру, но такъ какъ въ это время у меня уже были сдѣланы извѣстныя вамъ поправки, то я написалъ издателю, что не согласенъ на выходъ въ свѣтъ увертюры, если онъ не перепечатаетъ ее вновь; онъ согласился на мое требованіе безъ всякихъ затрудненій; я переслалъ ему исправленныя мѣста, и теперь партитура вышла въ томъ видѣ, въ какомъ она имѣется у васъ.

Очень радъ, что вы берете на себя трудъ пересмотрѣть арранжировку; потрудитесь переслать ее къ Юргенсону, который отправитъ и переложеніе г-жи Пургольдъ и превосходную арранжировку на 2 фортепьяно въ четыре руки, которую недавно сдѣлалъ Клиндвортъ *). Я бы съ удовольствіемъ передѣлалъ еще что-нибудь, но во 1) послѣ всѣхъ арранжировокъ и напечатанія увертюры оно было-бы излишне, а во 2) право, не хватаетъ на это силъ. Я теперь всей душой предался сочиненію оперы „Опричникъ“ и не въ состояніи былъ-бы отвлечь себя отъ этой работы для произведенія, которое я уже привыкъ считать конченнымъ.

Прощайте, милый другъ; что-то вы подѣлываете, какіе у васъ планы, что вы пишете и располагаете-ли давать концерты въ будущемъ сезонѣ?

Вотъ вамъ на всякій случай мой адресъ: Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда, въ мѣстечко Смѣлу, а оттуда въ Каменку.

П. Чайковскій.

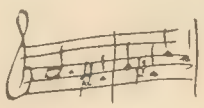
---

*) Карлъ Клиндвортъ, ученикъ Листа, состоявшій въ то время профессоромъ кл. фортепьяно въ Московской Консерваторіи. *Прим. С. Л.*

С.-Петербургъ, 29-е Сентября 1871 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Въ нынѣшній сезонъ у меня будетъ 5 концертовъ, и я очень желаю исполнить вашъ хоръ (D dur) *).



Увертюру „Ромео“ желаетъ исполнять музыкальное общество, и я не желалъ бы у нихъ перебивать.

Пожалуйста, пришлите мнѣ поскорѣе партитуру, голоса оркестровые и хоровые, и clavierauszug для разучиванья.

Сдѣлайте все сіе поскорѣе, чѣмъ премного меня обяжете.

Душевно любящій васъ

М. Балакиревъ.

Москва, 8 Октября 1871 г.

Милый другъ!

Надѣюсь, что Юргенсонъ (Осипъ Ивановичъ) давно уже передалъ вамъ мою партитуру съ партіями и клавираусцугомъ **). Послѣдній сдѣланъ кое-какъ, но я полагаю, что для сопровожденія хора на спѣвкахъ достаточенъ.

Очень радъ буду, если хоръ этотъ у васъ пойдетъ; если встрѣтите затрудненіе въ хорѣ мальчиковъ, то не найдете-ли возможнымъ замѣнить ихъ двумя солистками. Я со своей стороны не встрѣчаю въ томъ препятствія.

Очень жалѣю, что „Ромео“ пойдетъ не у васъ; я убѣжденъ, что Направникъ многое перевретъ. Нельзя-ли, чтобы вы или Корсаковъ на репетиціи указали ему темпо, которое я, къ сожалѣнію не метрономизировалъ. Я бы вамъ былъ за то безконечно благодаренъ.

Обнимаю васъ отъ души,

П. Чайковскій.

---

*) Уже упомянавшійся ранѣе „Хоръ насѣкомыхъ“. Къ сожалѣнію, рукопись партитуры этого хора не сохранилась. *Прим. С. Л.*

**) „Хора насѣкомыхъ“ П. Чайковскаго. *Прим. С. Л.*

Торопите Бородина кончить его превосходную симфонію *), а Кюи при случаѣ поклонитесь и поблагодарите за теплый отзывъ.

С.-Петербургъ, Октябрь 1871 г.

Дорогой другъ!

Спасибо вамъ за ноты, которыя я вчера взялъ у Юргенсона, получивши ваше письмо. Вчера прямо отъ Юргенсона я понесъ ноты въ школу, и вчера же хоръ вашъ уже и разучивался. Мнѣ **) онъ весьма и очень нравится за исключеніемъ Es-dur'ной части съ тривіальной мелодіей; надѣюсь, впрочемъ, что аккомпаниментъ съ педалью Es поубавитъ въ этой мелодіи банальный характеръ. Хоръ по формѣ и по нѣкоторымъ пріемамъ вѣетъ характеромъ женскаго хора Даргомыжскаго (D dur) и по постояннымъ секундамъ соприкасается съ Бородинымъ.

Я надѣюсь, что хоръ произведетъ большой эффектъ, и постараюсь разучить его, какъ можно лучше.

По поводу этого хора мнѣ пришла слѣдующая мысль: жаль, если этотъ хоръ останется особнякомъ и только отдѣльнымъ хоромъ. Въ оперу онъ не годится. Онъ слишкомъ лирическій, и на сценѣ больше смотрѣли бы на декораціи, чѣмъ слушали бы хоръ а я придумалъ вотъ что: напишите-ка вы кантату подъ названіемъ „Ночь“ и включите туда еще нѣсколько хоровъ, тоже фантастическихъ: пусть у васъ будетъ водяной хоръ русалокъ, лѣсной хоръ лѣшихъ, арія Ночи въ родѣ „Oh belle nuit“ изъ „Пустыни“ Фелисьена Давида, которую я очень люблю, несмотря на то, что это сочиненіе дѣтское. Въ немъ много теплоты и поэтичности, благодаря изящному восточному характеру, который онъ уловилъ, насколько могъ.

Пусть тамъ будетъ инструментальное Scherzo, вродѣ Царицы Мабъ, изображающее жужжанье мошекъ, бабочекъ, ихъ ночное шмыганье; кое-гдѣ сидитъ страшная сова и готова ихъ съѣсть (элементъ ужаса); журчанье ручья, свѣтящіеся червячки, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Кантата не должна имѣть опредѣленнаго сюжета, а пусть будетъ лирическая и описательная, за то она и будетъ

---

*) 2-ю симфонію H-moll, оконченную въ 1876 году. *Прим. С. Л.*

**) Отсюда до словъ „какъ можно лучше“ часть этого письма напечатана въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“. *Прим. С. Л.*

кантата, а не опера, и пусть кончается прощальнымъ хоромъ духовъ. Духи съ наступленіемъ зари удаляются, прощаясь другъ съ другомъ до слѣдующей ночи (постепенное diminuendo). Наконецъ, оркестръ solo изображаетъ зарю, далѣе идетъ все crescendo, все свѣтлѣе и свѣтлѣе, наконецъ послѣдніе аккорды оркестра изображаютъ восходящее солнце, чѣмъ и кончается все. Кантатѣ пусть предшествуетъ небольшой Vorspiel оркестровый. Во всемъ сочиненіи необходимо соблюсти характеръ фантастическій; если бы вы заблагоразсудили придать еще характеръ русскій или восточный, то это прибавило бы прелести; въ особенности восточный характеръ еще лучше русскаго подходитъ къ фантастическому по своей граціозности и тонкости *). Только если вы рѣшитесь сочинять, то не торопитесь и не смотрите на сочиненіе, какъ на урокъ, который вы къ сроку должны приготовить, а пускай у васъ все будетъ обдумано и вдохновенно.

Для упражненія можете писать, что-нибудь другое.

Что вы скажете мнѣ объ этомъ?

Теперь поговоримте о другихъ дѣлахъ: порученіе, которое вы мнѣ даете...

(Конецъ этого письма М. А. Балакирева не сохранился).

Прим. С. Л.

Москва, 22 Октября 1871 г.

Мой милый другъ!

Ваша мысль о кантатѣ „Ночь“ мнѣ очень нравится, и конечно я воспользуюсь ею, хотя и не въ ближайшемъ будущемъ. Въ настоящее время я въ немногіе свободные часы занимаюсь оперой „Опричникъ“, которую мнѣ весьма хочется окончить въ теченіе нынѣшней зимы. Полагаю, что эта несчастная опера потерпитъ участь моей „Ундины“, но тѣмъ не менѣе хочу ее докончить, ибо до тѣхъ поръ я не въ состояніи съ любовію приняться за другое сочиненіе. Трудно мнѣ будетъ достать поэта для „Ночи“, такъ какъ написавшій мнѣ „Хоръ насѣкомыхъ“ въ Москвѣ не находится, но я этимъ озабочусь и кое съ кѣмъ переговорю.

Будьте добры, напишите мнѣ при случаѣ программу всѣхъ вашихъ концертовъ, она меня крайне интересуетъ. Мнѣ бы хо-

*) Русскій характеръ можетъ пригодиться тамъ, гдѣ требуется элементъ силы, напр., хоръ лѣшихъ. *(Прим. М. Балакирева).*

тѣлось также знать, въ какое время будетъ данъ концертъ съ моимъ хоромъ; кто знаетъ, можетъ быть мнѣ бы удалось махнуть въ Питеръ?

Здѣсь былъ Корсаковъ, котораго я, къ сожалѣнію, не видалъ.

Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что я уже не живу съ Рубинштейномъ и квартирую совершенно самостоятельно на Спиридоновкѣ въ домѣ Лебедева. Во многихъ отношеніяхъ это оказалось гораздо удобнѣе и пріятнѣе, хотя и дороже. Письма ваши потрудитесь адресовать въ Консерваторію (это вѣрнѣе): Никитская, въ домѣ кн. Воронцова.

Затѣмъ прощайте, милый другъ, отъ души желаю вамъ успѣха.

П. Чайковскій.

Касательно средней части моего хорика я нахожу, что вы совершенно правы, говоря, что педаль на Es значительно скрываетъ ея пошлый характеръ. Даже нещадный гонитель всего обыкновеннаго и пошлаго—Альбрехтъ, въ прошломъ году сначала на меня взъѣвшійся за итальянскую мелодію и терціи, потомъ успокоился и даже похвалилъ.

Кланяйтесь Корсакову, Бородину и Кюи.

С.-Петербургъ, 3 Ноября 1871 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Посылаю вамъ программу всѣхъ 5 концертовъ и весьма радуюсь, что вы намѣреваетесь пожаловать сюда на исполненіе вашего хора. Второй концертъ, въ которомъ помѣщенъ хоръ вашъ, состоится не ранѣе Субботы 18-го Декабря, и я васъ заранѣе предувѣдомлю, когда время его будетъ опредѣлено окончательно. *).

*) Концертъ Безплатной Музыкальной Школы, въ которомъ исполнялся „Хоръ насѣкомыхъ“ П. Чайковскаго, состоялся именно въ указанное число 18-го Декабря 1871 года. Кромѣ того были исполнены: ув. „Римскій Карнавалъ“ Берліоза и Симфонія „Антаръ“ Н. Римскаго Корсакова. Солистомъ былъ Г. Кроссъ, исполнившій симфоническій концертъ d-moll Литольфа. *Прим. С. Л.*

Радуюсь, что вы не прочь и отъ кантаты „Ночь“, боюсь только, чтобы не вышло изъ этой кантаты скороспѣлки.

Передайте поклонъ мой Кашкину и Юргенсону.

Душевно вашъ

М. Балакиревъ.

Всѣ наши будутъ очень рады вашему пріѣзду. *).

Каменка **), 1-го Сентября 1881 г.

Многоуважаемый Милій Алексѣевичъ!

Еще весной я сдѣлалъ корректуру моей увертюры „Ромео и Юлія“, напечатанной Бокомъ въ новомъ изданіи и въ нѣсколько исправленномъ видѣ. Я просилъ его послать вамъ одинъ экземпляръ. Получили-ли вы его? Меня всегда немножко терзало то обстоятельство, что въ первомъ изданіи вслѣдствіе недосмотра не было на заглавномъ листѣ посвященія вамъ. Теперь оно есть или по крайней мѣрѣ—должно быть. Я совершенно убѣжденъ, что вы вполнѣ равнодушны къ этому посвященію, но я придаю ему значеніе. Мнѣ хочется, чтобы вы знали, что я не забылъ, кто виновникъ появленія на свѣтъ этой партитуры, что я живо помню ваше тогдашнее дружеское участіе, которое, надѣюсь, и теперь еще не вполнѣ угасло. Думаю, что вы одобрите сдѣланное мной сокращеніе.

Искренно васъ уважающій и любящій

П. Чайковскій.

---

*) Здѣсь прерывается на 10 лѣтъ переписка между М. А. Балакиревымъ и П. И. Чайковскимъ, чему объясненіемъ можетъ служить только послѣдовавшее вслѣдъ за окончаніемъ этого сезона продолжительное удаленіе М. А. Балакирева отъ музыкальной дѣятельности и сношеній съ прежними музыкальными друзьями и знакомыми, какъ слѣдствіе постигшихъ его неудачъ и совершившейся въ немъ перемѣны религіозныхъ убѣжденій. *Прим. С. Л.*

**) Письмо это адресовано въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, противъ Аничкова Дворца, музыкальный магазинъ Бесселя, Василію Васильевичу Бесселю, для передачи М. А. Балакиреву. Годовой промежутокъ между этимъ письмомъ и отвѣтомъ на него Балакирева явился, вѣроятно, слѣдствіемъ несвоевременной доставки письма по назначенію. *Прим. С. Л.*

С.-Петербургъ, Коломенская улица, д. 7, кв. 7.
28-го Сентября 1882 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Ваше любзное письмо и посвященіе, сдѣланное мнѣ, доказывають, что вы не совсѣмъ меня вычеркнули изъ памяти вашего сердца; и если это такъ, то отчего бы вамъ не доставить мнѣ удовольствія—побывать у меня? —Я былъ бы радъ повидаться съ вами, и имѣю сообщить вамъ программу симфоніи, которая бы у васъ вышла превосходно.

Надобно вамъ сказать, что я за послѣднее время посматривалъ ваши партитуры и, разумѣется, радовался, видя вашъ талантъ развернувшимся и окрѣпшимъ.—Апогей вашъ—это двѣ ваши симфоническія поэмы—„Буря“ и „Francesca da Rimini“, въ особенности послѣдняя. Зачѣмъ только вы ихъ ни къ селу, ни къ городу назвали фантазіями? Развѣ только потому, что у всякаго барона своя фантазія.

Мнѣ кажется, что въ сюжетѣ, приготовленномъ для васъ, вы окажетесь никакъ не ниже поименованныхъ вашихъ пьесъ, такъ какъ надѣюсь, что хорошо разумѣю сильныя стороны вашего таланта.

Въ самомъ дѣлѣ отчего бы намъ не видаться? У меня никого не найдете лишнихъ, кромѣ извѣстной вамъ компаніи съ добавленіемъ новаго ея члена, талантливаго Глазунова. Даже еслибъ вы никого не захотѣли видѣть, то и это возможно, только предупредите о таковомъ желаніи и о пріѣздѣ по вышеписанному адресу.

Итакъ буду надѣяться получить отъ васъ извѣстіе,—и что по пріѣздѣ въ Питеръ вы вспомните и стараго знакомаго, душевно васъ любящаго,

М. Балакирева.

P. S. Кстати обращаю ваше вниманіе на вопіющую ошибку въ партитурѣ „Francesca“. На страницѣ 92-й пропущены р о г а, и выходитъ ужасно *)!

Каменка, 8-го Октября 1882 г.

Дорогой и добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Было бы странно, еслибы я в ы ч е р к н у л ъ в а с ъ и з ъ п а м я т и с е р д ц а. Не говоря уже объ искреннемъ уваженіи къ

*) Эта опечатка по настоянію Балакирева была исправлена издателемъ П. Юргенсономъ. *Прим. С. Л.*

вамъ, какъ музыканту и человѣку, которое я питалъ бы, даже еслибъ судьба не сталкивала меня съ вами,—могу ли я не цѣнить множество проявленій дружескаго сочувствія, которое вы мнѣ оказывали? Я могу безъ всякихъ фразъ сказать, что еслибы и еще 10, 20 лѣтъ прожилъ, не видя васъ, всетаки никогда бы не забылъ васъ и не переставъ бы съ любовію думать о васъ, какъ объ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ, безусловно правдивыхъ и даровитѣйшихъ художническихъ личностей, съ какими встрѣчался.

Отъ души благодарю за намѣреніе предложить мнѣ сюжетъ для симфонической поэмы и радуюсь вашему сочувствію.

Если буду въ Петербургѣ, конечно побываю у васъ. Моя склонность къ уединенію и жизни внѣ общества конечно не можетъ распространяться до того, чтобы я отказывалъ себѣ въ удовольствіи видѣть васъ и бесѣдовать съ вами, и достаточно того, что вы меня къ себѣ зовете, чтобы я почелъ для себя пріятнымъ долгомъ явиться къ вамъ, какъ только попаду въ Петербургъ. Но когда я тамъ буду—неизвѣстно, хотя весьма вѣроятно, что втеченіе зимы, или по крайней мѣрѣ ранней весны буду въ вашихъ странахъ. Въ виду этого не хотите ли письменно изложить мнѣ сущность предлагаемаго сюжета? Меня это весьма интересуетъ. Могу положительно обѣщать вамъ, что если только останусь здоровъ духомъ и тѣломъ,—исполню задаваемую вами задачу съ величайшей готовностью.

А покамѣсть, примите увѣреніе въ теплыхъ дружескихъ чувствахъ моихъ къ вамъ.

Вашъ

П. Чайковскій.

Меня очень интересуетъ Глазуновъ. Не найдетъ ли этотъ молодой человѣкъ возможнымъ прислать мнѣ для просмотра свою симфонію? При этомъ я желалъ бы знать: одинъ, или съ помощью вашей или Р.-Корсакова онъ работалъ надъ внутренней и внѣшней отдѣлкой. Если бъ посылка симфоніи оказалась возможной, то адресъ мой на сей случай такой: Фастовская линія, ст. Бобринская, Смѣла, оттуда въ Каменку. Для простыхъ же писемъ адресъ: Фастовская линія. Каменка.

С.-Петербургъ, 28 Октября 1882 *).

Дорогой Петръ Ильичъ!

Простите, что такъ замедлилъ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо. Отвѣчать вамъ хотѣлось на просторѣ, въ состояніи благодушія, а тутъ, какъ на зло, разныя разности пошли, которыя мнѣ мѣшали. Въ этомъ отношеніи вы много насъ счастливѣе, такъ какъ не обязаны давать уроки, и всецѣло свое время можете посвящать искусству.

Сюжетъ, о которомъ я вамъ писалъ, предложенъ былъ сначала мною Берліозу **), который по старости и болѣзненности отказался, не располагая что либо еще сочинять. Ваша Франческа навела меня на мысль, что вы бы блестящимъ образомъ могли исполнить этотъ сюжетъ, конечно, если постараетесь и приложите къ своему труду побольше критики, дадите созрѣть фантазіи въ вашей головѣ и не будете торопиться кончить во что бы то ни стало. Для меня этотъ великолѣпный сюжетъ негоденъ, такъ какъ не гармонируетъ съ моимъ внутреннимъ настроеніемъ; для васъ же онъ какъ разъ впору. Сюжетъ этотъ: „Манфредъ“ Байрона. Итакъ вотъ вамъ программа:

Manfred
Symphonie d'après le poême dramatique de
Lord Byron et....

I-я часть. Прежде чѣмъ изложу программу, скажу вамъ, что на подобіе двухъ Берліозовскихъ симфоній (Symphonie fantastique и Harold) ваша будущая симфонія должна имѣть свою idée fixe—изображеніе самого Манфреда—которое бы проходило по всѣмъ частямъ. Итакъ, приступаю къ изложенію программы первой части.

Манфредъ блуждаетъ въ Альпійскихъ горахъ. Жизнь его разбита, неотвязчивые вопросы остаются безъ отвѣта; въ жизни его ничего не осталось, кромѣ воспоминаній. Образъ идеальной Астарты проносится въ его мысляхъ, и тщетно онъ взываетъ къ

---

*) Письмо это до словъ „какъ я буду радъ, если вамъ угожу этимъ сюжетомъ“ помѣщено въ книгѣ М. Чайковскаго „Жизнь П. И. Чайковскаго“ т. Ш, стр. 51.
Прим. С. Л.

**) Послѣ отъѣзда Берліоза изъ Россіи въ 1868 году Балакиревъ писалъ ему 10 сентября 1868 г. изъ Кисловодска, гдѣ находился для леченія, и въ письмѣ предложилъ ему программу симфоніи на сюжетъ Байроновскаго „Манфреда“.
Прим. С. Л.

ней. Только эхо скалъ повторяетъ ея имя. Воспоминанія и мысли жгутъ и гложутъ его. Онъ ищетъ и проситъ забвенія, котораго ему никто дать не можетъ (Fis moll. 2-я тема D dur и Fis dur).

II-я часть. Настроеніе совершенно противоположное первому.— Программа: бытъ Альпійскихъ охотниковъ, полный простоты, добродушія и патріархальности. Adagio pastorale (A dur). Съ этимъ бытомъ сталкивается Манфредъ, представляя изъ себя рѣзкій контрастъ. Конечно слѣдуетъ пустить сначала охотничій наигрышъ, только при этомъ нужно быть особенно осторожнымъ, чтобы не впасть въ тривіальность. Да сохранитъ васъ Богъ отъ пошлостей въ родѣ нѣмецкихъ фанфаръ и Jägermusik.

III часть. Scherzo fantastique. (D dur). Альпійская фея является Манфреду въ радугѣ изъ брызгъ водопада.

IV часть (Finale). Дикое, необузданное Allegro, изображающее чертоги Аримана (адъ), куда пробрался Манфредъ, желая свиданія съ Астартой. — Контрастъ этой адской оргіи будетъ представлять вызовъ и появленіе тѣни Астарты (Des dur, то-же, что было въ I-й части D dur, только тогда эта мысль была коротенькая, какъ воспоминаніе, и тотчасъ же утопающая въ страдальческомъ настроеніи Манфреда; здѣсь та-же идея является уже въ полной и законченной формѣ. Музыка должна быть легкая, прозрачная, какъ воздухъ, идеальная и дѣвственная). Далѣе опять повтореніе Pandemonium'а, затѣмъ закатъ солнца и смерть Манфреда.

Не правда-ли, что программа прелестна? и если вы приложите стараніе, то увѣренъ, что это будетъ вашъ chef d'oeuvre. При этомъ попрошу васъ объ нѣкоторыхъ мелочахъ.

Не пишите флейты на разныхъ строкахъ, это пренеудобно для чтенія, и нѣтъ резона не писать 2 флейты на одной строкѣ, какъ 2 гобоя или 2 кларнета. Съ наружной стороны сдѣлайте изданіе этой прекрасной симфоніи повзыскательнѣе. Такъ для ударныхъ инструментовъ прикажите употреблять не по 5, а по одной строкѣ, что при томъ и экономнѣе будетъ для издателя. Распредѣляйте акколадой группы инструментовъ, а не одинъ инструментъ, какъ напр. вы пишете:

Trombe [
Cornets á pist. [

хорошо, кабы совсѣмъ безъ корнетовъ вы обошлись. *).

За образецъ могли бы взять въ графическомъ отношеніи любую изъ новыхъ партитуръ, хоть одну изъ симфоническихъ поэмъ Листа или Сенъ-Санса.—Какъ видите—въ вашемъ будущемъ chef d'oeuvr'ѣ мнѣ хочется, чтобъ все было какъ слѣдуетъ до мелочей, а ничего не было к о е-к а к ъ.

Сюжетъ этотъ, кромѣ того, что онъ глубокъ, еще и современенъ, такъ какъ болѣзнь настоящаго человѣчества въ томъ и заключается, что идеалы свои оно не могло уберечь. Они разбиваются, ничего не оставляя на удовлетвореніе душѣ, кромѣ горечи. Отсюда и все бѣдствіе нашего времени.

Какъ я буду радъ, если вамъ угожу этимъ сюжетомъ.

Вы спрашиваете о Глазуновѣ: это *очень* талантливый юноша, учившійся у Римскаго-Корсакова всего 1 годъ. Въ сочиненіи симфоніи ему н е п р и х о д и л о с ь помогать, а только въ инструментовкѣ, и то в е с ь м а м а л о.

Сожалѣю, что не могу прислать вамъ партитуру, такъ какъ е д и н с т в е н н ы й экземпляръ страшно довѣрять почтѣ. Если зимой располагаете быть въ Питерѣ, то могу васъ познакомить не только съ симфоніей, но и съ самимъ авторомъ, который послѣ симфоніи сдѣлалъ уже нѣсколько новыхъ, замѣчательно талантливыхъ произведеній.

Теперь буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашего отзыва о сюжетѣ.

Вашъ всегда—М. Балакиревъ.

Не худо бы вамъ выписать поэму Байрона въ русскомъ переводѣ. Переводы есть, весьма хорошіе—и не одинъ.

Каменка 12 Ноября, 1882 г.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

У меня нѣтъ подъ рукой переводного „Манфреда“, и мнѣ не хочется давать вамъ окончательнаго отвѣта насчетъ вашей про-

*) Всѣ эти указанія Балакирева, хотя касающіяся мелочей, но важныя для внѣшней стороны изданія и удобства чтенія партитуры, приняты во вниманіе Чайковскимъ при напечатаніи „Манфреда“ не были. Сложная партитура его носитъ тѣ же недостатки съ внѣшней стороны изданія, затрудняющія ея чтеніе, какъ и прочія его партитуры. Впрочемъ, едва ли П. И-чъ имѣлъ какія нибудь серьезныя возраженія противъ указаній Балакирева, и не воспользовался ими вѣроятно просто потому, что забылъ о нихъ. *Прим. С. Л.*

граммы до тѣхъ поръ, пока не перечту текста Байрона. Быть можетъ ближайшее съ нимъ знакомство измѣнитъ мое отношеніе къ предлагаемой вами задачѣ, хотя я очень сомнѣваюсь въ этомъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ хочется передать вамъ тѣ ощущенія, которыя я испыталъ по прочтеніи вашего письма теперь, до прочтенія Байрона.

Не смотря на то, что вы назвали „Бурю“ и „Франческу“ моимъ апогеемъ, (съ чѣмъ я совершенно не согласенъ) я почему-то вообразилъ, что программа ваша возбудитъ во мнѣ горячую охоту воспроизвести ее въ музыкѣ, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ письма вашего. Но по полученіи его испыталъ разочарованіе. Программа ваша по всей вѣроятности можетъ дѣйствительно послужить канвой для симфониста, расположеннаго подражать Берліозу; согласенъ, что руководясь ею можно соорудить эффектную симфонію въ стилѣ упомянутаго композитора. Но меня она оставляетъ покамѣсть совершенно холоднымъ, а разъ, что воображеніе и сердце не согрѣто,—едва ли стоитъ приниматься за сочиненіе. Въ угоду вамъ я пожалуй могъ-бы по вашему выраженію—постараться и вымучить изъ себя цѣлый рядъ болѣе или менѣе интересныхъ эпизодовъ, въ коихъ встрѣтилась бы и условно мрачная музыка для воспроизведенія безнадежной разочарованности Манфреда, и множество эффектныхъ блестокъ инструментовки въ скерцо „Альпійская фея“, и восходъ солнца въ высокомъ регистрѣ скрипокъ, и смерть Манфреда съ тромбонами pianissimo; могъ бы эти эпизоды снабдить гармоническими курьезами и пикантностями, могъ бы потомъ все это выпустить въ свѣтъ подъ громкимъ заглавіемъ: Manfred, symphonie d'après и т. д.; могъ бы даже за плоды моихъ стараній получить хвалу,—но подобное писанье ни мало не привлекаетъ меня. Мнѣ очень трудно объяснить, почему именно программа ваша не зажигаетъ во мнѣ искры вдохновенія. Не смотря на почтенный возрастъ и значительную опытность въ писаніи, я долженъ признаться, что до сихъ поръ блуждаю по безграничному полю композиторства, тщетно стараясь найти свою настоящую тропинку. Чувствую, что такая тропинка есть, и знаю, что разъ я найду ее, то напишу что нибудь въ самомъ дѣлѣ хорошее,—но какая-то роковая слѣпота сбиваетъ меня постоянно съ пути, и Богъ вѣсть, попаду-ли когда нибудь, куда мнѣ слѣдуетъ? Вѣрнѣе, что нѣтъ. Я думаю, что первостепенные таланты и геніи тѣмъ-то и отличаются отъ подобныхъ мнѣ неудачниковъ, что сразу попадаютъ на свою широкую дорогу и смѣлыми шагами, безъ оглядки идутъ

по ней до конца своей дѣятельности. Изрѣдка мнѣ случалось близко подходить къ „тропинкѣ“, и тогда выходили вещи, которыхъ до конца жизни не буду стыдиться, которыя радуютъ и поддерживаютъ во мнѣ энергію къ работѣ. Но это случалось рѣдко, и къ числу этихъ немногихъ исключеній я никоимъ образомъ не причислю „Франческу“ и „Бурю“. Обѣ эти вещи написаны съ напускной горячностью, съ ложнымъ паѳосомъ, съ погоней за чисто внѣшними эффектами,—и въ сущности до крайности холодны, фальшивы и слабы. Недостатки эти происходятъ оттого что упомянутыя произведенія мои вовсе не воспроизводятъ даннаго сюжета, а лишь написаны по поводу его, т. е. родство музыки съ программой не внутреннее, а случайное, внѣшнее. Безтолковая суетня оркестра въ первой части „Франчески“ ни мало не соотвѣтствуетъ потрясающей грандіозности картины адскаго вихря, а приторно изысканныя гармоніи ея средней части не имѣютъ ничего общаго съ геніальной простотой и силой текста Данте. Еще менѣе удовлетворительно и недостойно своей программы пестрое попури, носящее названіе „Бури“. Я ужъ не говорю объ увертюрѣ „Ромео“, которую Богъ знаетъ отчего также преувеличенно хвалили, какъ преувеличенно порицали другія мои сочиненія. Помню, что, когда я писалъ ее, то, бывъ очень тронутъ вашимъ участіемъ и интересомъ, весьма старался угодить вамъ,—но и тогда я болѣзненно чутко сознавалъ полнѣйшее отсутствіе связи между Шекспировскимъ изображеніемъ юношеской страсти итальянца Ромео и моими кисло-сладкими стенаніями. Я вовсе не думаю, что програмная музыка á la Berlioz есть вообще ложный родъ искусства, но лишь отмѣчаю фактъ, что мной на этомъ поприщѣ не сдѣлано ничего замѣчательнаго.

Весьма можетъ статься, что въ безнадежной холодности, съ которой я отнесся къ программѣ вашей, виноватъ Шуманъ. Я люблю его „Манфреда“ до чрезвычайности и такъ привыкъ соединять въ одномъ неразрывномъ представленіи „Манфреда“ Байрона съ „Манфредомъ“ Шумана, что не понимаю, какъ подойти къ этому сюжету такъ, чтобы вызвать изъ него другую музыку, кромѣ той, которой снабдилъ его Шуманъ.

Надѣюсь, что вы не посѣтуете, дорогой другъ, что высказываюсь откровенно. Мнѣ непріятно было бы въ отношеніи васъ не быть вполнѣ искреннимъ.

Еслибы вздумалось вамъ написать мнѣ, то потрудитесь адресовать въ Москву къ Юргенсону. Я уѣзжаю отсюда черезъ 3 дня и, гдѣ буду скитаться, еще не знаю, — Юргенсонъ же, будучи

со мной въ постоянной корреспонденціи, всегда знаетъ мой адресъ.

Спасибо, стократъ спасибо за дружбу и вниманіе, и простите, что оказываюсь ниже вашей задачи.

А впрочемъ все-таки прочту „Манфреда“.

Искренно преданный вамъ

П. Чайковскій.

Адресъ: Москва, музыкальн. маг. Юргенсона.

Москва, 14 Декабря 1883 г.

Многоуважаемый Милій Алексѣевичъ!

Обращаюсь къ вамъ съ просьбой. Въ Москвѣ пребываетъ молодой композиторъ (ученикъ Р.-Корсакова)—А. С. Аренскій *), который написалъ очень талантливую и изящную симфонію. Она исполнена была здѣсь съ большимъ успѣхомъ.

Весьма было бы желательно, чтобы симфонія эта была исполнена въ Петербургѣ. Не найдете ли вы возможнымъ дать ей мѣсто въ одномъ изъ предстоящихъ концертовъ Безплатной школы? Я могу поручиться, что вещь эта достойна стоять на программѣ всякаго хорошаго симфоническаго концерта, и заранѣе убѣжденъ, что со свойственною вамъ благосклонною снисходительностью къ начинающимъ талантамъ вы поддержите композиторскія попытки новаго русскаго композитора **).

Будьте такъ добры, напишите словечко въ отвѣтъ.

Если вы хотите, то партитуру можно будетъ тотчасъ же вамъ прислать, а затѣмъ и оркестровые голоса, если понадобится.

Искренно преданный и уважающій васъ

П. Чайковскій.

---

*) Въ то время профессоръ по классу теоріи композиціи въ Московской Консерваторіи. *Прим. С. Л.*

**) Съ авторомъ и его симфоніей Балакиревъ познакомился въ концѣ Декабря этого года. Въ концертахъ Безплатной Школы она исполнена не была. *Прим. С. Л.*

С.-Петербургъ, 30 Октября, 1884 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Посылаю вамъ программный листочекъ, переписанный для меня Вл. Вас. Стасовымъ и снабженный моими замѣтками *). Душевно желаю и надѣюсь, чтобы „Манфредъ“ былъ однимъ изъ вашихъ перловъ.

Мнѣ такъ пріятно было съ вами сегодня бесѣдовать, что, если вамъ только завтра будетъ удобно, не откажите пожаловать въ Капеллу въ то же время (11 час.). Я къ этому времени явлюсь туда же и, взявши васъ на прогулку, поразскажу вамъ многое и очень важное, что сегодня совсѣмъ упустилъ **). Буду жалѣть, если что-нибудь вамъ помѣшаетъ подарить мнѣ часа 2 утромъ, и въ такомъ случаѣ мысленно васъ крѣпко обнимаю и желаю вамъ добраго пути.

Да сохранитъ васъ Христосъ!

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

(Примѣчанія Балакирева).

Симфонія b-moll безъ B-dur'a.

Вторая тема D-dur и Des-dur во второй разъ.

(Написано рукой В. Стасова).

МАНФРЕДЪ.

I часть.

Манфредъ, блуждающій въ Альпійскихъ горахъ. Жизнь его разбита, неотвязные, роковые вопросы остаются безъ отвѣта; въ жизни у него ничего не осталось кромѣ воспоминаній. Изрѣдка проскальзываютъ у него воспоминанія объ идеальной Астартѣ. Воспоминанія, мысли—жгутъ, гложутъ его. Онъ ищетъ и проситъ забвенія, и никто ему не можетъ этого дать.

---

*) П. И. Чайковскій находился въ это время въ Петербургѣ по случаю постановки на сценѣ Большого театра его оперы „Евгеній Онѣгинъ“ При личныхъ свиданіяхъ съ Балакиревымъ разговоръ несомнѣнно касался сюжета „Манфредъ“; убѣжденія и настойчивость послѣдняго на этотъ разъ оказались не безуспѣшными. *Прим. С. Л.*

**) Разговоръ касался религіозныхъ вопросовъ. *Прим. С. Л.*

Larghetto.
Ges-dur.
Для оркестра не будетъ трудно, такъ какъ темпъ медленный, а вспомогательные тоны можно взять B-dur и A-dur.

II часть.

Бытъ Альпійскихъ охотниковъ, полный простоты, добродушія, наивной патріархальности, съ которымъ сталкивается Манфредъ и представляетъ изъ себя рѣзкій контрастъ. Это—тихое, идиллическое Adagio, съ проведеніемъ внутри темы Манфреда, которая, какъ idée fixe, должна просачивать всю симфонію.

Scherzo.
D-dur.

III часть.

Альпійская фея, являющаяся Манфреду въ радугѣ изъ брызгъ водопада.

Finale.
b-moll.

IV часть.

Дикое, необузданное Allegro, полное дикой отваги. Сцена въ подземныхъ чертогахъ адскаго Аримана.—Далѣе слѣдуетъ пришествіе Манфреда, возбуждающее въ подземныхъ духахъ общій взрывъ и наконецъ прелестный контрастъ этой необузданной оргіи будетъ представлять вызовъ и появленіе Астарты: это должна быть музыка легкая, прозрачная, какъ воздухъ, и идеальная. Далѣе опять идетъ чертовщина, оканчивающаяся Largo—смертью Манфреда.

Des-dur—con sordini.

Въ концѣ Requiem и послѣдній аккордъ B-dur.

(Писано рукой Балакирева).

Во всѣхъ частяхъ должна быть введена тема самого Манфреда. Въ Scherzo эта тема можетъ войти въ формѣ тріо.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРІАЛЫ:

Для 1-ой и послѣдней частей:

Francesca da Rimini . . . . . Чайковскаго.
Гамлетъ . . . . . Листа.
Финалъ изъ Гарольда . . . . . Берліоза.
Прелюдія e moll . . . . . Шопена.
„ es moll . . . . . „
„ cis moll № 25 (отдѣльный отъ другихъ) . . . . . „

Для Larghetto:

Adagio изъ Symphonie fantastique . . . . Берліоза.

Для Scherzo:

La Reine Mab . . . . . Берліоза.
Scherzo (h-moll) изъ 3-й Симфоніи . . . Чайковскаго.
Для Requiem'a послѣдней части хорошо бы ввести органъ.

С.-Петербургъ, 31 Октября 1884 г.

Милый, дорогой другъ!

Я получилъ ваше письмо вчера поздно вечеромъ и только сегодня имѣю возможность выразить сожалѣніе, что не могу придти въ 11 ч. въ Капеллу. Могъ бы урваться на минутку, но не для бесѣды. Это ужасно жаль и досадно, но я назначилъ у себя сегодня утромъ свиданіе съ нѣсколькими лицами, которыхъ не успѣю уже предупредить, что меня не будетъ.

Я ѣду не въ Москву, а заграницу, прямо въ Швейцарію, по грустному случаю. Одинъ очень близкій мнѣ человѣкъ *) умираетъ въ чахоткѣ. Я собирался навѣстить его въ Январѣ, но теперь получено извѣстіе, что ему очень плохо, и что онъ ждетъ меня, и я рѣшился ѣхать тотчасъ же. Прошу убѣдительно васъ, Милій Алексѣевичъ, написать мнѣ туда то, о чемъ вы хотѣли говорить со мной сегодня. Адресъ: *Schweiz, Graubünden, Davos-Platz, Kurhaus Holzboer. P. Tschaikovsky.* Я бы постарался повидаться съ вами въ теченіе дня, но и это невозможно. Мнѣ предстоятъ сегодня хлопоты о паспортѣ, прощальныя свиданія съ родными, а вечеромъ спектакль въ Б. Театрѣ, на которомъ, какъ говорятъ, будетъ Государь, и мое присутствіе обязательно. Ѣду же я завтра утромъ. Заѣду сегодня въ книжный магазинъ и куплю себѣ Манфреда. Мнѣ какъ разъ придется быть на Альпійской вершинѣ, и обстоятельства для удачнаго музыкальнаго воспроизведенія Манфреда были бы очень благопріятны, если бы не то, что я ѣду къ умирающему. Во всякомъ случаѣ обязуюсь вамъ во что бы то ни стало употребить всѣ усилія, чтобы исполнить ваше желаніе.

Меня глубоко тронула вчерашняя бесѣда съ вами. Какъ вы добры! Какой вы истинный другъ мнѣ! Какъ я желалъ бы,

*) Скрипачъ Котекъ, окончившій курсъ Московской консерваторіи въ классѣ Лауба. *Прим. С. Л.*

чтобы то просвѣтлѣніе, которое совершилось въ вашей душѣ, снизошло бы и на меня. Могу сказать, не нарушая ни на волосъ правды, что болѣе, чѣмъ когда-либо, жажду успокоенія и опоры въ Христѣ. Буду молиться, чтобы вѣра въ Него утвердилась во мнѣ.

Если обстоятельства позволятъ, я все-таки возвращусь въ Россію черезъ мѣсяцъ приблизительно и надѣюсь повидаться съ вами и побесѣдовать. А пока обнимаю васъ, мой добрѣйшій другъ; спасибо вамъ за дружбу вашу!

Вашъ П. Чайковскій.

P. S. Глазуновъ просилъ меня придумать названіе для его прелестной Des-dur'ной вещи *). Я старался, но ничего не могъ придумать. Мнѣ приходили въ голову слѣдующія названія: Дифирамбъ, Ода, Dialogue d'amour, Пѣснь Трубадура, Intermezzo, Pezzo lirico, просто Романсъ и т. д. и т. д. но все это не нравится мнѣ. А у меня къ нему просьба: не отдастъ ли онъ кому-нибудь переписать эту вещь и не пришлетъ ли мнѣ по вышеозначенному адресу? Это мнѣ доставило-бы громадное удовольствіе. Передайте ему, голубчикъ, при случаѣ мою просьбу.

Еще разъ прощайте и благодарствуйте, милый другъ!

Въ суетѣ отъѣзда я считаю себя и завтра утромъ неспособнымъ по душѣ бесѣдовать съ вами, но если вы мнѣ напишете, то радъ буду получить и прочесть ваши строки.

Вашъ П. Чайковскій.

31 Октября 1884 г.

Душевно сожалѣю, дорогой Петръ Ильичъ, что сегодня съ вами не увижусь.—То, о чемъ хотѣлъ я побесѣдовать съ вами, въ письмѣ не выйдетъ, а потому я отлагаю до будущаго съ вами свиданія сообщеніе этихъ важныхъ фактовъ.

Еще одна маленькая просьба: если вы сегодня найдете свободныхъ $^1/_2$ часа, то не откажите забѣжать на минутку къ сестрѣ Глинки—Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, которая живетъ близь васъ противъ 3-й гимназіи, по Гагаринской улицѣ, въ домѣ Штрауха. Она хвораетъ и сидитъ дома, и вашъ визитъ (хотя бы и очень короткій) доставитъ ей огромное удовольствіе, а

*) Она вскорѣ была издана фирмой „М. П. Бѣляевъ“ подъ именемъ: „Poême lyrique“. *Прим. С. Л.*

вѣдь это всегда пріятно дѣлать удовольствіе другимъ. По ея выбору въ Смоленскомъ концертѣ на открытіи монумента Глинки будетъ исполняться ваша увертюра „Roméo et Juliette“. Не откажите исполнить эту мою просьбу тѣмъ болѣе, что Людмила Ивановна стара и больна, и едва ли вамъ придется съ ней еще увидѣться.

Затѣмъ крѣпко васъ цѣлую и желаю отъ души вамъ всего добраго.

Да сохранитъ васъ Христосъ!

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

Если забудете мой адресъ, то пишите въ Капеллу.

Давосъ, 17 Ноября.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Вы говорили мнѣ, что Государь спрашивалъ васъ, прислалъ ли я Херувимскую? Изъ другого источника я знаю, что онъ выразилъ однажды удивленіе, почему я ничего не присылаю? Дѣло въ томъ, что я дѣйствительно отвѣчалъ на вопросъ Государя, намѣренъ ли я писать для Церкви, что намѣренъ и очень этого желаю, но, вѣроятно, я какъ-нибудь неясно отвѣтилъ, и Государь имѣлъ основаніе думать, что я тотчасъ же приступлю къ этой работѣ. Въ сущности я намѣревался когда-нибудь основательно заняться сочиненіемъ церковной музыки, а не теперь. Но въ виду того, что Государь ожидаетъ отъ меня Херувимской, я чувствовалъ, что не могу покойно заняться чѣмъ бы то ни было, пока не исполню того, что онъ считаетъ моимъ обѣщаніемъ. И вотъ я написалъ три Херувимскія пѣсни, которыя при семъ посылаю вамъ. Въ то же время я написалъ князю Оболенскому, черезъ котораго получилъ подтвержденіе и напоминаніе выраженнаго Государемъ желанія, о томъ, что мною высланы къ вамъ мои 3 новые опыта по части церковной музыки. Если Государь велитъ одну изъ нихъ разучить, то покорнѣйше прошу васъ, голубчикъ, выбрать ту изъ трехъ, которую вы считаете лучшей. Что касается меня, то я больше всѣхъ доволенъ третьею (въ C-dur), но боюсь, что попытка подражать не нотному церковному пѣнію (въ „Яко да Царя“) покажется вамъ неудачной и неумѣстной. Затѣмъ остальныя двѣ отличаются тѣмъ, что одна

слишкомъ близка къ стилю Бортнянскаго (въ D-dur), а другая слишкомъ далека, а впрочемъ, я плохой судья въ своихъ вещахъ и предоставляю совершенно на ваше усмотрѣніе выборъ одной изъ нихъ.

Я нахожусь въ довольно грустномъ состояніи духа; живу въ мѣстности крайне мрачной и унылой, да притомъ слышу съ утра до вечера чахоточный кашель моего больного. Прочелъ „Манфреда“ и думалъ о немъ очень много, но еще не начиналъ проэктированія темъ и формы. Да я и не буду торопиться, но даю вамъ положительное обѣщаніе, что если останусь живъ, то не позже лѣта симфонія будетъ написана.

Впрочемъ, въ непродолжительномъ будущемъ увижусь съ вами и побесѣдуемъ объ этомъ и о многомъ другомъ.

Крѣпко жму вашу руку, добрѣйшій человѣкъ!

Вашъ П. Чайковскій.

Кланяюсь всѣмъ вообще, а Корсакову и Глазунову особенно. Херувимскія посылаю въ отдѣльномъ пакетѣ.

1/13 Декабря 1884 г. Парижъ.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Обстоятельства сложились такъ, что я теперь проѣду прямо въ Москву. 15-го числа тамъ идетъ мой концертъ для ф-пьяно, а 22-го—новая сюита *). То и другое теперь печатается, и мнѣ необходимо успѣть хоть одну корректуру сдѣлать обѣихъ вещей. Такимъ образомъ увижу васъ не такъ скоро, какъ думалъ, и очень сожалѣю объ этомъ, ибо очень бы хотѣлось побесѣдовать съ вами.

Узнавъ изъ письма Юргенсона объ исторіи съ „Тамарой“ и о томъ, что она будетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ концертовъ играться, я вообразилъ, что она пойдетъ въ будущую субботу, и хотѣлъ во что бы то ни стало попасть въ Москву къ этому дню. Но изъ телеграммы Юргенсона узналъ сейчасъ, что она пойдетъ

*) Оба сочиненія были исполнены подъ управленіемъ М. Эрдмансдёрфера, бывшаго дирижеромъ Московскаго Отд. И. Р. М. О., 19 Января 1885 г., причемъ концертъ b-moll игралъ Гансъ-фонъ-Бюловъ.

Прим. С. Л.

26 Января. *). Ужасно радъ, что услышу ее: меня очень интересуетъ, какъ ваша партитура, которую я все это время очень внимательно прочитывалъ, выходитъ въ исполненіи. Есть мѣста, которыя я живо представляю себѣ, но есть и такія, которыя смущаютъ меня, напр.: самое начало съ низкими нотами т у б ы. Во всякомъ случаѣ это—вещь, обладающая капитальными достоинствами.

Получили-ли вы мои Херувимскія? Какую изъ нихъ выбрали? Если напишете мнѣ словечка два въ Москву, до крайности буду радъ.

Лично васъ я увижу въ началѣ Января, послѣ праздниковъ.

Поклонитесь отъ меня Н. А. Римскому-Корсакову и всѣмъ вашимъ.

Вашъ П. Чайковскій.

За „Манфреда“ еще серьезно не принимался, но много думаю о немъ.

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1884 г. **).

Дорогой Петръ Ильичъ!

Будьте добры, передайте въ Москвѣ прилагаемую папку съ нотами г. Вигилеву, регенту Синодальнаго хора, и объясните, что эти его сочиненія Капелла не можетъ разрѣшить за ихъ безграмотностью (разрѣшаются т о л ь к о г р а м о т н ы я). Пусть онъ озаботится исправленіемъ голосоведенія и гармоніи, и тогда пусть вторично пришлетъ. Укажите ему хоть на Аренскаго, который могъ-бы быть ему полезенъ въ этомъ случаѣ. Исполненіемъ этой просьбы вы меня премного обяжете и снимете съ меня большую обузу.

---

*) Изъ письма П. И. Юргенсона къ М. Балакиреву отъ 29 Ноября 1884 г. видно, что „Тамара“ стояла въ программѣ Московскихъ концертовъ этого сезона 2 раза и тѣмъ не менѣе исполненіе ея пришлось отложить за болѣзнью Эрдманс-дёрфера. Задерживало возможность исполненія ея также, вѣроятно, печатаніе оркестровыхъ партій. Въ этомъ же письмѣ Юргенсонъ увѣдомляетъ, что онѣ готовы. Исполненіе же „Тамары“ въ Москвѣ состоялось не 26 Января, какъ пишетъ Чайковскій, а 22 Декабря 1884 г. *Прим. С. Л.*

**) Это письмо, очевидно, городское, написанное во время случайнаго пріѣзда П. И-ча въ Петербургъ. Вернувшись изъ заграницы въ началѣ Декабря въ Москву, Чайковскій пріѣзжалъ ненадолго въ Петербургъ (см. Жизнь П. И. Чайковскаго, т. II, стр. 683). *Прим. С. Л.*

Вы напрасно спѣшите въ Москву. Юргенсонъ пишетъ (вчера получилъ отъ него), что концерты откладываются чуть не до поста вслѣдствіе болѣзни Эрдмансдёрфера *).

Лучше бы побыли съ нами, да потолковали бы объ разныхъ разностяхъ.

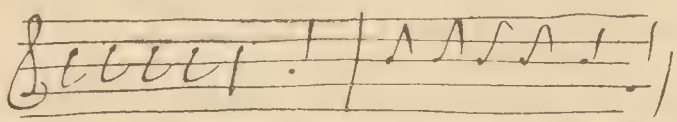
Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

18 Декабря, 1884 г.

Дорогой Петръ Ильичъ:

Херувимскія ваши получены давно, и такъ какъ приказано было не торопиться пробой которой либо изъ нихъ, то я поспѣшилъ переслать ихъ вашему другу издателю, чтобы потомъ разучивать ихъ по печатнымъ партіямъ, что несравненно удобнѣе для хора. Объ достоинствѣ ихъ покуда ничего не скажу, такъ какъ едва ихъ видѣлъ. Что же касается до C—dur'ной, которую вы предпочитаете, то я сомнѣваюсь, чтобы она оказалась лучшей. Ей уже начало вредить по своей пикантности и антицерковности съ плясовымъ ритмомъ:



Впрочемъ, дѣлаю оговорку, что окончательное мнѣніе составлю по достаточномъ разсмотрѣніи ихъ по напечатаніи.

Вы пишете **), что „Тамара“ будетъ исполнена въ Москвѣ. Я могу себѣ представить, что это будетъ такое!! Ужъ если дирижеръ вашъ не могъ добросовѣстно исполнить крошечную увертюрку ***), которую съ успѣхомъ играетъ здѣсь оркестръ любителей, то „Тамара“ исполнена будетъ такъ ужасно, что лютая не-

*) Это сообщеніе представляется какимъ-то недоразумѣніемъ, такъ какъ 15 Декабря въ Москвѣ состоялось экстренное собраніе подъ управленіемъ Эрдмансдёрфера, а 22 Декабря было очередное симфоническое, въ которомъ исполнялась „Тамара“, подъ его же управленіемъ. *Прим. С. Л.*

**) Этого письма П. И. Чайковскаго не сохранилось. *Прим. С. Л.*

***) Конечно, говорится объ увертюрѣ Балакирева на три русскія темы, которую исполнялъ Эрдмансдёрферъ въ концертѣ 13 Ноября 1882 г., сдѣлавъ „поправки“ въ оркестровкѣ. *Прим. С. Л.*

нависть къ моимъ сочиненіямъ добрѣйшаго Сергѣя Ивановича *) будетъ вполнѣ оправдана.—Кстати пожмите ему за меня крѣпко руку и передайте ему мой поклонъ.—Въ немъ мнѣ чрезвычайно симпатично благородство его характера, въ силу чего онъ высказывается всегда безъ обиняковъ, со всею откровенностью.—Благородный и добродушный врагъ не можетъ быть сравнимъ даже съ коварнымъ другомъ, на каковыхъ мнѣ въ послѣднюю поѣздку въ Москву пришлось наткнуться.

Очень радъ, что вамъ сюжетъ „Манфреда“ пришелся по вкусу, и я увѣренъ, что вы напишите прелесть, если только не будете торопиться и дадите въ головѣ цѣльнѣе созрѣть сочиненію.

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

Г. Клинъ, с. Майданово. 13 Сентября 1885 г.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Желаніе ваше я исполнилъ. „Манфредъ“ конченъ, и на-дняхъ начнутъ гравировать партитуру. Я думаю, что вы будете нѣсколько недовольны быстротой, съ коей я написалъ его. Знаю, что вы бы предпочли, чтобы я понемножку, въ перемежку съ другими работами писалъ „Манфреда“. Весьма вѣроятно, что вы вполнѣ правы, и я охотно послѣдовалъ-бы вашему совѣту не торопиться, если бы могъ. Но въ томъ-то и дѣло, что не могу. Разъ я увлекся какой-нибудь задачей—не могу успокоиться, пока не исполню ея совсѣмъ. Такова моя музыкальная организація; вѣроятно отъ этой маніи кончать начатое во что бы то ни стало, въ одинъ, такъ сказать, присѣстъ—происходятъ всѣ мои недостатки; но, можетъ быть, отсюда же идутъ и нѣкоторыя мои достоинства. Но во всякомъ случаѣ иначе я не могу. Надъ „Манфредомъ“ я просидѣлъ, можно сказать, не вставая съ мѣста, почти 4 мѣсяца (съ конца Мая по сегодняшній день). Было очень трудно,—но и очень пріятно работать, особенно послѣ того, какъ, начавши съ нѣкоторымъ усиліемъ, я увлекся. Конечно, я не могу предвидѣть, угожу ли я вамъ этой симфоніей или нѣтъ, но

*) Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ, піанистъ и композиторъ, ученикъ Чайковскаго, былъ профессоромъ и одно время директоромъ Московской Консерваторіи. Прим. *С. Л.*

вѣрьте мнѣ, что никогда въ жизни я такъ не старался и такъ не утомлялся отъ работы. Симфонія написана согласно вашей программы въ 4 частяхъ. Но прошу васъ извинить—я не могъ держаться указанныхъ вами тоновъ и модуляцій, хотя и желалъ даже это сдѣлать. Симфонія написана въ тонѣ h-moll. Только скерцо вышло въ указанномъ вами тонѣ *). Вещь эта очень трудная и требуетъ громаднаго оркестра, т. е. большого количества струнныхъ. По мѣрѣ выхода симфоніи изъ подъ корректуры я буду присылать ее къ вамъ. Переложеніе я сдѣлалъ самъ, по прежде, чѣмъ отдать въ гравировку, буду много играть и исправлять его. Посвященъ „Манфредъ“, разумѣется, вамъ.

Искренно преданный и любящій васъ.

П. Чайковскій.

Г. Клинъ, с. Майданово, 22 Сентября, 1885 г. **)

Дорогой другъ,

Милій Алексѣевичъ!

Переложеніе для четырехъ рукъ сдѣлано мною по возможности полно, но навѣрно мало удобно. Дабы привести его въ надлежащій видъ, я отдалъ его моей пріятельницѣ г-жѣ Губертъ ***), всегда въ этихъ случаяхъ мнѣ помогающей, для переписки и исправленія всѣхъ моихъ описокъ. Когда это будетъ сдѣлано, мы съ ней множество разъ сыграемъ переложеніе и исправимъ все, что не ладно и неудобно, причемъ я безжалостно буду вычеркивать всякія подробности, которыя имѣютъ значеніе въ партитурѣ, но мѣшаютъ легкости (конечно, относительной) исполненія на фортепьяно. Послѣ того, какъ такимъ образомъ переложеніе будетъ исправлено, я немедленно перешлю его вамъ и очень,

---

*) Очевидно, П. И-чъ забылъ указанныя Балакиревымъ въ присланныхъ программахъ тональности, такъ какъ тамъ оба раза обозначено скерцо въ D-dur, а въ симфоніи Чайковскаго оно написано въ h-moll. *Прим. С. Л.*

**) Отвѣтъ М. А. Балакирева на предыдущее письмо П. И. Чайковскаго не сохранился, но въ немъ онъ, по всей вѣроятности, просилъ П. И-ча прислать 4-хъ ручное переложеніе „Манфреда“. Прим *С. Л.*

***) Александра Ивановна Губертъ, вдова бывшаго профессора по классу композиціи въ Московской консерваторіи, пьяністка, долгое время состоявшая тамъ же преподавательницей фортепьяно, нынѣ занимаетъ мѣсто инспектора консерваторіи. *Прим. С. Л.*

очень буду благодаренъ за всякія ваши поправки и совѣты, которые, конечно, послужатъ на пользу сочиненія. Только прошу васъ, голубчикъ, не касаться при этомъ сущности, ибо теперь я не въ силахъ ничего перемѣнить и исправить,—только хуже сдѣлаю.

Что же касается способа переложенія, то конечно вамъ можно оказать мнѣ неоцѣнимую услугу вашими замѣтками.

Сплетничанье С. И. Танѣева (на котораго прошу васъ не сердиться, ибо это чудеснѣйшій человѣкъ) есть какое-то ребячество, какая-то школьническая манія говоритъ все наперекоръ. Въ сущности же дѣло было такъ: что я вообще не охотникъ до своей програмной музыки,—то объ этомъ я вамъ и говорилъ и, помнится, подробно писалъ. Я чувствую себя безконечно свободнѣе въ сферѣ чистой симфоніи, и какую-нибудь сюиту мнѣ во сто разъ легче написать, чѣмъ програмную вещь. За „Манфреда“ я принимался неохотно и, откровенно говоря, рѣшился писать именно потому, что обѣщалъ вамъ, а навѣрно обѣщалъ—помню это отлично. Письмо, писанное мною къ Танѣеву, когда онъ уѣхалъ въ началѣ лѣта на Кавказъ, относится къ тому времени, когда я начиналъ—неохотно, съ усиліемъ, не довѣряя себѣ. Въ письмѣ этомъ я говорилъ ему, что пишу съ трудомъ и что предпочитаю писать сюиты. Засимъ очень скоро я страшно увлекся „Манфредомъ“ и не помню, чтобы когда-нибудь испытывалъ такое наслажденье въ работѣ; и такъ продолжалось до конца. Сергѣю Ивановичу не слѣдовало бы въ концѣ Сентября сообщать вамъ (какъ нѣчто происходившее со мной теперь) то, что я писалъ ему въ концѣ Мая *).

Я еще не знаю, за что примусь теперь. Хочется нѣсколько времени отдохнуть. У меня есть превосходно написанное либретто

*) Въ письмѣ къ С. И. Танѣеву отъ 13 іюня 1885 г. Чайковскій сообщаетъ что послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился написать „Манфреда“, ибо чувствуетъ, что пока не исполнитъ обѣщанія, неосторожно даннаго Балакиреву зимой, не будетъ покоенъ. Далѣе говоритъ: „не знаю, что выйдетъ, но покамѣстъ я недоволенъ собой. Нѣтъ! въ тысячу разъ пріятнѣе писать безпрограмно. Сочиняя програмную симфонію, у меня такое ощущеніе, какъ будто я шарлатаню и надуваю публику—плачу ей не звонкою монетой, а дрянными кредитными бумажонками“. Интересно, что того же числа П. И-чъ писалъ Н. Ф. фонъ-Мекъ по поводу „Манфреда“: „теперь я настолько уже увлекся этимъ сочиненіемъ, что опера (Чародѣйка), вѣроятно, надолго останется въ сторонѣ.... Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что полезно мнѣ было бы нѣкоторое время ничего не писать, попутешествовать, отдохнуть. Но какое то непреодолимое влеченіе къ работѣ беретъ верхъ и приковываетъ къ письменному столу и фортепьяно. (Жизнь П. И. Чайковскаго, т. III, стр. 50, 53). *Прим. С. Л.*

оперы, и, кажется вѣрнѣе всего, какъ только явится охота,—я примусь прежде всего за оперу. Совѣтъ вашъ—написать концертъ для фортепьяно—приму къ свѣдѣнію и, надѣюсь, къ исполненію. У меня есть фантазія для фортепьяно съ оркестромъ, которую въ прошломъ году отлично игралъ въ Москвѣ Танѣевъ; не знаю, извѣстна ли она вамъ? Я очень охотно пишу для фортепьяно съ оркестромъ, но къ сожалѣнію, не будучи самъ пьянистомъ, я врядъ ли способенъ написать благодарную, удобную для исполненія вещь.

Въ теченіе осени и зимы мнѣ, вѣроятно, случится бывать въ Петербургѣ, и я непремѣнно навѣщу васъ. О многомъ хочется поговорить съ вами.

До свиданья, дорогой Милій Алексѣевичъ.

Вашъ П. Чайковскій

Очень, очень кланяюсь Николаю Андреевичу.

Клинъ, с. Майданово. 21 Ноября 1885 г.

Дорогой другъ,

Милій Алексѣевичъ!

Если еще не выслано, то на-дняхъ на ваше имя вышлется 4-хъ ручное переложеніе „Манфреда“. Прошу васъ просмотрѣть его, и если кое-что мнѣ поправите или укажете, какъ поправить, то премно́го буду вамъ благодаренъ. Къ сожалѣнію, гравировка партитуры далеко еще не кончена, и я не могу ее выслать вамъ, а между тѣмъ она бы существенно помогла вамъ судить, хорошо или дурно переложено то или другое. Впрочемъ въ скоромъ времени я вышлю вамъ первую часть партитуры, а по мѣрѣ выхода изъ подъ первой корректуры другихъ частей и ихъ вамъ вышлю.

Простите, Милій Алексѣевичъ, что утруждаю васъ просмотромъ переложенія, но вы были столь добры, что сами предложили это, а отказаться я не могу.

Будьте здоровы и дай вамъ Богъ всякаго благополучія.

Вашъ П. Чайковскій.

С. Майданово. 4 Декабря 1885 г.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

Посылаю вамъ сегодня заказной бандеролью рукопись I-й части „Манфреда“.

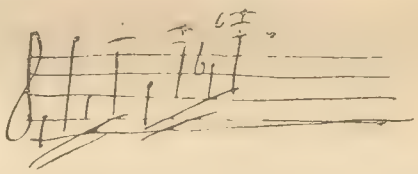
Спасибо вамъ за похвалы „Бурѣ“. Дай Богъ, чтобы и „Манфредъ“ вамъ понравился.

Вашъ П. Чайковскій.

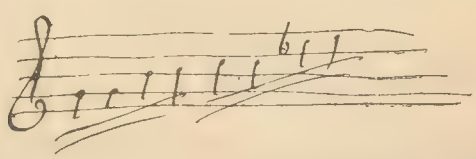
10 Января 1886 г.

Дорогой Петръ Ильичъ.

Вчера не отмѣчены были въ Scherzo фигуры секстолей, которыя согласно партитурѣ должны быть перенесены въ октаву ниже, а также вмѣсто:



опять-таки согласно партитурѣ, напишите вездѣ:



Вмѣстѣ съ симъ посылаю Владиміру Васильевичу свою лепту на погребеніе несчастнаго Дурова *) и прошу извѣстить, когда и гдѣ его хоронять. — Желалъ бы съ вами увидѣться на его похоронахъ, если для васъ это будетъ возможно.

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

---

*) З. З. Дуровъ учился по классамъ фортепьяно и теоріи композиціи въ Московской Консерваторіи, но курса не кончилъ. Послѣ того занялся изученіемъ исторіи музыки и въ частности исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи подъ руководствомъ извѣстнаго изслѣдователя по этой части протоіерея Д. В. Разумовскаго Одно время онъ читалъ лекціи по этому предмету въ С.-Петербургской Консерваторіи. *Прим. С. Л.*

Въ Москвѣ передайте мою глубокую благодарность г. Кризандеру за его труды по корректурамъ моихъ злосчастныхъ произведеній и выразите мое желаніе узнать, исправлены ли оркестровыя партіи „Тамары“, согласно съ моими указаніями?

В. В. Стасова застанете теперь въ Публичной Библіотекѣ. Онъ былъ бы очень радъ васъ повидать, такъ какъ очень васъ любитъ, какъ и всѣ мы.

3 Марта 1886 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Простите, что такъ долго продержалъ „Манфреда“ вашего.— Посылаю вамъ все, что успѣлъ сдѣлать для исправленія вашей арранжировки, а именно: посылаю 4 листика, изъ коихъ

№ 1 къ стр. 34 и 42,
на оборотѣ къ стр. 37 и 38.
№ 2 къ стр. 39, 40 и 43.
№ 3 къ стр. 64 и
№ 4 къ стр. 59 и 60,

а внутри найдете отрывокъ для Scherzo.

Корректурные же листки и манускрипты партитуры отправлены къ Юргенсону.

Еще разъ прошу прощенія за промедленіе.

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

Открытое письмо.

Въ Москву.

Въ Музыкальной Магазинъ Петра Ивановича Юргенсона.

По Неглинной, 10.

3 Марта 1886 г.

Сегодня выслалъ Чайковскому арранжементъ „Манфреда“, а вамъ манускрипты и корректурные листки партитуры.

М. Балакиревъ.

13 Марта, 1886 г.

С. Майдановo.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ! Во первыхъ ото всей души благодарю васъ за четырехручное переложеніе и за превосходныя поправки ваши. Спасибо вамъ за нихъ ото всего сердца. Во 2-хъ сообщаю вамъ впечатлѣнія, испытанныя при слушаніи „Манфреда“ на репетиціяхъ (на концертѣ я не слышалъ, т. е. слышалъ издали). Въ общемъ исполненіе было превосходное *). Было всего 5 репетицій, причемъ первая продолжалась съ перерывомъ 6 часовъ, т. е. струнные читали отдѣльно, а послѣ нихъ духовые. Темпы были взяты правильно, и я долженъ отдать полнѣйшую справедливость и дирижеру, и оркестру въ томъ, что старанія и усердія было оказано много. Первая часть въ исполненіи оказалась безусловно лучшей. Скерцо игралось въ очень быстромъ темпо, и, слушая его, я не испытывалъ разочарованія (что нерѣдко со мной бываетъ) но, если не ошибаюсь, оно до того непрактично и трудно написано, что, за исключеніемъ Москвы, гдѣ музыканты ко мнѣ вообще очень благосклонны, его пожалуй никакой оркестръ играть или не захочетъ, или не сможетъ. Andante звучитъ недурно. Финалъ очень выигрываетъ въ исполненіи и съ точки зрѣнія публики оказался самой эффектной частью. Вообще мнѣ показалось, что даже Московской публикѣ, особенно хорошо ко мнѣ относящейся, „Манфредъ“ не понравился.

За то музыканты съ каждой репетиціей все больше и больше проникались сочувствіемъ и на генеральной пробѣ, послѣ каждой части, сильно и долго стучали смычками и инструментами.

Между моими ближайшими друзьями одни стоятъ за „Манфреда“ горой, другіе остались недовольны и говорятъ, что я тутъ не самъ собой, а прикрытый личиной какой-то. Самъ же я думаю, что это мое лучшее симфоническое сочиненіе,—но по трудности, непрактичности и сложности обреченное на неуспѣхъ—на игнорированье.

Братъ мой, ѣдущій завтра въ Петербургъ, доставитъ вамъ 4 экземпляра „Манфреда“. Одинъ для васъ,—другіе же попрошу

---

*) Первое исполненіе „Манфреда“ состоялось въ Москвѣ 11-го Марта 1886 года въ симф. концертѣ И. Р. М. О. подъ управленіемъ Эрдмансдёрфера.
Прим. *С. Л.*

васъ передать Ник. Андр. Римскому-Корсакову, Лядову и Глазунову. Кромѣ того посылаю 3 сюиту.

До свиданія, добрѣйшій другъ, еще разъ отъ души благодарю васъ.

П. Чайковскій.

25 Октября 1886 г.

Весьма радъ буду васъ видѣть у себя и, такъ какъ въ понедѣльникъ и вторникъ я располагаю утромъ быть на репетиціяхъ Русскаго Симфоническаго Концерта, то и пишу къ вамъ, боясь, что придете въ Капеллу и меня не найдете.

Приглашаю васъ во 1-хъ), въ среду непремѣнно пожаловать въ концертъ, гдѣ услышите нѣчто весьма хорошее *), и во 2-хъ, въ четвергъ вечеромъ ко мнѣ. Но объ этомъ я никому не скажу. не зная, желаете ли вы быть совершенно одни, или захотите, чтобы я кого-нибудь еще позвалъ.—Въ среду вы мнѣ это скажете, и, если вы пожелаете видѣть у меня кого-либо изъ нашихъ, то я ихъ тутъ же и приглашу.

Очень жаль, что вы не были въ прошедшемъ концертѣ. Дютшъ отлично исполнилъ вашу g-moll'ную Симфонію, 1-я часть коей безусловно прелестна. **)

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

P. S. Очень я пожалѣлъ, что вы не приняли моей поправки арранжемента въ Scherzo „Манфреда“.—По вашему же неудобно играть.

---

*) Въ среду 29 Октября 1886 г. въ залѣ Кононова былъ Русскій Симфоническій концертъ, въ которомъ между прочимъ исполнялись въ 1-й разъ: 3-я симфонія Н. Римскаго-Корсакова и двѣ идилліи Н. Щербачева, блестяще оркестрованныя М. Балакиревымъ. Въ письмѣ къ В. В. Стасову отъ 31 Октября 1886 г. Балакиревъ говоритъ: „исполненіе Pastoral'и и Scherzino было моимъ торжествомъ по инструментовкѣ, съ чѣмъ не согласится развѣ тотъ, у кого нѣтъ ушей“. Несомнѣнно, Балакиреву хотѣлось познакомить съ этими сочиненіями Чайковскаго, который отнесся къ нимъ довольно неодобрительно, на что есть указаніе въ томъ же письмѣ къ В. В. Стасову. *Прим. С. Л.*

**) Симфонія g—moll Чайковскаго исполнялась въ Русскомъ Симфоническомъ концертѣ 22 Октября 1886 г. подъ управленіемъ Г. О. Дютша, талантливаго дирижера, къ сожалѣнію, рано сошедшаго въ могилу, сына извѣстнаго автора „Кроатки“. *Прим. С. Л.*

1 Марта 1887 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Очень радъ буду васъ видѣть у себя и приглашу двоихъ Стасовыхъ, Глазунова, Дютша, Рим[illegible]аго-Корсакова, Блуменфельда и Щербачева, если вы противъ приглашенія его ничего не имѣете.—Еслибы вы кого-либо изъ нихъ не желали видѣть, то сообщите: будетъ по вашему, и секретъ останется м е ж д у н а м и. Сообщите, когда репетиція вашего концерта *). Мнѣ очень хочется послушать 2-ю сюиту, еще ни разу не исполнявшуюся, въ которой я очень люблю вальсъ и финалъ,—и „Франческу“, которую люблю отъ начала до конца.

Вашъ всегда М. Балакиревъ.

Въ среду приходите пораньше. Не позже 8 часовъ.

11 Марта 1887 г.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

Я не въ силахъ больше терпѣть крайнее утомленіе и нервное разстройство, и сегодня рѣшаюсь уѣхать въ деревню.

Очень сокрушаюсь, что не буду свидѣтелемъ вашего торжества **). Пожалуйста, голубчикъ, не сердитесь. Ей-Богу силъ больше нѣтъ... Вашъ П. Чайковскій.

8 Ноября 1888 г.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

Меня преслѣдуетъ сущее несчастіе. Уже въ субботу я былъ совершенно нездоровъ и сдѣлалъ надъ собой неимовѣрное усиліе, чтобы выдержать концертъ, а въ воскресенье я слегъ въ постель и до сихъ поръ не могу поправиться. Сегодня пропустилъ репетицію; быть можетъ, въ четвергъ буду въ состояніи пойти на репетицію, но весь остальной день проведу дома, да еслибы и оказалось, что я поправлюсь совсѣмъ, то все-же не могу быть у васъ, ибо давно уже обѣщалъ быть въ этотъ вечеръ въ оперѣ (дають

*) Концертъ филармоническаго общества въ С.-Петербургѣ 5-го Марта 1887 г. которымъ дирижировалъ Чайковскій и въ которомъ 1-й разъ исполнялась его 2-я сюита. *Прим. С. Л.*

**) 12 Марта 1887 года праздновался 25-лѣтній юбилей Безплатной Музыкальной Школы концертомъ подъ управленіемъ Балакирева въ залѣ Дворянскаго собранія. *Прим. С. Л.*

мою оперу „Мазепа“). А за симъ, въ воскресенье утромъ, я уѣду въ Прагу и отложить свой отъѣздъ по обстоятельствамъ никакъ не могу. Такимъ образомъ удовольствіе посѣтить васъ и побесѣдовать съ вами приходится отложить до слѣдующаго пріѣзда въ Декабрѣ.

Вѣрьте, голубчикъ, что очень сожалѣю объ этомъ. Спасибо, что зашли ко мнѣ въ субботу.

До свиданія. Будьте здоровы.

Вашъ П. Чайковскій.

Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы въ субботу вы были въ концертѣ и впослѣдствіи сказали, понравился ли вамъ „Гамлетъ“ *).

1 Октября 1891 г. Г. Клинъ Московской губ.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

Въ прошломъ году, во время постановки моей оперы „Пиковая Дама“, въ Кіевѣ я былъ пораженъ необычайной красотой тэмбра дѣтскихъ голосовъ изъ хора г. Калишевскаго (поющаго въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ) участвовавшихъ въ исполненіи оперы. Оказалось, что эта необычайно красивая звучность происходила отъ участія въ хорѣ сопраниста Гриши, одареннаго необыкновенно красивымъ голосомъ. Гриша этотъ—своего рода Кіевская знаменитость, привлекающая въ соборъ, а также въ устраиваемые г. Калишевскимъ концерты массу слушателей. Теперь г. Калишевскій пишетъ мнѣ, что, къ величайшему изумленію всего Кіева, Митрополитъ Платонъ не взлюбилъ голоса этого солиста и приказалъ его прогнать. Калишевскій проситъ меня по мѣрѣ силъ попытаться спасти бѣднаго ребенка, приведеннаго въ отчаяніе распоряженьемъ Митрополита Платона. Но что я могу сдѣлать? Мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, Капелла нуждается въ солистѣ, и что вы его возьмете въ Царскій

*) Увертюра-фантазія „Гамлетъ“ только-что предъ тѣмъ написанная Чайковскимъ и исполнявшаяся въ 1-й разъ въ симфоническомъ концертѣ И. Р. М. О. въ С.-Петербургѣ 12 Ноября 1888 г. вмѣстѣ съ новой его 5-ой симфоніей. Сообщилъ ли автору свое мнѣніе объ этомъ произведеніи М. А. Балакиревъ лично—неизвѣстно, въ письмахъ же его отзыва объ немъ не встрѣчается. Въ виду этого не безъинтересно познакомиться съ замѣчаніями его, которыя сдѣланы имъ въ партитурѣ „Гамлета“. Такъ при появленіи h-moll'ной пасторали передъ 2-ой темой на стр. 36-ой партитуры рукой Балакирева сдѣлана помѣтка: „Владимірскіе пастухи. Зачѣмъ они сюда попали?“ Далѣе, на стр. 39 находимъ такое примѣчаніе: „Гамлетъ говоритъ Офеліи комплименты, подавая ей мороженое“. *Прим. С. Л.*

хоръ. Не знаю, каковъ Гриша теперь, но въ прошломъ году голосъ его былъ удивительно красивъ, и нѣтъ причинъ предполагать, что онъ сталъ хуже. По крайней мѣрѣ г. Калишевскій пишетъ мнѣ, что, напротивъ, голосъ сталъ будто бы теперь лучше. Если вы найдете возможнымъ взять несчастнаго мальчика въ свой хоръ,—то не угодно ли будетъ имѣть въ виду адресъ Калишевскаго: Десятинный переулокъ, д. № 10; Яковъ Степановичъ Калишевскій.

Крѣпко жму вашу руку.

П. Чайковскій.

Варшава. 10 Октября 1891 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Письмо ваше я получилъ здѣсь, въ Варшавѣ, гдѣ я нахожусь въ отпуску.—Объ Гришѣ, о которомъ вы пишете, я уже слыхалъ, но не соглашался на его опредѣленіе въ Капеллу, потому что не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о его лѣтахъ, что очень важно. Капелла принимаетъ мальчиковъ только 9-ти и не старше 10-ти лѣтъ, имѣя въ виду, что уже 14-ти лѣтъ, а иногда и ранѣе, они по большей части съ голосовъ спадаютъ, и если Гришѣ въ настоящее время уже отказано, и онъ удаленъ изъ хора, то вѣроятно по той причинѣ, что онъ уже потерялъ голосъ. Вы также касательно его лѣтъ ничего не сообщаете. Мнѣ кажется, чтобы сдѣлать ему добро, какъ одаренному музыкально, хотя и потерявшему дѣтскій голосъ, было бы полезно, если бы вы направили его въ Кіевское музыкальное училище и побудили бы заправителей тамошнихъ принять участіе въ мальчикѣ, изъ котораго выжатъ весь сокъ, и затѣмъ онъ выброшенъ на улицу за ненадобностью, какъ обыкновенно дѣлается въ пѣвческихъ хорахъ безъ всякаго состраданія.

Вашъ всегда М. Балакиревъ.

26 Ноября 1891 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Желая послушать въ оркестрѣ вашъ „Славянскій маршъ“, очень прошу васъ увѣдомить меня: когда будетъ у васъ послѣдняя репетиція и приблизительно къ которому часу нужно

прійти въ залъ, чтобы послушать „Славянскій маршъ“, по возможности не теряя времени *).

Исполненіемъ просьбы очень обяжете меня.

Вашъ всегда

М. Балакиревъ.

Получили ли мой отвѣтъ изъ Варшавы на ваше письмо?

Пятница.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

„Славянскій маршъ“ будетъ сегодня на репетиціи (она послѣдняя) играться вторымъ номеромъ. Начну съ увертюры ровно въ часъ дня, слѣдовательно маршъ будетъ играться приблизительно въ 1 ч. 20 минутъ, ибо увертюра не особенно длинная. Репетиція происходитъ въ залѣ Дворянскаго собранія.

Искренно преданный

П. Чайковскій.

---

*) 1-го Декабря 1891 года Чайковскій долженъ быть дирижировать въ С.-Петербургѣ концертомъ, устроеннымъ Фигнеромъ въ пользу голодающихъ. *Прим. С. Л.*